

*Книга посвящается детям —
погибшим и выжившим*

Там, где официально
узакононено убиство,
нет места ни раскаяниям,
ни извинениям.

СИМОН ВИЗЕНТАЛЬ

Оглавление

Предисловие	9
Пролог. «Когда гробы зияют...»	16
Глава 1. 11 октября 2009 года, Ватикан	17
Глава 2. 8 марта 1992 года, Порт-Алберни (Канада)	18
Глава 3. 27 августа 1996 года, Ванкувер (Канада).	23
Глава 4. 1992–1993 годы, Порт-Алберни (Канада).	26
Глава 5. 28 августа 1996 года, Ванкувер (Канада).	32
Глава 6. Интермедия: гонения на безвинных	36
Глава 7. Март 1993 года, Порт-Алберни (Канада)	39
Глава 8. 13 июня 1998 года, Ванкувер (Канада)	44
Глава 9. Апрель 1993 года, поселение Марктосис (остров Флорес) .	46
Глава 10. 6 октября 1996 года, Ванкувер (Канада).	52
Глава 11. Апрель 1993 года, Порт-Алберни (Канада).	54
Глава 12. 6 октября 1996 года, Ванкувер (Канада).	56
Глава 13. 1993–1994 годы, Порт-Алберни (Канада).	59
Глава 14. 14 июня 1998 года, Ванкувер (Канада)	63
Глава 15. 23 января 1995 года, Порт-Алберни (Канада)	65
Глава 16. Январь 1994 года, Порт-Алберни (Канада).	70
<i>Реквием по Марку</i>	70
Глава 17. 1995 год, Порт-Алберни и Ванкувер (Канада)	74
Глава 18. 6 марта 1997 года, Ванкувер (Канада).	77
Глава 19. 18 декабря 1995 года, Ванкувер (Канада).	80
Глава 20. 7 марта 1997 года, Ванкувер (Канада).	83
Глава 21. Сентябрь 1995 года, Ванкувер (Канада)	86
Глава 22. Интермедия: война глазами детей	111
Глава 23. Январь 1996 года, Ванкувер (Канада)	114
Глава 24. 1997 год, Ванкувер (Канада)	122
Глава 25. Февраль 1998 года, Ванкувер, район Ист-Сайд (Канада) .	125
Глава 26. Апрель 1987 года, штат Чьяпас (Южная Мексика).	126
Глава 27. 12 июня 1998 года, Ванкувер, район Ист-Сайд (Канада) .	131
Глава 28. 14 июня 1998 года: Третий День.	135

Глава 29. Март 2002 года, остров Ванкувер	139
Глава 30. 1999 год: перерыв	141
Глава 31. Новое тысячелетие, остров Солт-Спринг (Канада)	145
Глава 32. 2000–2001 годы, Западное побережье	147
Глава 33. 27 апреля 2002 года, Ванкувер (Канада)	151
Глава 34. Интермедия: завоевание, примирение и переподчинение .	152
Глава 35. 2002–2003 годы, Ванкувер (Канада)	159
Глава 36. Февраль 2003 года. Цензура в Университете Британской Колумбии.	162
Глава 37. 16 ноября 2003 года, Ванкувер, район Ист-Сайд (Канада)	165
Глава 38. Весна 2005 года, съемки фильма (остров Ванкувер)	171
Глава 39. Январь 2007 года	173
Глава 40. 2008–2009 годы. Канада	176
Глава 41. Август 2009 года. Ванкувер, район Ист-Сайд (Канада) . . .	179
Глава 42. Настоящее время: реквием	182
Глава 43. Последнее песнопение: пиррова победа	185

Предисловие

Белые люди получают удовольствие от своих рассказов. Собственно, для этого они и ведут повествование. Правда, излагают лишь свои личные взгляды, и поэтому, в большинстве своем, их повествования неправдивы. Да и вообще, белые говорят лишь о своих добрых деяниях. Если же они заговорят об индейцах, то непременно упомянут далеко не самые благородные поступки.

ЖЕЛТЫЙ ВОЛК ИЗ ПЛЕМЕНИ НЕ-ПЕРСЕ, 1856-1935 ГОДЫ

Тем, кто придерживается традиционных знаний, факты, описанные в этой книге, могут показаться странными. Некоторые, возможно, даже сочтут немыслимым, чтобы их благочестивые предки вообще могли осуществлять подобную деятельность (в особенности это касается предумышленных машинаций с официальными документами)... Да, люди, отказавшиеся от собственных моральных устоев и стремящиеся обрести власть незаконными путями, обычно приукрашивают высококонрастивенными.

ФРЕДЕРИК ТЕРНЕР, АВТОР КНИГИ
«ЗА РАМКАМИ ГЕОГРАФИИ» («BEYOND GEOGRAPHY»)

Когда я был маленьким, мама изо всех сил пыталась сделать из меня культурного человека. Основной причиной этого стремления были сильные предубеждения, перешедшие к ней от ее отца. В общем, в возрасте шести лет меня отправили в воскресную школу. Честно говоря, я ее терпеть не мог! Как-то нам читали отрывок то ли из Третьей книги Царств, то ли из Четвертой, в котором рассказывалось, как Господь покарал всех жителей города, коим был недоволен, — мужчин, женщин, детей, —

всех! У меня в голове тут же возник вопрос: за что же я должен почитать и слушаться Господа, если даже мой земной отец куда добрее и справедливее? С тех пор в воскресной школе я больше не появлялся, однако впечатлений от нее мне хватило надолго.

Благодаря дедушке я навсегда запомнил, что даже у вождя нет власти над личным выбором человека. К примеру, воин всегда был волен выбирать, идти ему сражаться или нет. И если он считал, что битва не оправданна, он мог отказаться от участия в ней. Возможно, это убеждение неприменимо к некоторым племенам (в особенности к тем, что находятся на северо-западных территориях), однако мой дедушка, будучи потомком нантикоков и индейцев лакота, был воспитан именно в таких традициях.

Со временем мне стало ясно, что цивилизация белых (здесь я подразумеваю не расу, а культуру) существует, благодаря страданиям и боли тех, кто не так цивилизован и чья кожа не так бела. Было очевидным: колонизаторы преследовали лишь одну цель — оккупировать чужие территории (заметьте, они вовсе не «открывали» их) в стремлении завладеть чужими ресурсами и богатствами, будь то золото, земли или народ. В наше время можно говорить о более актуальных нефти, драгметаллах и месторождениях прочих полезных ископаемых. Впрочем, как правило, вне зависимости от исторического периода, обычно все происходит по одному и тому же сценарию под названием «Мы научим вас жить лучше (даруем спасение через Иисуса, покажем, что такое закон и государство, и так далее, и тому подобное)». В общем, каким бы ни был дар, предлагаемый колонизаторами, все их «благие» намерения сводятся к получению власти и богатств — в пользу Великого Белого Отца (земного Господа) — и истреблению местного населения и его культуры.

Вообще, еще в 1872 году Фрэнсис Уокер, уполномоченный по делам с индейцами, написал следующее:

«В отношении взаимодействия цивилизованных людей с дикарями не приходится и говорить ни о каком национальном достоинстве...»

Чуть позже он упомянул о том, что вполне мог бы «укротить этих диких зверей и заставить их просить милостыню» — нужно было лишь правильно подойти к вопросу резерваций и гетто. А ведь подобное положение дел имело место практически

на любой территории, которую «открывал» Белый человек: в Северной и Южной Америке, Африке и других странах.

Что касается христиан, то, пытаясь как-то оправдать захват индейских земель и сопутствующие этому процессу убийства, они ссылались на Господа и Писания. Особенно любимыми пуританами в этой связи отрывками стали следующие:

«Проси у Меня — и дам народы в наследие Тебе, и пределы земли во владение Тебе» (Псалтирь 2:8).

«Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (К Римлянам 13:2).

Одним словом, цивилизованный — «белый» — человек всегда считал (да и ныне продолжает по-прежнему считать), что имеет право на землю, богатства и жизни тех, кто не придерживается христианства, а также тех, кто не так цивилизован и чья кожа не так бела. При этом частенько основной мишенью становятся дети, ведь, как говорил еще генерал Шерман, «из гнид вырастают вши». Между прочим, еще в 1938 году шайенка (сами представители этого племени индейцев называют себя «тсисистас»*) Роксана Данбар-Ортиз так отзывалась о происходящем: «Геноцид — это не случайность, а колониальная политика».

На данный момент единственно доступная нам информация в отношении этого вопроса связана с канадскими школами-интернатами. О мучениях детей индейских племен, порой со смертельным исходом, известно довольно давно: еще в начале XX века об этом писали вождь Лютер Стоящий Медведь и другие. Более того, по словам Стоящего Медведя, уровень смертности в Карлайлской индейской школе (штат Пенсильвания) составляет 50 процентов, что соответствует и уровню смертности, о котором говорит Кевин Аннетт (в канадских школах-интернатах).

В середине 90-х годов уже прошлого XX века преподобный Кевин Аннетт занял должность священника в церкви Святого Андрея в Порт-Алберни на острове Ванкувер. Почти сразу его сильно удивил тот факт, что среди паствы не было ни одного индейца. Этот закономерный и вполне невинный вопрос,

* В переводе «Тсисистас» означает «Подобные нам». — *Примеч. пер.*

который, конечно, не следовало бы и озвучивать, стал причиной его злоключений, превратив Кевина — в буквальном смысле этого слова — в воина.

Итак, перед вами история человека, потерявшего практически все: его довели до нищеты и разорения, а одно лишь упоминание его имени вызывает у окружающих отвращение. Вступив в борьбу с двумя серьезными инструментами отправления власти — государством и церковью, — этот человек взял на себя серьезную и опасную задачу, ведь за их спиной, словно нацистский конвой, стоит Королевская канадская конная полиция и убийцы, готовые действовать по первому требованию.

Впрочем, каждому из нас известно, что случается с такими людьми: в качестве примера можно привести жизнь Сократа, Иисуса, Джордано Бруно, Мартина Лютера Кинга-младшего. Иными словами, шансы на победу в столь неравном бою ничтожно малы. Однако имя Кевина Аннетта имеет полное право находиться в одном ряду с именами этих великих людей, поскольку он — истинный герой.

Итак, эта книга — история человека, жизнь которого находится под постоянной угрозой, поскольку он не гнушается заниматься тем, что, собственно, и должен делать человек: помогать беспомощным, говорить правду и обращать свои силы на поиски справедливости.

Факты, открывшиеся Кевину, о деятельности канадских школ-интернатов для индейских детей, свидетельствуют не только о преступлениях в традиционном понимании этого слова. Речь идет еще и о преступлениях против души, против самой человеческой природы и всего того, что на протяжении миллиона лет люди считали священным.

Как-то, когда мне было восемь лет, дедушка сказал мне: «Курт, между цивилизованной личностью и настоящим человеком огромная разница». Еще Обманывающий Ворон, последний церемониальный вождь племени оглала лакота и величайший знахарь XX века, говорил: «Белый человек — это мутант». Именно это слово я и стал использовать, чтобы провести различие между цивилизованным человеком и человеком доисторического периода, представителя племени, жившего в гармонии с природой.

Сегодня все происходящее в жизни зависит не от Иисуса, не от Ганди, не от генома человека и не от человеческой истории, а от

бедушных мутантов, которым присущи алчность, чревоугодие, стремление к власти и эгоизм. Иными словами, Кевин Аннетт рассказывает нам не о церквях, не о государстве и не об образовательной системе, а о цивилизованных людях — о нас самих!

В отношении основной темы книги Кевина, собственно повествующей о геноциде тысяч коренных американцев и его последующем сокрытии, лежащем на совести церковей и государства как основных инструментов власти, было бы уместно привести один пример. Вы только представьте себе: детям в языки вонзали гвозди — за то, что они пытались говорить на родном наречии.

Вследствие подобной деятельности мутантов и свойственных им убеждений, детей воспитывали в антагонизме их генетической природе. Подобное обращение, несомненно, жестоко, и причина тому — общество эгоистов, страдающих от бесконечных депрессий, постоянного беспокойства и чувства страха, наркотического воздействия телевидения, развлечений и секса, а также ненасытной жажды потребительства, общество эгоистов, испытывающих ненависть к окружающим обстоятельствам и людям вообще. Здесь важно, что упомянутые аспекты разрушают не только саму личность, но и заложенные в ней природные генетические программы отцовства и материнства.

Цивилизованная личность в своем развитии уже отошла от присущих настоящему человеку генетических и культурных структур. Демонстрируя, насколько он мутировал, такой человек представляет собой особь, подверженную патологии. И школы-интернаты (в данном случае) — лишь один из многочисленных тому примеров.

Приведенные же ниже высказывания принадлежат самым что ни на есть настоящим — с большой буквы — людям:

Дети рано или поздно научатся копировать вас. Так что если вы хотите воспитать хорошего ребенка, ведите себя достойно.

Стоящий ПОСРЕДИ (ИЗ ПЛЕМЕНИ МЕСКАЛЕРО-АПАЧЕ)

Людям приятно слушать истории о благих деяниях, совершенных ради детей, и поэтому они тяготеют к подобным поступкам.

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ПЛЕМЕНИ АССИНИБОЙНОВ

Нам не нужны богатства — мы лишь хотим правильно воспитать своих детей и нуждается только в гармонии и любви.

КРАСНОЕ ОБЛАКО (ПЛЕМЯ ОГЛАЛА ЛАКОТА)

А вот что говорит о своем детстве вождь Лютер Стоящий Медведь:

Каждый ребенок племени лакота постоянно ощущал поддержку и заботу старших, будь то его отец, мать, тетя, дядя или кто-либо иной из бесчисленных его родственников. Более того, ребенок был всегда здесь не только частью какой-то семьи, но и частью всего племени, и поэтому его везде принимали радушно, как дома.

В некотором смысле, моей матери была присуща такая отличительная черта, как мягкость. Кстати, никто никогда не гневался на меня и не ругал за неудачи и недостатки: ни она, ни кто-либо из тех, кто заботился обо мне. Избиение и наказания детей в племени лакота считались недопустимой жестокостью. Я и понятия не имел, что такое физическое вымещение гнева — при мне никто никогда его не проявлял.

Индийское воспитание основывалось на развитии индивидуальных качеств и признании прав. Эта естественная модель воспитания, безусловно, отличалась от той, что присуща школьному образованию, однако она придавала человеку сил и содействовала его развитию. Иными словами, если бы сейчас мне потребовалось помочь какому-то юнцу начать свой жизненный путь и у меня была бы возможность выбирать между естественной моделью воспитания предков и современной — цивилизационной — моделью Белого человека, я бы, не колеблясь, отдал предпочтение первому варианту. Да, я воспитал бы ребенка в духе индейцев!

Стоит упомянуть о том, что мутанты до своего рождения вовсе не были такими, какими являются сейчас. Просто они не получили от родителей и общества любви в должной мере. В этой связи, пожалуй, повторю мудрые слова замечательного антрополога Эшли Монтагу:

«В самой природе новорожденного заложена потребность в прикосновении. В течение первых трех лет и даже в период полового созревания весьма важен контакт с матерью. Именно поэтому лишенные его дети, повзрослев, сами не могут в полной мере никому даровать ни бескорыстной любви, ни нежного прикосновения. Они, может, и добьются в жизни многого, но вряд ли испытают подлинное счастье... Такие люди удачливы благодаря отношениям, от которых просто получают удовольствие и в которых от них не требуется выражать нежные эмоции».

После нас на Земле останется лишь наша любовь и наша жестокость — именно они достигнутся следующим поколением как наследство. К лучшему ли, к худшему — неизвестно, но до сих пор это было — только к худшему. Впрочем, возможно, в будущем матерям удастся изменить эту тенденцию.

Доктор философских наук
КУРТ КАЛТРИДЕР

* * *

Предками Курта Калтридера являются нантикоки, индейцы лакота, а также немцы и англичане. В свое время он закончил Геттисбургский колледж, получил степень магистра гуманитарных наук и доктора наук в области философии и клинической психологии в Университете Теннесси. Он написал две книги по культуре аборигенов и посвятил свою жизнь содействию защите обычаев своих предков. В настоящее время Курт проживает в городе Ашленд (штат Орегон).

Пролог

«Когда гробы зияют...»

Годы укрыли истину зарослями ежевики, высокими кле-
нами и вязами, да наспех наваленной землей. Однако, подоб-
но воронкам от снарядов, которые напоминают о прошедших
войнах, общие могилы, испещряющие ландшафт, повествуют
о том, что на самом деле происходило в холодных коридорах
школ-интернатов.

Здесь похоронено множество детей.

Под покровом ночи сюда выгружали крохотные тельца
больных туберкулезом и избитых детей. Самыми юными жер-
твами становились младенцы, рожденные от насильников, но-
сивших на груди крест и вещавших о Боге. Порой, страшась,
как бы их преступление не выплыло наружу, насильники сжи-
гали собственных детей в школьных печах. Несомненно, кое-
кто из них при этом даже возносил молитву. А остальные дети
наблюдали за происходящим со стороны либо придерживали
дверцу печи. Сегодня они, повзрослевшие, рассказывают о том,
что видели своими глазами.

Мэйси Шо. Элейн Дик. Мэгги Сьюард. Ричард Томас. Вики
Стюарт. Альберт Кардинал. Маргарет Сепасс. Джордж Спаз-
зум. Деннис Альберт. Альберт Ханс. Джозеф Джонс. Фрэнсис
Вебстер. Сэнди Митчелл. Джон Чарли. Митчелл Джозеф. Бер-
надетт Томас. Полин Франк. Тедди МакКей. Роуз Джонсон.
Шерри Чарли. Ричард Джонсон.

И еще более пятидесяти тысяч имен других детей.

Глава 1

11 октября 2009 года, Ватикан

Перед старейшим в мире имперским зданием стоит никем не замеченный человек. Одет он довольно просто и незатейливо, но при регалиях. Мужчина на мгновение прикрывает глаза и начинает свою речь: он говорит о детях, которых уже нет в живых, и о тех, кто в ответе за их смерти.

В конце концов, на виду у службы безопасности и окружающих римлян, он принимается раскидывать вокруг землю из могил, взывая к справедливости и избавлению от лжи. Он окропляет землю священной водой, изгоняя лукавого духа, и уходит.

А на следующий день, впервые за несколько последних десятилетий, здесь пронесется смерч. И тогда один из служащих здания попросит о встрече с тем человеком.

Возможно, теперь кто-то выслушает и мертвых.

Глава 2

8 марта 1992 года,
Порт-Алберни (Канада)

Впервые я очутился в долине Алберни холодным весенним утром. Тогда я сразу же подметил некое уныние, царившее вокруг. Создавалось впечатление, будто причина его кроется не только в редких ливнях и сером тумане, поднимающемся от Тихого океана по извилистому заливу.

Как это ни странно, у меня возникло желание развернуться и отправиться обратно, к парому — над долиной прямо-таки реял мрачный, если не сказать вполне реальный и осязаемый дух уныния.

Вообще, я направлялся на собеседование: я надеялся, что в этом небольшом прибрежном городке, где проживало всего семнадцать тысяч человек, меня примут на должность священника. Надо сказать, центральная часть острова когда-то была эпицентром вторжения миссионеров. А сейчас городок жил за счет лесопилки, работа которой постепенно сходила на нет — на острове уже давно была вырублена большая часть величавых кедров.

Несмотря на то, что земли были разорены, практически половину окружающего пространства занимали коренные американцы. Кстати, здесь наблюдался самый высокий уровень смертности во всей Британской Колумбии.

Объединенная церковь Святого Андрея, в которую я, собственно, и направлялся, располагалась в мрачном осевшем здании, расположенном в северной части городка. Неподалеку от церкви проходило шоссе; оно вело к западному побережью — каждые несколько минут по дороге с грохотом проезжали лесовозы, груженные огромными деревьями.

У парадного входа меня встретил маленький коренастый мужчина по имени Фред Бишоп, поприветствовавший меня быстрым и крепким рукопожатием. Когда он представился мне (оказалось, что он — председатель комитета по пастырским связям), у него чуть надломился голос.

— Пройдемте, — пригласил он меня внутрь, чуть кивая в направлении задней части церкви. Казалось, ему было сложно даже выдать из себя улыбку.

В задней комнате меня встретили десять учтивых сотрудников церкви, расположившихся вдоль длинного деревянного стола.

Когда все формальности были соблюдены, Фред попросил меня рассказать о себе. Так я и поступил, не забыв упомянуть и о том, что у меня есть дочка трех лет по имени Клер и жена Энн, которая вот-вот должна родить еще одного ребенка.

Моя биография — в особенности тот факт, что я вел социальную работу на улицах Торонто и в трущобах Ванкувера, — весьма впечатлила их. Более того, моих собеседников удивила моя искренность. Через пару минут мне было ясно: они готовы предложить мне занять эту вакансию.

— Нам требуются новые кадры. Сами мы не справляемся, — прокомментировала ситуацию пожилая женщина. Собственно, ее взгляд и усталый голос сказали все за нее — я и раньше сталкивался с подобным.

Через неделю Фред уведомил меня о том, что все единогласно приняли решение предложить мне пост священника. Я с готовностью согласился.

В ту пору я, тридцатилетний, был вполне счастлив — вскоре после собеседования у меня родилась вторая дочурка Элинор. Правда, по-видимому, ее рождение стало последним всплеском моего везения.

В общем, я поселился в Порт-Алберни. Через какое-то время мрачная, унылая погода сменилась типичным для западного побережья ярким летом.

Поначалу я совершенно не замечал в городке коренного населения: они почти не попадались мне на глаза. Впрочем, я видел некоторых из их числа на улицах, а вскоре понял: они не посещают мою церковь!

На мою первую воскресную службу пришли лишь двадцать пожилых белых прихожан — вероятно, они надеялись на то, что я смогу привести церковь в порядок.

По окончании службы, когда присутствующие принялись кружить вокруг столика с кофе, а я безуспешно пытался вспомнить их имена, мне показалось, будто они чего-то очень старательно избегают: складывалось впечатление, будто за их учтивыми манерами скрывается какая-то «семейная» тайна, которую они не желают выдавать.

Впрочем, кое-что мне удалось узнать во время нашей беседы с Фредом Бишопом, совершенно невозмутимым председателем комитета. Мало того, что он управлял делами церкви Святого Андрея, он был высокопоставленным служащим у Мак-Миллана Бледела, местного промышленника, владевшего лесопилкой. Более того, когда-то он был и мэром этого городка. По словам самого Фреда, его предки — представители первых европейцев, заселивших долину Алберни.

— На самом деле, еще в начале 60-х годов XIX века они стали первопроходцами. Примерно в это же время многие индейцы погибли от эпидемии оспы, — сообщил мне Фред.

Вероятно, в этом наблюдении содержался некоторый подтекст, исполненный смысла. Чуть позднее я узнал о том, что Фреду была известна вся история здешних мест. Впрочем, как и местные секреты.

— Да что вы! — ответил я, не зная, как следует реагировать. Фред прихлебывал чай, поглядывая на меня поверх краешка чашки. Тогда я сделал глубокий вдох и сказал:

— Знаете, Фред, я заметил, что сегодня в церкви не было ни одного индейца.

Фред чуть не поперхнулся — ему даже пришлось прокашляться и отставить чашку.

— Они вообще избегают чужих. Да и мы не особо стремимся с ними общаться, — он окинул взглядом собравшихся, а потом снова перевел свой взор на меня. — В общем, всех устраивает такое положение дел.

Отметив его волнение, я не стал продолжать расспросы, однако всю неделю меня не покидали мысли о его словах и странной реакции.

Я и понятия не имел, как подступиться к местному коренному населению, но оказалось, что в этом не было необходимости — они сами ко мне обратились. Спустя пару дней после беседы с Фредом мне позвонил некий мужчина, который представился как Дэнни Гас. Выяснилось, что Дэнни — местный рыбак-пенсионер; он живет к западу от городка, в индейской резервации Тсесхакт, что неподалеку от бывшей школы-интерната для индейских детей в Алберни. Мне было известно, что моя церковь руководила этой школой более пятидесяти лет, однако о самой школе я ничего не знал. В общем, не теряя времени зря, Дэнни пригласил меня к себе.

— Я охотно загляну к вам, — ответил я. — Но могу ли я поинтересоваться, по какому поводу вы желаете меня видеть?

На том конце провода раздался легкий смешок.

— Мы с Клотильдой хотим пожениться.

— Чудесно. Примите мои поздравления.

— Просто скоро родятся внуки, и мы решили, что, раз прошло сорок лет, пора бы ей уже стать порядочной женщиной.

Мы оба рассмеялись.

— Отец, послушайте, — продолжил он, — как вы думаете, может, мне нужна какая-нибудь консультация по вопросам семьи и брака?

— Шутите, что ли? — удивился я. — Да вы оба сами могли бы преподавать мне урок.

Итак, назавтра я отправился к Дэнни — в тот день я впервые очутился в резервации. Они с Клотильдой жили в осевшей и покрытой мхом хижине, буквально в тридцати метрах от того места, где раньше располагалась школа-интернат, — теперь здесь находился местный племенной совет. Земля у темной реки Сомасс, некогда отведенная под школу и поглотившая многих соотечественников Дэнни, поначалу, еще будучи влажной от дождя, показалась мне мрачной. Дэнни с Клотильдой встретили меня у входа — на вид эти крепкие индейцы были довольно уставшими. Мы присели в заставленной вещами гостиной, украшенной фотографиями родственников и друзей.

Несколько торжественно Клотильда поставила на стол кружки с чаем и подала икру лосося в масле. Честно говоря, на вкус это блюдо просто отвратительно, но, словно белый либерал, я решил притвориться, будто оно мне нравится. В ответ хозяйка принялась подкладывать мне в тарелку все больше этой жирной смеси.

В тот день я усвоил один урок.

Спустя некоторое время после обеда беседа стала уже не такой оживленной: Дэнни уселся у окна и принялся глядеть на земли, некогда принадлежавшие школе-интернату.

А поскольку я ничего не знал о школе, я поделился с Дэнни своими наблюдениями:

— Интересно, почему коренное население не посещает мои службы? Ведь многие из вас как-то связаны с Объединенной Церковью...

Дэнни обернулся, и при его взгляде я тут же умолк. Он вытащил только что зажженную трубку изо рта и почесал ею висок. Потом он покачал головой и снова принялся смотреть в окно. После долгой паузы Дэнни, наконец, пробормотал:

— В этой школе убили моего лучшего друга. Просто как-то ночью забили его до смерти за то, что он сильно плакал. А потом похоронили на холме за зданием. Служителям церкви прекрасно об этом известно; они не желают видеть нас среди своих прихожан.

Глава 3

27 августа 1996 года,
Ванкувер (Канада)

Суровый мужчина средних лет наклоняется к микрофону.

— *Итак, уточню: я — доктор Джон Джессиман. Меня пригласили председательствовать в качестве судебного должностного лица на этом официальном слушании, которое проводится Ассоциацией Объединенной церкви Канады в Британской Колумбии в отношении преподобного Кевина Аннетта по требованию пресвитерии Комокса и Нанаймо лишить упомянутое лицо права осуществлять свою деятельность. Рядом со мной находятся члены комиссии по заслушиванию дела: председатель — преподобная Молли Уильямс, секретарь — преподобная Элинор О’Нилл, Джеффри Уилкинс, представитель заявителя — Иэн Бенсон и квалифицированный стенографист.*

Он делает паузу и добавляет:

— *Запишите время и дату начала слушаний: девять утра, 28 августа 1996 года и место — зал заседаний Объединенной церкви святого Иоанна, Ванкувер (Британская Колумбия).*

Далее он продолжил:

— *Хотелось бы подчеркнуть, что мы с вами находимся не в суде, однако нами будут соблюдены внутренние правила Объединенной церкви в отношении дисциплинарных слушаний. Цель слушаний заключается в том, чтобы определить, следует ли Ассоциации Британской Колумбии руководствоваться рекомендациями пресвитерии и лишить преподобного Кевина Аннетта сана священника. Слушание будет проводиться по нормам доказательственного права и по надлежащим правовым процедурам провинции Британская Колумбия.*

Доктор Джессиман наклоняется чуть вперед и вопрошает:

— *Вам все ясно, мистер Аннетт?*

В ответ обвиняемый тоже чуть подается вперед. Он сидит в деревянном кресле, обращенном к столу и сидящим за ним членам комиссии. Это — человек среднего роста, одетый в темный костюм, на шее у него виден пасторский воротничок.

Обвиняемый смотрит сквозь очки без оправы, над которыми выделяется высокий и широкий лоб, не прикрытый длинными, вьющимися волосами, уложенными на манер прически Бена Франклина; мгновенье молчит и дает четкий ответ:

— Мне бы хотелось задать членам комиссии вопрос, на который я прошу ответа уже более года: какова причина моего смещения с должности, а также — какие выдвигаются против меня обвинения и кем именно? Более того, мне бы хотелось попросить членов комиссии определить основания для лишения священника Объединенной церкви его поста. Эта информация необходима мне затем, чтобы выстроить линию защиты.

Он обращается непосредственно к доктору Джессиману, но его речь чрезвычайно волнует председателя Молли Уильямс, и она тоже поворачивается к Джессиману, чтобы посоветоваться с ним. Затем она кивает и оборачивается к Кевину Аннетту:

— Преподобный Аннетт, против вас не выдвинуто никаких обвинений. Слушание было созвано в ответ на рекомендацию пресвитерии Комокса и Нанаймо удалить ваше имя из действующего списка священников. Однако для подобной процедуры не существует установленных критериев. Именно они и будут определены присяжными к концу слушаний.

Преподобный Аннетт совсем не удивлен. Скорее в его глазах отражается печаль, вызванная полным пониманием происходящего.

— Так если против меня не выдвинуто никаких обвинений, и мне неизвестно, по каким критериям вы собираетесь меня судить, как же я могу выстроить линию защиты?

Джон Джессиман отвечает ему, что этот вопрос не уместен и никак не относится к разбирательству.

— Могу ли я уточнить, — обращается к нему преподобный Аннетт, — как просьба о соблюдении надлежащей правовой процедуры может быть неуместна?

Доктор Джессиман оставляет его вопрос без ответа и слегка поворачивается налево:

— Прежде чем приступать к разбирательству, присяжным следует ознакомиться с деталями дела. Мистер Бенсон, прошу вас.

Со своего места встает Иэн Бенсон, невысокий сердитый мужчина, адвокат-католик. Члены пресвитерии наняли его с тем, чтобы гарантировать исключение Кевина Аннетта из рядов духовенства.

Бенсон приступает к чтению отчета:

— *«Мистер Аннетт — сорок два года, священник Объединенной церкви. В 1990 году закончил Ванкуверскую теологическую школу со степенью магистра теологии. В мае этого года Объединенная церковь посвятила его в сан. Мистер Аннетт также имеет степень бакалавра в области антропологии и степень магистра в сфере политических наук. В 1992 году он претендовал на вакансию в Объединенном приходе Святого Андрея в Порт-Алберни. В июле того же года его пригласили на работу.*

Мистер Аннетт прекратил выполнять свои обязанности священника в церкви Святого Андрея приблизительно через два с половиной года, в январе 95-го, поскольку не смог обеспечить благоденствия церкви».

«Вот только информацию о моей учебе на юридическом факультете он опустил», — думает про себя Кевин Аннетт.

— *Мистер Бенсон, — обращается к мужчине председатель, — вы готовы вызвать своего первого свидетеля?*

Иэн Бенсон оборачивается лицом к длинному столу:

— *В качестве первого из четырех свидетелей я вызываю Боба Стивена, бывшего председателя пресвитерии Комокса и Нанаймо, отправлявшего свои обязанности в то время, как преподобный Аннетт покинул свой пост в церкви Святого Андрея в Порт-Алберни.*

Глава 4

1992-1993 годы,
Порт-Алберни (Канада)

Все указывало на то, что мы с семьей переехали в одно из самых худших мест во всей провинции.

В тот год, как я прибыл в Порт-Алберни, власти провинции провели анкетирование, по результатам которого выяснилось: в городке самые высокие показатели насилия в семье, детской смертности и нищеты во всей Британской Колумбии. Однако почти никто из прихожан не желал об этом говорить. По сути, я сталкивался с действительностью каждый день, проходя по улицам Порт-Алберни. К тому же в моей жизни стали появляться люди, которых эти обстоятельства касались непосредственно. В некотором смысле эта реальность проникла и в нашу маленькую уютную церквушку, особенно тогда, когда я открыл ее двери всем желающим и организовал в подвале склад продуктов.

Мы назвали наше предприятие «Земные блага» — это название предложила деятельная индианка по имени Дебби Сьюард, которая стала частенько посещать мою церковь вместе с родственниками и друзьями.

Как-то раз, спустя примерно месяц моей работы в церкви Святого Андрея, к нам пришла еще одна индианка по имени Карен Коннерли: она вошла в церковь воскресным утром вместе со своими детьми Эриком и Кендрой. Заняв место, женщина отпустила детей побегать — типичное поведение для индейской культуры. Одна из представительниц паствы не выдержала и попросила Карен покинуть церковь.

— Да пошла ты, сука! — ответила ей Карен. Прихожанка покраснела, бросила на меня гневный взгляд и выбежала из церкви.

В конце концов, она, правда, вернулась и даже стала одной из моих самых ярых сторонниц. Более того, она познакомилась с Карен и ее детьми и теперь возит их на машине к церкви и складу продуктов. Именно благодаря тому, первому конфликту невысказанное было облечено в слова, а к запретной двери, что давно не открывалась, наконец-таки, нашелся ключ.

В то воскресенье Карен с детьми о многом нам поведали.

Я как раз читал проповедь о добром самаритянине и о том, что не следует проходить мимо страдающего незнакомца и, в особенности, того, кого нас приучили бояться. Однако Карен перебила меня и заявила:

— Вот и мы, индейцы, сталкиваемся с тем же самым, преподобный отец.

Все молчали, и я попросил:

— Расскажите. Мне ничего об этом не известно.

Карен занервничала, оглянувшись, но продолжила:

— Вот Кендра постоянно болеет, и врачи бездействуют. Мне потому и захотелось привести ее сюда, чтобы с ней не случилось того же, что и с Чарли-младшим.

Внезапно один из церемониймейстеров, сидевших на задних рядах, быстро вышел из церкви, захлопнув за собой дверь. Ко мне обернулись занервничавшие прихожане, безмолвно умоляющие разобраться с этой незваной гостьей. Но я видел лишь отчаянный взгляд карих глаз Карен.

— Что же случилось с Чарли? — спросил я.

— Чарли был моим первенцем. В прошлом году он умер от воспаления легких. Мы пришли с ним в больницу, но никто не стал ему помогать. И вот во время проповеди я вспомнила о нем. Жаль, что рядом не оказалось такого доброго человека, как этот самаритянин, — уж он бы сумел помочь Чарли.

Одна из белых женщин расплакалась, и сердитые взгляды окружающих смягчились.

Я собирался что-то сказать, но понял, что в этом нет нужды. Карен удалось все резюмировать куда лучше, чем мне.

Во время перерыва Кендра с братом забрали себе большую часть печенья — их покрасневшие слезящиеся глаза и цепкие руки говорили красноречивее всяких слов о жизни индейцев в Порт-Алберни. Так и начала приоткрываться дверь, за которой, в итоге, обнаружили факты, касавшиеся не только болезней и пренебрежения.

Еще больше ее приоткрыла женщина по имени Вирджиния (ее индейского имени я никак не мог выговорить). Пару недель спустя она подошла ко мне после службы с чашкой кофе; мне тогда еще показалось, что она ведет себя несколько кокетливо. И действительно, она произнесла:

— Меня зовут Вирджиния, но вы можете звать меня просто Вирджин*.

* «Virgin» в переводе с английского означает «дева; девственница». — *Примеч. пер.*

Одна бровь у нее была слегка изогнута, и почему-то казалось, что она одновременно и весела, и печальна. Вероятно, ее обращение к белому и попытка что-то ему объяснить были несколько эксцентричными.

— Я слышала, о чем вы говорили сегодня, — понизила она тон. — А вы знаете, что в этой школе директор хорошенько награждал мальчиков за то, что они запоминали наизусть десять заповедей? — добавила она, выжидаяще глядя на меня.

— И? — нетерпеливо спросил я — вокруг нас снова люди.

— Он вызывал их к себе одного за другим. В свою спальню.

Увидев, как я нахмурился, она продолжила:

— Если мальчик мог перечислить все десять заповедей, он занимался с ним анальным сексом. Вот такой и была награда.

Я в возмущении покачал головой и спросил:

— И что же случилось с этим директором?

Вирджиния рассмеялась.

— Да он довольно долго проработал в школе Алберни. Именно он подвергал моего брата воздействию электрошока. Впрочем, позднее он уволился оттуда.

— И никто не рассказал об этом полиции? — возмутился я.

Вирджиния пристально на меня посмотрела и только сказала:

— Ох, Кевин, вам еще многое предстоит узнать.

В общем, просвещаться в этом отношении в Порт-Алберни я начал довольно рано. Впрочем, я вовсе и не собирался глубоко копаться в жизни коренного населения, посещавшего мою церковь. Но чем лучше я узнавал этих людей, тем больше меня поражало, насколько глубоки корни их страданий и как мало я об этом знаю. Я понял, что мне придется позабыть о многом из того, чему меня учили, а в особенности — об истории Канады и своей собственной церкви.

Одно из первых глубоких разочарований я испытал, когда отправлял обряды похорон в местных индейских резервациях. В большинстве случаев хоронили либо подростков-самоубийц, либо совсем маленьких детей.

Тогда я вспомнил, как еще задолго до этого читал в газете сообщения о том, что индейцы весьма часто кончают жизнь самоубийством. Как правило, и журналисты, и пораженные социальные работники описывали эти события с одинаковым ужасом, особенно если дело касалось молодежи.

«Отчего же среди индейской молодежи столь велик процент самоубийств?» — интересовались озабоченные этим вопросом журналисты. И вот я сам столкнулся с ответом — лицом к лицу.

Чем ближе я общался с семьями индейцев, чем больше времени проводил с ними, слушая их рассказы и нисколько не пытаясь завербовать их в свою церковь, тем больше я узнавал о том, как школы-интернаты для индейских детей посеяли столько страданий и повлияли на возникновение такого огромного количества случаев самоубийств.

Впрочем, об этих школах я не знал практически ничего, за исключением той информации, которой со мной соизволили поделиться представители церкви.

— Когда-то эти школы были нашей гордостью и отрадой, — рассказал Оливер Говард, мой предшественник в должности священника церкви Святого Андрея и бывший миссионер, который помог мне адаптироваться. — Наша задача заключалась в том, чтобы воскресить гибнущую расу и принести им Благую Весть.

Однако выжившие и их родственники утверждали обратное.

С чужих слов, а позднее и благодаря собственному расследованию я узнал, что представители духовенства и Королевской канадской конной полиции приезжали в индейские поселения и буквально выхватывали маленьких детей (примерно в возрасте трех лет) из рук родителей. Если же взрослые пытались сопротивляться, против них тут же применяли силу.

Боясь, как бы отказ подчиниться не позволил властям посадить их в тюрьму, они подписывали документ, согласно которому права на опеку получали директора школ и представители церкви, финансирующие эти учреждения. В итоге в большинстве случаев родители уже никогда не видели своих детей. Позднее я узнал, что около половины из этих малышек умерло в интернатах от болезней, которыми их заражали умышленно, и от недоедания; более того, кого-то убили, а кто-то умер от разрыва сердца, что случалось чаще всего.

Кое-какая трагическая информация открылась мне, когда мы с моей старшей дочерью Клер развозили по местным резервациям хлеб и вещи для детей. Помню, как моя голубоглазая четырехлетняя дочка недоверчиво глядела на полчища индейских детей, с радостью и смехом сбегавшихся к нам за хлебом. Но уже через пару таких поездок она осторожно предложила мне свои конфеты и попросила отдать их детям.

В первый год моей работы, как раз перед Рождеством — а это непростой период, ведь в эту пору совершается много самоубийств, — меня позвали провести церемонию похорон в одной из резерваций к западу от городка. На этот раз хоронили внезапно умершего ребенка. Я едва ли проработал в церкви пол-

года, но многие коренные жители меня уже знали. На лужайку перед домом мне навстречу вышли все члены семьи малыша, и дедушка Ричард попросил меня окрестить каждого из них.

— Мы все нуждаемся в защите, — сказал он.

— От чего? — спросил я.

Поначалу я подумал, что его оскорбила моя прямота, но Ричард взял меня за руку, отвел в сторону и тихонько сказал:

— Душа этого ребенка не обретет покоя — она еще вернется за одним из нас.

Я кивнул, хоть ничего и не понял: «А почему она не обретет покоя?»

Ричард пристально на меня посмотрел, будто бы колеблясь, но в конце концов тихо ответил:

— Теперь малыш пребывает со всеми теми детьми, что здесь погибли. И ни один из них не может обрести покоя.

Тут я вспомнил, как Дэнни Гас упоминал о своем убитом друге, и спросил Ричарда:

— Вы имеете в виду тех детей, что погибли в школе-интернате?

Ричард будто расслабился, почувствовав облегчение, и кивнул. У него даже засияли глаза.

— Я очень рад, что вы пришли к нам, — сказал он и взял меня за руку.

Меня, конечно, немного беспокоило, как руководство церкви отнесется к тому, что я крестил больше десятка человек, которые не являлись нашими прихожанами, да к тому же были индейцами, однако я выполнил всю процедуру. Так, в мгновение ока я ощутил причастность к тайне, в которой пока не мог разобраться. Однако я понимал, что мне необходимо ее раскрыть. После церемонии мы все сели за трапезу — таков был их обычай. Расположившись в небольшой гостиной, мы ели лосося и жевали пресные лепешки. В какой-то момент, ощутив себя в безопасности, люди принялись беседовать о местной школе-интернате.

Я провел у них довольно много времени и покинул этот дом совершенно ошеломленным — я поверить не мог в то, что услышал.

— Да они наверняка все это выдумали, — заявила моя жена Энн, когда я поделился с ней кое-чем из того, что услышал.

И не у нее одной было такое мнение на этот счет. С этой проблемой я обращался к тем, кому, как мне казалось, я мог доверять — к своим коллегам по Объединенной церкви. Впрочем, они реагировали, как и Энн, вот только в их отношении к этому чувствовалось какое-то недовольство.

— Они просто ненавидят нас за то, что мы отняли у них земли. Потому и говорят всякие гадости, — заявил мой бывший сокурсник по семинарии Фостер Фрид (между прочим, он, в итоге, поспособствовал тому, чтобы меня уволили). Он в ту пору служил священником в богатой церкви в Парксвилле, в дальней западной части острова Ванкувер.

— Ну, скажи мне, неужели ты думаешь, что мы убиваем детей?

Его слова заставили меня усомниться в том, что я узнал. Были ли способны мои люди на массовые убийства? Здесь и сейчас? В это время и в этом месте?

Впрочем, с исторической точки зрения такое заявление имело место быть. Многим известны жестокие подробности истории Северной Америки: мучения, массовые убийства и инквизиция — вот синонимы европейского христианства.

Правда, казалось, что эти ужасные события уже давно в прошлом и никак не относятся к Объединенной церкви Канады, в традициях которой меня и воспитывали. Все, о чем я мог подумать, сводилось к веселой воскресной школе, церковным прогулкам, ужинам жареной курицей, гуманитарной помощи, которую мы отправляли на Гаити, и бесчисленным проповедям о справедливости и любви Иисуса.

Но ведь буквально тут же индейцы рассказывают мне о том, что собственными глазами видели: как в подвале школы-интерната Объединенной церкви Алберни детей привязывали к самодельному электрическому стулу, что пятилетним детям в язык вонзали иглы и вбивали гвозди — за то, что они говорили на родном наречии; духовные лица насиловали маленьких девочек, а потом убивали их в попытке скрыть беременность; детей выстраивали перед некоторыми сановниками в шеренгу — как рабов на аукционе, и те навсегда забирали кого-то с собой.

А мы еще рассуждаем об отношениях англоканадцев и франкоканадцев! Что же из этого было правдой? А может, и то, и другое?

В ту пору я мог в чем-то убедиться лишь одним способом: следовало разузнать побольше информации у очевидцев, дав им шанс рассказать о произошедшем. У меня не было никаких причин не верить само собой разумеющемуся факту: если бы в церкви знали правду, ее представители не только бы сознались, но и привлекли бы виновных к ответственности. И потому в начале 1993 года я положил начало коллективной проповеди — я считал, что, если глас человеческий представляет собой глас Божий, тогда никто его не испугается.

Глава 5

28 августа 1996 года,
Ванкувер (Канада)

Тогда скажет [Господь] и тем, которые по левую сторону: «Уйдите от Меня, проклятые, — вы огонь вечный, уготованный Дьяволу и ангелам его!»

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, 25:41

Иэн Бенсон — не крупный ученый и не доктор или кандидат наук в области юриспруденции или теологии. Он — просто адвокат, которому Объединенная церковь заплатила более шестидесяти тысяч долларов за то, чтобы он дискредитировал Кевина Аннетта и способствовал лишению его духовного сана. Однако голос Бенсона дрожит, что не свойственно адвокатам:

— Я вызываю преподобного Боба Стивена.

Стивен, раскрасневшийся мужчина небольшого роста с жесткими волосами, занимает свое место и приносит присягу.

Поднимая взгляд от своих записей, Иэн Бенсон спрашивает его:

— Боб, какую должность вы занимаете?

— Я являюсь главой пресвитерии Комокса и Нанаймо.

Глядя на мужчину, Кевин Аннетт напоминает, что пару раз уже видел его, однако мистер Стивен никогда не бывал в церкви Святого Андрея и не видел преподобного Аннетта за работой.

— Следует занести в протокол тот факт, — говорит Бенсон, — что мистер Стивен является экспертным свидетелем по делу преподобного Аннетта. Итак, Боб, что вы можете рассказать нам о работе Кевина Аннетта?

— Да немного. Просто мы, то есть я никогда не бывал в этой церкви на воскресных службах. Но мне известно, что он практически не уделял внимания пожилым англичанкам, которые составляют костяк нашей церкви.

Зал полон сторонних наблюдателей: здесь, по меньшей мере, два десятка приглашенных. Выслушав комментарий Стивена, некоторые из них попросту разразились смехом.

— Можете смеяться сколько угодно, — отвечает Стивен, — но у Кевина нет никакого будущего в нашей пресвитерии, особенно если учесть все его проповеди в отношении социальной справедливости.

В зале становится тихо. Кажется, что у доктора Джессимана на мгновение чуть ли не останавливается сердце. Он поднимается и неуклюже подходит к Изну Бенсону и свидетелю. Затем он тихонько что-то сообщает Бенсону, пока тот укрывается за своими записками, и возвращается за стол.

Бенсон прочищает горло.

— Боб, разве вы не считаете, что преподобный Аннетт заслужил справедливого разбирательства?

Боб Стивен в замешательстве оглядывается.

— Послушайте, в моей пресвитерии Кевину не предоставили бы такой возможности, особенно после того, как он начал болтать налево и направо об этих погибших индейских детях.

Кевин Аннетт еле сдерживается, чтобы не пуститься в пляс. Разве этот мрачный служащий только что не подорвал доверие церкви, признав враждебность пресвитерии по отношению к «любителям индейцев»?

Однако доктор Джессиман берет все под свой контроль.

— Мистер Бенсон, близится обеденное время. Я предлагаю сделать часовой перерыв.

И вот, никак не проинформировав Кевина Аннетта, Джессиман, Бенсон и вся комиссия, вместе со стенографистом, отправляется на обед в близлежащий фешенебельный ресторанчик (за счет церкви, разумеется — кстати, так они поступали в ходе всего разбирательства, которое длилось более полугода).

Через час, в продолжение слушания, доктор Джессиман обращается к своим сотрапезникам:

— Уважаемые члены комиссии, сообщают вам о том, что не следует принимать во внимание предыдущие показания, данные Бобом Стивеном, на том основании, что они не относятся к делу преподобного Аннетта и не могут указать, пригоден он к духовной службе или нет.

Кевин Аннетт тут же подскакивает со своего места.

— Доктор Джессиман, но отчего же мнение члена пресвитерии не относится к делу, если именно пресвитерия подвергает сомнению мою пригодность к духовной службе?

— Ваши замечания, мистер Аннетт, только подрывают деятельность комиссии. Ваши мотивы мне не ясны.

Кевин Аннетт кратко записывает, что доктор Джессиман не только выполняет обязанности обвинителя и судьи, но и атакует свидетеля, подкрепляя тем самым слабые доказательства — этому приему Аннетт научился еще более десяти лет назад на курсах ведения судебного процесса на юридическом факультете Университета Британской Колумбии.

— Госпожа председатель, мистер Стивен лично признал тот факт, что до сегодняшнего дня общался со мной всего пару раз, и это, прошу заметить, за три года. Причем оба раза беседы проходили на собраниях пресвитерии. Поэтому его утверждения полностью основаны на слухах, что не соответствует нормам доказательственного права, — заявляет Кевин Аннетт.

— Это к делу не относится, — возражает преподобная Уильямс и, обернувшись к адвокату, произносит:

— Продолжайте, мистер Бенсон.

Иэн Бенсон пытается скрыть ухмылку.

— Итак, Боб, как вы считаете, пригоден ли Кевин Аннетт к духовной службе?

Боб Стивен покрывается испариной и говорит:

— Мне известно лишь то, что многие в церкви были недовольны изменениями, которые Кевин так быстро проводил в жизнь.

— А откуда вам это известно?

— Ну, так говорят. Просто слышал от кого-то.

В ответ Кевин Аннетт снова поднимается со своего места и вопрошает:

— Доктор Джессиман, разве заявление, основанное на слухах, имеет силу?

— Заявление не основано на слухах, — комментирует вопрос Джессиман.

— Как это? — удивляется Кевин.

— Члены комиссии согласны с доктором Джессиманом, — вставляет свое слово председатель Уильямс.

— Я даже не удивлен, — высказывается Кевин Аннетт, — в ходе слушания нарушаются всякие нормы доказательственного права, которых вам следовало бы придерживаться.

Молчание.

После некоторой паузы доктор Джессиман предлагает:

— Преподобный Аннетт, при желании вы можете устроить свидетелю перекрестный допрос.

Иэн Бенсон бросает на Джессимана удивленный взгляд, однако кротко занимает свое место.

Кевин Аннетт подходит к Бобу Стивену, а тот, занервничав и нахмурившись, чуть отворачивается от него.

— Боб, вы лично бывали на моих службах в Порт-Алберни?

— Я слышал, что говорили другие, и видел последствия вашей деятельности.

— Но лично вы на них не бывали!

— В этом не было особой необходимости. Люди сами рассказывали, что вы их только огорчаете и разжигаете конфликты.

— Кто именно вам это рассказывал?

Стивен ничего не отвечает.

— Мистер Стивен, вам известно, что в моем приходе были раздор и раздробленность еще задолго до того, как я приехал? Вам известно, что ее члены вели борьбу как между собой, так и со священниками?

— Нет, я об этом ничего не знаю.

— А должны были бы. Ведь посредница по разрешению конфликта из Ванкуверской теологической школы встречалась с моей паствой еще осенью 1993 года — именно тогда она и составила соответствующий отчет для меня и вашей пресвитерии. Разве вы до сих пор не видели его копию?

Стивен молчит.

— А вы знали, что трех из четырех предшествовавших мне священников церкви Святого Андрея буквально стаскивали с кафедр члены группировок прихода?

Стивен по-прежнему молчит.

— Так можете ли вы объяснить мне, почему пресвитерия именно меня сделала козлом отпущения и обвинила в разжигании конфликта, который зародился еще задолго до моего приезда? И почему под этим ложным предлогом меня лишили права проповедовать?

Стивен ничего не отвечает.

Кевин Аннетт оборачивается к членам комиссии.

— Могу я требовать у мистера Стивена ответа на свой последний вопрос?

— Мне придется вмешаться, — отвечает доктор Джессиман. — Я постановляю, что мистер Стивен закончил дачу показаний.

— Что, простите? — недоумевает Кевин.

— Более того, я предлагаю возобновить слушания через сутки.

Глава 6

Интермедия: гонения на безвинных

Ты накажешь его [ребенка] розгой и спасешь душу его от преисподней.

Притчи 23:14

Преподобный Рассел Кроссли насилует женщин и молодых девочек более тринадцати лет. На самом деле, его почти сразу же — еще в середине 60-х годов XX века — поймали на этом: об этом заявила одна из прихожанок, ставших его жертвой.

Однако адвокаты церкви убедили ее не выдвигать обвинений против Кроссли и предложили молодому священнику переехать в провинцию Онтарио. Впрочем, насиловать девочек и женщин он так и не перестал.

Так продолжалось на протяжении нескольких десятилетий. Каждый раз находилась жертва, которая решалась рассказать об этом, но ее заставляли замолчать, а Кроссли под защитой церкви спокойно переходил к новой группе невинных ягнят. И не было тому конца.

Кроссли совсем немного оставалось до пенсии, как прошлое все-таки настигло его, благодаря настойчивости одной из жертв, которую так и не удалось заставить замолчать. Наряду с другими жертвами Кроссли она выдвинула против него обвинения, включая обвинение в преступлении против несовершеннолетних. Представители Королевской канадской конной полиции угрожали его последним жертвам и пытались как-то их утихомирить, но те продолжали упорствовать. И вот весной 1998 года полицейские с неохотой арестовали Кроссли, и тот предстал перед судом в городе Виктория (провинция Британская Колумбия), где в свое время он «благодействовал» в Метропольной Объединенной церкви.

В ходе разбирательства выяснилось, что у него были определенные связи в лице бывших председателей Объединенной церкви, служащих полиции и иных выдающихся личностей, не замедливших дать ему рекомендации. Служители церкви выразили свое сочувствие по отношению к Кроссли (заметьте,

его невинных жертв они обошли стороной). В общем, исполненный сознания долга судья заключил его в тюрьму на полгода — правда, большую часть срока Кроссли так и не отбыл.

Выйдя из тюрьмы, Рассел Кроссли возобновил свою деятельность священника — да, церковь по-прежнему платила ему зарплату, даже после того, как его обвинили в изнасиловании. Ликующая паства и Ассоциация Объединенной церкви в Британской Колумбии приветствовали его торжественным ужином и наградой «За тридцать пять лет успешного служения». В общем, Кроссли продолжал свою деятельность вплоть до осени 2008 года, когда, наконец, окончательно вышел на пенсию.

Обратимся к сравнению.

- Примерно в то же время (и, кстати, в той же самой Ассоциации), когда Рассела Кроссли восстановили в прежних правах, Кевин Аннетт подвергся остракизму и гонениям, а также пережил крах в профессиональном отношении за то, что указал на некоторые ужасные тайны Объединенной церкви, включая кражу земель коренного населения и убийства индейских детей.

- Кевин Аннетт также занимал пост священника Объединенной церкви, однако у него не было таких связей, как у Кроссли. В отличие от него, Кевин Аннетт никогда не был руководителем церкви на национальном уровне, не писал церковных книг и не излагал на бумаге своего жизненного кредо. Более того, он не причислял к кругу своих друзей ни комиссаров конной полиции, ни политиков.

- Кевин Аннетт, в отличие от Рассела Кроссли, не является насильником. Однако на сегодняшний день он официально лишен духовного сана и больше не является священником Объединенной церкви, чего не скажешь о Кроссли.

- Ежедневно на Кевина Аннетта клеветают представители церкви и ее союзники. В случае с Расселом Кроссли ситуация кардинально противоположна.

- Представители почтенного церковного сообщества по-прежнему избегают Кевина Аннетта, а Расселом Кроссли — восхищаются.

Циники, а может, и некоторые дальновидные люди, заключают, что в Церкви Иисуса Христа — или, по крайней мере, в Объединенной церкви Канады — выгодно совершать плохие, а не хорошие поступки.

Вероятно, главная ошибка Кевина Аннетта заключалась в том, что он не знал, в какой оказался ситуации. Ни учителя вос-

кресной школы, ни преподаватели семинарии не рассказывали ему о том, что в христианских церквях (и даже в Объединенной церкви, кажущейся столь прогрессивной) процветает насилие и убийства, а виновные не несут наказания.

Впрочем, собственный опыт — беспощадный учитель. Кевин Аннетт получил достаточно информации об истинной природе официального христианства. Наиболее сильно ему запомнилась беседа с адвокатом Объединенной церкви Полом Миллсом. Когда Кевин рассказал ему о торговле наркотиками и проституции, процветающих в Миссии Фреда Виктора в Торонто, тот ответил:

«Да, мне об этом прекрасно известно. Единственная проблема здесь заключается в том, что ты уже написал письмо в соответствующие инстанции».

Вероятно, истоки истинной проблемы прослеживаются еще в Бытии, а также в необычной христианской идее о «падшей невинности» и о том, что в благом, нетронутом и, казалось бы, безупречном есть что-то подозрительное. Да и, в конце концов, откуда таким вещам взяться в нашем «проклятом» мире? Так что как бы невинность ни проявлялась, она представляет собой насмешку над христианской верой и мировоззрением. Иными словами, будь то нетронутое великолепие джунглей, человеческая честность и прямота либо счастливый плач ребенка, эта безупречность должна быть уничтожена.

Согласно церковной Библии, Господь, в конечном счете, так и поступил с собственным сыном Иисусом, самым безупречным и идеальным существом. Да, Иисуса измучил и убил собственный Отец. Тот факт, что злоумышленников в обязательном порядке оправдывают, а из преступления выходит что-то хорошее, привязан к библейской истории об искуплении наших грехов, но это не умаляет основной идеи — не стоит совершать благих деяний, иначе окажетесь на кресте.

И что, неужели так удивителен тот факт, что священник способен десятилетиями осуществлять насилие при полном попустительстве христианской церкви и ее основных руководителей? И разве удивительно то, что те же самые руководители могут публично принести в жертву другого священника лишь за то, что он поинтересовался, почему допускается подобное и с чьего попустительства?

Глава 7

Март 1993 года,
Порт-Алберни (Канада)

За то, что ты принесл свет Его слова даже самым невежественным представителям человеческого рода, Господь дарует нашей империи власть над миром.

*ВСЕМИРНАЯ МИССИОНЕРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРОТЕСТАНТОВ, Лондон, 1888 год*

В первое же воскресное утро, как я объявил, что каждый из прихожан может взойти на кафедру проповедника и высказаться, Альфред Кейтла, вождь из резервации Ахоусат, на своем языке предложил совершить благодарственный молебен для всех присутствующих.

За полгода ряды моей паствы значительно пополнились: людей стало вдвое больше. Теперь церковь регулярно посещали и представители коренного населения, и белые бедняки. Впрочем, поначалу в отношении моего нововведения не все проходило так гладко. Итак, я просто объявил о том, что каждый вправе высказать свое мнение насчет проповеди либо поделиться с остальными своими мыслями. Дальше оставалось только ждать.

В течение нескольких минут не происходило вообще ничего: люди только нервно кашляли и теребили свои брошюрки. Первым голос подал пожилой индеец Альфред Кейтла.

Альфред едва ли мог произвести на кого-либо впечатление: он был весьма хил и постоянно трясся. Правда, когда его голос гулко прокатился по церкви, мне показалось, что он будто бы пытается вернуть себе то, что у него давным-давно отобрали. Просто на том самом месте, где располагалась церковь Святого Андрея, веком ранее была построена первая пресвитерианская миссия — тогда-то и началось массовое истребление индейцев.

Я понял, что мои нововведения в некотором роде вынудят каждого сделать свой выбор: впустить индейцев в свою жизнь и церковь или нет.

Впрочем, точнее было бы сказать, что выбор заключался в следующем: станет ли наш приход серьезно воспринимать слова Иисуса, и сможем ли мы попытаться восстановить равенство и справедливость. Именно к этому вопросу я неустанно обращался в своих проповедях, на уроках изучения Библии и в беседах с людьми.

Безусловно, сказать проще, чем сделать.

Казалось, индейцы, приходившие в мою церковь, не могли представить себе «справедливости», не упомянув о том, что именно с ними случилось (в особенности это касалось того, что происходило в школе-интернате). И уж конечно, белым прихожанам меньше всего хотелось выслушивать эти подробности. Однажды воскресным утром, почти сразу после того, как Альфред Кейтла сделал в этом направлении первый шаг, пожилая индианка по имени Флоренс из резервации Ахоусат решила рассказать всем о том, как в местной школе-интернате ее когда-то изнасиловал священник. Запинаясь, она попыталась описать, что произошло, как вдруг одна из белых прихожанок вскочила и закричала:

— Я вовсе не обязана выслушивать, как вы здесь порочите добрых христиан!

Она выбежала из церкви в сопровождении членов своей семьи.

Как выяснилось, разгневанная женщина была дочерью того самого мужчины, который изнасиловал Флоренс, когда та была еще совсем девочкой. Позже эта информация подтвердилась: имена, даты, подробности, а также отчеты об убийстве, которое произошло несколько позднее, — все указывало на его вину. Однако в ту пору рассказы о былом многим казались домыслами.

Впрочем, этого хватило, чтобы смущенная Флоренс быстро вернулась на свое место. Более того, несколько индейцев тоже поспешно покинули церковь. Но каждый понимал: барьеры уже сломлены.

Неудивительно, что в тот же день ко мне подошел Фред Бишоп: ему хотелось по-дружески побеседовать со мной (обычно за такими разговорами следуют контрмеры, которые предпринимаются в ответ на действия своенравных личностей, а я уже, несомненно, приобрел подобный статус в глазах Фреда и его коллег). Пока во время перерыва Клер с другими детьми носилась по залу, а я, как обычно, пытался выслушать одновременно несколько человек, Фред с присущим ему достоинством мэра подошел ко мне и попросил уделить ему минутку.

— Дело не терпит отлагательств, — нетвердо заявил он.

В церковном офисе Фред даже не присел и сразу же перешел к делу. И еще: мне показалось, будто кто-то оказал на него давление.

— Паства обеспокоена тем, в каком направлении вы пытаетесь двигаться, — сухо сказал Фред.

— Паства? — смутился я. — В смысле, абсолютно все прихожане?

Покраснев, он ответил:

— Те, что имеют для нас значение. Те, кто годами ратовал за сплочение церкви. Они уже по горло сыты новичками — их чересчур много. Кевин, богослужение превращается в цирк.

— Под новичками вы подразумеваете индейцев?

Фред вздохнул и покачал головой.

— Не в этом дело. Ваши проповеди посвящены, в основном, социальной справедливости и нищете. Вы практически не уделяете времени библейским темам.

— Фред, бедняки упоминаются в Библии более тысячи раз.

— Послушайте, из-за вас в церкви только возникают разногласия. Вы ведь больше времени уделяете тем, кто не имеет к приходу никакого отношения, в то время как следовало бы поступать иначе.

— Но это не так. Вы же сами знаете, что большую часть времени я провожу, посещая прихожан с пасторским визитом. И, между прочим, те, кто якобы не имеет к приходу никакого отношения, тоже ходят в церковь. Для меня все они являются прихожанами.

Фред воздел руки к небесам и снова покачал головой.

— Кевин, если вы не прекратите заниматься общественными работами и не обратитесь непосредственно к духовному служению, я не отвечаю за то, что может с вами произойти.

Его слова повисли в воздухе. Затем он резко развернулся и покинул комнату.

Мрачное предупреждение Фреда подействовало на меня угнетающе. Я испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, я был доволен и счастлив: подрастали дочери, и ежедневно я грелся в лучах их любви, которая, собственно, и стала причиной того, что моя работа вышла за рамки церковных стен. С другой стороны, у меня усиливалось ощущение, будто над моей головой висит некий дамоклов меч, ведь меня предупредили, что не стоит копать чересчур глубоко.

Между тем, я работал по семьдесят часов в неделю. За это время, консультируя и посещая людей, проводя обряды похорон, я познакомился с сотнями человек.

Более того, мне доставались не только крепкие объятия и слова благодарности, смешанные со слезами, — я получал и небольшие подарки в подтверждение признательности. Как-то вечером на заднем крыльце кто-то оставил нам маленького лосося. А вот неделю спустя я обнаружил на капоте своего автомобиля удушенную чайку — вокруг шеи у нее болталась веревка.

Это неприятное событие, последовавшее за столь нежными проявлениями любви, заставило меня осознать ситуацию, в которой я находился: в долине странным образом смешивались любовь и смерть.

Вскоре случилось еще одно малоприятное событие. Оно произошло на весенней встрече местной пресвитерии, на которой собирались священники Объединенной церкви.

В ходе обычных процедур собрания пресвитерии мой предшественник по церкви Святого Андрея, неприветливый священник-пенсционер по имени Оливер Говард, который когда-то рассказывал мне о том, как гордится местной школой-интернатом, представил официальный отчет по периоду столетней работы Объединенной церкви с индейцами поселения Ахоусат.

— Мы гордимся этими событиями прошлого, произошедшими столь давно, — несколько несдержанно отметил Оливер. — Более того, сами индейцы признательны тому, что в их жизнь вошло христианство. Они лично часто говорили мне об этом.

Пожилый Говард окинул взглядом комнату, но никто ничего ему не ответил. Однако вслед за этим ход его повествования изменился:

— Требования индейцами независимости и земель не имеют совершенно никакого значения, пока они не готовы ассимилироваться с нашей культурой. Именно это мы и пытаемся объяснить им в течение всех этих лет. В особенности тем, кто проживает в поселении Ахоусат.

Слово «Ахоусат» произвело на толпу большое впечатление: люди нахмурились и зашептались.

Конечно, я и раньше слышал об этой резервации, в основном благодаря Альфреду Кейтла и другим индейцам, посещавшим мою церковь. Да и сам я частенько бывал в этом поселении на западном побережье: проводил там обряды похорон и свадеб.

Мне хотелось как-то прокомментировать расизм Оливера, и потому, когда он занял свое место, я поднялся и сказал:

— Предлагаю провести следующее собрание пресвитерии в поселении Ахоусат — так мы сможем пообщаться с его жителями лично.

Вероятно, эффект этого момента был подобен взрыву бомбы — тут же подскочили три делегата, пытаясь перебить друг друга и что-то сказать.

— Да они не хотят нас у себя видеть, — неистовствовал один пожилой мужчина. — Они вообще не желают иметь с нами ничего общего!

Второй говорил что-то о неблагоприятии в среде жителей этой резервации.

— Вот сами увидите, как через пару лет они подомнут под себя всю провинцию, — прошипела мне на ухо какая-то женщина.

Не приходится и говорить о том, что больше никто не вспоминал о моем предложении. В общем, собрание закончилось довольно быстро. Однако тем же днем со мной заговорил приветливый мужчина по имени Билл Хоуи, высокопоставленный служащий церкви, любивший крепко похлопать собеседника по спине и расплываться в широкой улыбке (позднее он приложил руку к моему увольнению).

— Кевин, — обратился он ко мне, — я хотел поговорить с вами. Ведь вы впервые присутствовали на нашем собрании.

Хоуи оглядел собравшихся, а затем перевел свой взгляд на меня. Как сейчас помню серые глаза с голубым отливом и широкую улыбку.

— У вас многообещающее будущее. Да и семью обеспечивать нужно. Так что будьте осторожны. Не стоит верить всему, что вам говорят об индейцах. Особенно когда речь заходит об Ахоусате.

Чуть позднее, когда я пытался осмыслить завуалированную угрозу Хоуи, ко мне подошел священник Брюс Гунн, проповедовавший среди жителей этой резервации на острове Флорес у тихоокеанского побережья.

— Вы определенно накалили ситуацию, — сказал он мне.

— Что же не так с этим поселением? Создается впечатление, что его жителей боятся.

Брюс кивнул и улыбнулся.

— А почему бы вам самому не отправиться в Ахоусат в следующий четверг? Я бы вас кое с кем познакомил.

Глава 8

13 июня 1998 года,
Ванкувер (Канада)

Мы милосердны и особенно благосклонны к тем победителям-католикам и отъявленным сторонникам католицизма, которые занимаются поисками сарацинов, язычников и иных врагов Христа, покоряют их, парабощают, берут в рабство и отнимают у них имущество, обращая его на свое благо.

*ПАПСКАЯ БУЛЛА «ROMANUS PONTIFEX»,
8 ЯНВАРЯ 1455 ГОДА, Рим*

Расшифровка стенограммы Северо-западного трибунала по делу о канадских школах-интернатах для индейских детей, финансируемых Международной ассоциацией по правам человека среди американских меньшинств (отделение ООН).

Десять часов тридцать одна минута утра.

Судья трибунала Ройс Белый Теленок:

— Мистер Сильвестр, могу ли я уточнить, как обращались с вами врачи школы-интерната на острове Купер?

Свидетель Арнольд Сильвестр:

— Несмотря на то, что прошло уже пятьдесят лет, я никогда этого не забуду... Нас, мальчиков, там было около пятидесяти; каждому лет десять-одиннадцать. Как-то утром священник отвел нас в медпункт — там немецкие врачи делали нам уколы...

Судья Ройс Белый Теленок:

— Что за уколы? И вы уверены, что это были немцы?

Свидетель Арнольд Сильвестр:

— Да, сэр, они совершенно не говорили по-английски — у них были переводчики. Они всем делали по уколу в области около каждого соска. В общем, после этих уколов нас всех не-

сколько дней рвало, и мы чувствовали себя просто отвратительно. Некоторые даже умерли — тела у них сильно опухли и были похожи на воздушные шары. А немцы все это время за нами наблюдали: ходили между кроватей и делали какие-то записи.

Судья Ройс Белый Теленок:

— Можете назвать имена погибших мальчиков?

Свидетель Арнольд Сильвестр:

— Помню своего друга — Сэнди Митчелла. Мы с ним росли в одной деревне. Он умер от этого укола, а родственникам сказали, что виной всему было воспаление легких. Его тело куда-то увезли, и больше я его не видел.

Судья Ройс Белый Теленок:

— Арнольд, кто-нибудь сообщил вам, для чего нужны были эти уколы?

Свидетель Арнольд Сильвестр:

— Нет, сэр. Нам просто сказали, что нужно пройти какой-то медицинский тест. Но я знаю, для чего это было нужно. (Пауза.) Они хотели завладеть нашими богатствами — землей, полезными ископаемыми, золотом, лесами. Собственно, так оно и вышло: они все получили.

Глава 9

Апрель 1993 года, поселение Марктосис (остров Флорес)

Неделю спустя я принял предложение Брюса Гунна и отправился в резервацию Ахоусат, путь к которой лежал через извилистую дорогу.

Находится эта резервация на острове Флорес в получасе пути от западного побережья острова Ванкувер через бурный пролив Клейквот Саунд. История этого поселения насчитывает тысячи лет; его жители испокон веков промышляли рыболовством и китобойней; время от времени они воевали с другими племенами, вроде уайятов и уклулетов. Сейчас численность населения резервации сводится к нескольким сотням человек — а ведь раньше здесь проживало более десяти тысяч. Да и территорий у них было значительно больше, пока не пришли белые люди, принесшие с собой «Благую Весть» и оспу.

Направляясь к западу, я размышлял о том, как архиепископ Десмонд Туту в свое время прокомментировал историю колониальных поселений в Южной Африке: «У прибывших европейцев с собой была Библия, а у нас были земли. Теперь все наоборот: земли у них, а Библия у нас». Мне еще только предстояло узнать, что Объединенная церковь Канады и ее предшественники-пресвитерианцы благодаря своим связям с Британской империей десятилетиями пытались завладеть превосходными землями западного побережья. Стремясь выделить своему духовенству земельные участки (так называемые «земли клира»), власти Англии, без оснований заявившие о своих полных правах на все земли индейцев, раздали их миссионерским церквям, в основном римско-католической, англиканской и Объединенной. За годы продаж присвоенных земель различным благотворителям, в особенности крупным лесопромышленным компаниям — что, правда, держалось в секрете, — эти церкви заработали много денег.

Вот это мне и предстояло узнать. Правда, источником информации стали не официальные церковные каналы, а Брюс и пожилые индейцы резервации Ахоусат.

Брюс встретил меня на причале паромной переправы острова Флорес, неподалеку от самой крупной дереvушки под названием Марктосис. Он был не один — его сопровождала индианка болезненного вида. Когда Брюс представил нас друг другу, она пристально посмотрела мне прямо в глаза, и мне стало еще более неловко.

— Ну, раз вы — друг Брюса, тогда добро пожаловать, — поприветствовала она меня, нисколько не улыbnувшись. — Правда, нам не нравится, когда сюда приезжают священники из Объединенной церкви. Они тут не задерживаются. Впрочем, этого времени им хватает, чтобы что-нибудь украсть.

Брюс улыbnулся мне. Они оба провели меня по главной улице городка. Правда, ее и улицей-то назвать было нельзя: осевшие домишки, автомобили без колес, горы мусора в зарослях сорняков, носящиеся вокруг собаки и кричащие дети.

За кварталом трущоб возвышалось ветхое здание, увенчанное крестом. Брюс открыл парадную дверь: «Здесь, кроме меня, работает еще и местный католический священник».

— Довольно экуменично, — прокомментировал я.

В комнате, что располагалась в задней части здания и, по всей видимости, служила Брюсу офисом, находился низенький стол, пара стульев и книжный шкаф. С потолка свисала лампочка без абажура. На одном из стульев сидел седовласый индеец, прихлебывавший из чашки чай.

— Господин Аннетт, знакомьтесь, это потомственный вождь Эрл Макинна Джордж.

Большую часть того дня мы провели в беседах, поскольку внезапно поднялся шквалистый ветер, от которого здание буквально сотрясалось. Погода как нельзя лучше соответствовала моему умонастроению: я был просто потрясен тем, что узнал. К вечеру мое отношение к собственной церкви совершенно изменилось. По словам вождя Джорджа, где-то в полутора километрах от того места, где мы находились, располагался огромный участок земли резервации Ахоусат в несколько гектаров, известный под названием «Участок № 363», который еще в начале XX века присвоил себе пресвитерианец Джон Росс (позднее он стал служащим Объединенной церкви). А несколько десятилетий спустя внук Росса продал этот участок Мак-Миллану Бледелу, владельцу корпорации «Макбле», крупнейшей лесопромышленной компании Британской Колумбии. Теперь же эту землю желала заполучить громадная деревообрабатывающая

компания «Уэйерхойзер», базировавшаяся в Сиэтле. Более того, она уже давно нацелилась на поглощение «Макбле».

Что касается самой компании «Макбле», то она, подобно феодальному помещику, захватывала чужие земли в долине Алберни, подминая под себя ее жителей, включая и моего работодателя, Объединенную церковь Канады, которую, впрочем, регулярно одаривала пожертвованиями.

В общем, налицо была цепочка: церковь присвоила себе земли индейцев, Мак-Миллану Бледелу требовались остатки произрастающих на этих землях деревьев, а компания «Уэйерхойзер» стремилась завладеть «Макбле». Ну, а на заднем плане, словно крупный мафиози, маячило руководство Новой демократической партии провинции, которой тоже не терпелось нажиться на этом деле.

Однако на пути у всех этих интриг в лучших традициях вождя Кочиса стоял мужчина, сидевший напротив меня, — вождь резервации Ахоусат — Эрл Макинна Джордж.

Поскольку вождь Джордж являлся потомственным Хранителем земель, его основная задача заключалась в том, чтобы убедить землю, дарованную членам его племени самим Творцом. А ведь к этим землям относился и участок № 363, который присвоили себе бледнолицые, заседавшие в правительстве и церкви.

В ноябре 1992 года, вскоре после моего прибытия в Порт-Алберни, вождь Эрл Макинна Джордж написал письмо в правительство Британской Колумбии, требуя вернуть его народу участок № 363 и немедленно прекратить какие бы то ни было проводимые на нем работы по лесозаготовке.

Обо всем этом, а также о последовавших событиях Брюс Гунн и вождь Джордж подробно рассказали мне, пока мы сидели в ветхой церквушке.

Брюс объяснил, что правительство, компании, имеющие к этому делу отношение, и Объединенная церковь находились в довольно трудном положении, поскольку именно в это время власти провинции пребывали в состоянии переговоров с теми, кто заявлял о своих правах на земли (а таких случаев было довольно много). Именно поэтому они не могли проигнорировать требования вождя Джорджа, и срубка деревьев на участке № 363 была прекращена.

Можно только представить себе, какие ярость и разочарование заполнили правительственные залы заседаний Ванкувера и Сиэтла, а также «праведный» анклав Объединенной церкви в Торонто.

Власти провинции, располагавшиеся в Виктории, и Объединенная церковь оказались в сложном положении, поскольку вождь Джордж настаивал также на том, чтобы в переговорах относительно участка № 363 приняли участие все его владельцы.

— А ведь к ним относится и Объединенная церковь, — сообщил мне Брюс, наполняя мою кружку чаем, — поскольку их проповедник изгнал индейцев с этого кусочка земли еще в 1904 году.

Объединенная церковь вполне могла предстать перед общественностью как организация, нажившаяся на спекуляции крадеными индейскими землями. И что еще интереснее, на участке № 363 располагалась церковная школа-интернат для индейских детей из резервации Ахоусат, которой предстояло подвергнуться тщательной проверке вследствие получивших огласку многочисленных преступлений, совершенных ее сотрудниками, включая умышленные убийства. Короче говоря, раскрытие этих тайн могло нанести церкви непоправимый урон, ведь тайное всегда становится явным.

Худшего момента и придумать было нельзя. Ведь еще в прошлом году был организован самый крупный в истории Британской Колумбии митинг: тысячи защитников окружающей среды выступили против вырубki последних оставшихся в Канаде лесонасаждений старых кедров, потребовав от «Макбле» и других компаний прекратить лесозаготовки. Это случилось в нескольких километрах от церкви Святого Андрея, в бухте Клейквот Саунд.

Я как раз присутствовал на этом митинге, поскольку был знаком с представителями обеих воинствующих сторон. Да и сам я со своей кафедры и на городских собраниях говорил о том, что необходимо прекратить вырубку старых кедров.

Все это, конечно, не прошло незамеченным: о митингах стало известно и компании «Макбле», и ее партнеру (и, вероятно, по совместительству, духовному советнику) — той самой церкви, в которой я служил. Правда, в ту пору я еще не знал, что Мак-Миллан Бледел давно «пригрелся» в Объединенной церкви и был одним из ее основных — читай «признательных» и «признанных» — благодетелей.

Объединенная церковь, несомненно, заслужила эти пожертвования. Со временем «Макбле» завладела огромными участками индейской земли по всему острову Ванкувер. Надо сказать, эти

земли особенно интересовали первых миссионеров, несмотря на то, что их полномочия, казалось бы, должны были ограничиться спасением душ жителей поселения Ахоусат. Кстати, индейцы так и не получили за свои собственные земли ни гроша — об этом не задумались ни церковь, ни компания, ни государство.

Ни церкви, ни компании, ни правительству Британской Колумбии (которое к тому времени завладело самой крупной долей акций «Макбле») не хотелось, чтобы эта предпринимательская история получила огласку, особенно учитывая тот факт, что на украденных землях находилась печально известная школа-интернат Объединенной церкви.

Окончательный, хотя и неожиданный, поворот трагедии придало желание компании «Уэйрхойзер» завладеть не только «Макбле», но и особо прибыльными лесонасаждениями старых кедров в центральной части острова Ванкувер — несомненно, от этой идеи у «неспящих в Сиэтле» только слюнки потекли.

В этой ситуации большую роль играло время. Необходимо было немедленно воспрепятствовать требованиям вождя Джорджа, поскольку к маю 1993 года все переговоры в отношении заявлений на земли Британской Колумбии подходили к концу. После этого срока вожди не смогли бы больше ни с кем заключить новых сделок.

Когда в тот дождливый день я познакомился с вождем Джорджем, он еще надеялся, что справедливость восторжествует, и земли вернут законным владельцам, его народу. Более того, в ту пору одобрили его заявление на должность священника в Объединенной церкви, поэтому вождь верил, что его слова возьмем свое влияние.

Впрочем, оказалось, что этого хватило с лихвой. Вскоре после нашей встречи на сцену вышел новый решительный игрок, человек, который, в итоге, поспособствовал тому, чтобы нас с вождем Джорджем исключили из рядов Объединенной церкви. Звали его преподобный Джон Кэшор — тогда он только-только стал министром по делам с коренным населением.

Я виделся с Кэшором лишь раз: по иронии судьбы, это случилось во время моей первой проповеди в Первой Объединенной церкви в трущобах Ванкувера. Я тогда только готовился стать священником, а Кэшор занимал руководящий пост (чуть позднее его избрали в главы Новой демократической партии). Помню, что ему понравилось мое выступление.

— Если все ваши проповеди столь же хороши, — отметил он после службы, — тогда вас ждет прекрасное будущее в Объединенной церкви.

Полагаю, что он пожалел о своих словах, когда я принялся критиковать сделку по участку № 363, а также осуждать его за то, что он утаивал причастность церкви к этому делу.

— Кэшор полностью решал проблемы церкви, — два года спустя, уже после моего увольнения, объяснил мне Брюс. — Именно он распорядился, чтобы Объединенную церковь исключили из рядов участников переговоров по участку № 363, несмотря на пожелания жителей резервации Ахоусат и тот факт, что она, по сути, являлась владельцем этой земли, в свое время украденной у коренного населения. А затем он вывел из игры Эрла Джорджа, предложив остальным вождям стать партнерами совместного предприятия по лесозаготовке.

В общем, чем дальше, тем становилось все хуже и хуже.

Глава 10

6 октября 1996 года,
Ванкувер (Канада)

Прошло уже больше месяца с начала слушаний.

В зале прозвучал голос:

— Вызываю свидетеля Вина Стоукса.

Появился Вин Стоукс — священник и второй свидетель пресвитерии, крупный мужчина, покрывшийся испариной.

Иэн Бенсон приводит его к присяге.

Кажется, Вин нервничает еще сильнее, чем Боб Стивен. Более того, он старается избежать пристального взгляда Кевина Аннетта. Вообще, Стоукс известен тем, что стал посредником между пресвитерией и Ассоциацией в период исключения Кевина Аннетта из Объединенной церкви Святого Андрея.

— Итак, Вин, можете ли вы пояснить нам, какова роль пресвитерии в снятии Кевина Аннетта с должности священника церкви Святого Андрея?

Стоукс резко выдыхает:

— Ну, я не совсем уверен в том, что именно там происходило. Я лично не имею к этому никакого отношения. Могу лишь сказать, что Кевин нас вообще особо не беспокоил, пока не написал того письма о землях, которые якобы принадлежали индейцам резервации Ахоусат. Это случилось в октябре 94-го.

У Иэна Бенсона аж лицо перекосило, будто он только что проглотил острый перчик халапеньо:

— Мистер Стоукс, вы бы не могли просто...

Но Вин Стоукс продолжает свою речь, хоть и с запинками.

У Кевина Аннетта создается впечатление, будто тот хочет снять с себя всякую ответственность за его смещение с должности.

— Ну, то есть впервые я о Кевине Аннетте услышал лишь после того, как он написал это письмо. Кое-кто из правительства провинции еще сказал мне: «Мы никак не можем позволить Аннетту расстроить планы, имеющиеся у нас в отношении участка № 363».

Доктор Джессиман буквально подпрыгивает, словно на электрическом стуле, и стучит молотком:

— Это совершенно не относится к линии вопроса пресвитерии. Прошу исключить эти показания из протокола.

Во время перекрестного вопроса Кевин Аннетт игнорирует постановление Джессимана:

— Вин, вы не могли бы конкретизировать, кто именно сказал вам, что никак нельзя позволить мне расстроить их планы? Кажется, вы так выразились? Это случайно был не Джон Кэшор?

Джессиман снова стучит молотком:

— Мы уже признали, что эта область не относится к делу. А поскольку линия вопроса мистера Аннетта не имеет никакого отношения к разбирательству, я объявляю обеденный перерыв.

Доктор Джессиман, исполняющий роль судьи и главного обвинителя, подходит к Иэну Бенсону и Брайану Торпу. А затем с присущей судебному должностному лицу беспристрастностью призывает всех членов комиссии собраться на закрытом совещании после обеда. Однако, как и прежде, преподобный Кевин Аннетт остается единственным, кого они с собой не зовут.

Глава 11

Апрель 1993 года,
Порт-Алберни (Канада)

В то время, когда в поселении Марктосис у меня с вождем Джорджем состоялась первая, ставшая роковой, встреча, Объединенной церкви срочно требовалось сделать так, чтобы ее благодетель Мак-Миллан Бледел заполучил участок № 363. Нужно было немедленно оказать положительное влияние на баланс «Макбле» с тем, чтобы оптимизировать условия ее поглощения компанией «Уэйерхойзер».

Масла в огонь, который разгорался вокруг меня весной 1993 года, добавила и церковная группа по борьбе с нищетой под названием «Совместное объединение неимущих», которую я ранее помогал организовать. Дело было в том, что они выставили своих кандидатов на предстоящие муниципальные выборы. А один из основных пунктов их программы заключался в лишении Мак-Миллана Бледела лицензии на лесопользование и возвращении контроля над местными землями и ресурсами коренному и рабочему населению.

Компания «Уэйерхойзер», компания «Макбле», а также представители церкви и государства меньше всего желали видеть на местной политической сцене священника-выскочку, который будет еженедельно вещать с кафедры об общественной ответственности и краденой индейской земле.

Так что я почти не удивился, когда через месяц после того, как Брюс и вождь Джордж поведали мне правду, мой офис посетили двое прихожан, работавших на Мак-Миллана Бледела, — Джордж Геддес и Джордж Лионг.

Присев, они сразу же перешли к делу:

— Нужно поговорить, — заявил Геддес, пристально на меня глядя (второй, Джордж, уставился на стену за моей спиной). — Дело касается вашей тенденциозности в отношении защитников окружающей среды.

— Тенденциозности? — переспросил я — странно было слышать такое слово от лесоруба.

— Вы и понятия не имеете, о чем проповедуете, — упорно продолжал он. — Я бы предпочел лично показать вам, что на самом деле происходит на месте вырубki.

Вероятно, в этот момент передо мной замаячила некая опасность, уж больно все смахивало на фильмы про «плохих парней» вроде тех, в которых снимался Кэгни, и я ответил:

— Я уже посетил несколько таких районов.

Мне показалось, что Лионга разозлил мой ответ. Геддес же, покрасневшись, упорствовал:

— Но ведь вам неизвестны все подробности! Вам не следовало бы забывать, что у вас молодая семья. А мне не хотелось бы, чтобы с вами что-то случилось!

Я вполне мог бы рассмеяться — настолько это выражение было избитым, — но не стал: от этого голливудского жаргона, и правда, бросало в дрожь, особенно если учесть тот факт, что мне угрожал мужчина, с которым мы вместе каждое воскресное утро пили кофе.

Они оба спокойно поднялись и усталились на меня, будто ожидая, что я как-то отреагирую, начну высказывать свои сожаления либо соглашусь отправиться с ними. Но я молчал — я был потрясен.

В итоге они развернулись и, молча, вышли из офиса, а я так и остался сидеть за столом.

Я не стал никому рассказывать о произошедшем. Хотя, может, и следовало бы, ведь против меня разворачивалась целая кампания.

Более того, председатель церковного совета Фред Бишоп, некогда занимавший в «Макбле» один из руководящих постов, не раз упоминал об «обеспокоенности» компании моими высказываниями насчет лесозаготовок и монополии на индейские земли.

Несмотря на то, что угрозы были откровенными и прямыми, я лишь наивно удивлялся, почему они были направлены в мою сторону. Ведь обычно все в жизни происходит совсем не так, правда?

Глава 12

6 октября 1996 года,
Ванкувер (Канада)

По завершении встречи с членами комиссии Джон Джессиман возобновляет слушания.

— Показания, данные ранее, — говорит он, — совершенно не относятся к линии допроса пресвитерии. Более того, мне стоит предупредить членов комиссии о том, что факты, имеющие отношение к работе преподобного Аннетта с индейцами, а также вопросы, касающиеся школ-интернатов и предположительного права собственности на землю резервации Ахоусат, не имеют никакого значения в отношении данного разбирательства. В связи с этим я призываю членов комиссии пренебречь подобными показаниями и прошу стенографиста воздержаться от занесения данных свидетельств в протокол.

Некоторые члены комиссии в согласии кивают головами, но тут поднимается Кевин Аннетт:

— Госпожа председатель, прошу вас снять с доктора Джессимана судебные полномочия в отношении данного разбирательства на том основании, что он всячески демонстрирует свою пристрастность.

Преподобная Молли Уильямс приходит в замешательство.

— Уже в одном утверждении, — продолжает Кевин Аннетт, — он проявил себя и как судья, и как главный обвинитель. А может, где-то даже взял на себя и полномочия председателя.

Председатель распрямляет плечи и возвращает себе самообладание:

— Ваше предложение неуместно.

— Да все это слушание неуместно, — отвечает преподобный Аннетт и садится на место.

Председатель игнорирует его и встает, держа в руках лист бумаги:

— Мне бы хотелось огласить новые правила, по которым будет проводиться данное разбирательство. Прежде всего, в прото-

кол не будут заноситься заявления, непосредственно касающиеся земельных участков резервации Ахоусат. Более того, все вопросы, ставящиеся перед свидетелями, должны иметь непосредственное отношение к делу преподобного Кевина Аннетта, а именно — его пригодности к духовному служению. Работа мистера Аннетта с коренным населением не имеет к слушанию никакого отношения. Мы также налагаем запрет на публикацию сообщений, касающихся дальнейших разбирательств. Участникам слушаний и присутствующим не разрешается комментировать происходящее в прессе. Кроме того, любого, кто во время слушаний передаст преподобному Аннетту какую-либо записку либо попытается заговорить с ним, попросят покинуть зал.

— И что, даже кандалы на ноги не оденете? — комментирует кто-то в толпе, явно шокированный происходящим.

Кевин Аннетт поднимает руку:

— Госпожа председатель, на каких таких основаниях вы лишаете нас свободы слова, гарантированной нам Конституцией, и указываете мне на то, что следует ограничить линию вопроса определенными рамками?

Преподобная Уильямс ничего не отвечает, оборачивается к доктору Джессиману и говорит:

— Вследствие того, что комиссия представляет собой орган внутреннего контроля церкви, она обладает полномочиями устанавливать такие правила, которые сочтет необходимыми.

— Должно быть, они были установлены еще до 1215 года и подписания Великой хартии вольностей, — подмечает преподобный Аннетт. — Неужто вы утверждаете, что в Объединенной церкви, а также в рамках данного слушания не признаются канадские законы?

Ни Джессиман, ни кто-либо из членов комиссии не дает мистеру Аннетту ответа. Спустя какое-то мгновение Джессиман кивает Бенсону и просит вызвать следующего свидетеля.

В зале раздается:

— Вызывается преподобный Брайан Торп.

Но тут Брюс Гунн, адвокат Кевина, присутствовавший на слушании с самого начала, впервые обращается к членам комиссии:

— Госпожа председатель, преподобный Брайан Торп злоупотребляет своим служебным положением, поскольку именно он положил начало данной процедуре и избрал членов комиссии.

Доктор Джессиман кидает на Брюса Гунна такой взгляд, словно тот кажется ему назойливой мухой:

— Это замечание неуместно.

В зале появляется Брайан Торп, лысеющий мужчина в очках, внешне похожий на типичного бюрократа. Он опускает свое худощавое тело в кресло свидетеля.

— Брайан, как вы относились к Кевину Аннетту? — спрашивает Иэн Бенсон. — И какую роль вы играли в том, что с ним расторгли договор?

— Я вообще не имею к этому никакого отношения.

— Ну это же наглая ложь! — восклицает Брюс Гунн.

Доктор Джессиман стучит по столу:

— Мистер Гунн, я настаиваю на том, чтобы вы отозвали свое замечание.

— Если желаете, могу перефразировать его в более крепких выражениях:

— Вы с Брайаном Торпом назначили членами комиссии тех, кто был вам угоден. А Торп наряду с пресвитерией спланировал увольнение Кевина.

— Брайан, вы не могли бы уточнить свое заявление? — интересуется Иэн Бенсон.

— На самом деле, поначалу я имел некоторое отношение к членам комиссии. Вообще, я являлся посредником между Ассоциацией и пресвитерией. Однако позднее пресвитерия все взяла под свой контроль.

— А какое у вас сложилось мнение о преподобном Аннетте?

— Он показался мне похожим на тех наших священников, что столь сильно ратуют за социальную справедливость. Впрочем, его проблема — если таковые у него, конечно, имеются — заключается в том, что он не желал идти на компромисс, а ведь каждому из нас приходилось чем-то жертвовать, чтобы выжить в этой организации.

— Брайан, — обращается к нему доктор Джессиман, — может, стоило бы перефразировать сказанное...

— Я хочу сказать лишь то, что в царствии Божием нет места несправедливости; там нет ни богачей, ни бедняков. А единственная ошибка Кевина заключалась в том, что он хотел добиться этого здесь, на Земле.

— Верно, — вставляет свое слово преподобный Брюс Гунн, — но его едва слышно.

— Объявляется перерыв, — провозглашает доктор Джессиман. — Но в связи с тем, что близится конец года, слушания будут возобновлены после праздников.

Глава 13

1993-1994 годы,
Порт-Алберни (Канада)

Я решил никому не рассказывать о том, что мне поведали Брюс Гунн и Эрл Джордж тем дождливым днем в поселении Ахоусат. Все это меня, конечно, взволновало, но я пока не понимал, что могу сделать. Работа завладела всем моим временем и вниманием, однако мысли о том, что я узнал, не покидали меня.

Наряду с индейцами к продуктовому хранилищу в очередь за едой начали выстраиваться и белые. Дело было в том, что компания «Макбле» автоматизировала многие процессы, и потому лесорубы и монтажники попросту остались без работы. Ницета развеяла многие расовые предубеждения и приступила к разрушению «цветного барьера», воздвигнутого в Порт-Алберни. Более того, права на земельную собственность стали насущной проблемой многих обывателей.

— Мы, конечно, можем по-прежнему пытаться помогать утопающим, — как-то раз пояснил я в проповеди, — а можем отправиться вверх по течению и попытаться выяснить, почему они вообще попадают в реку.

Со мной соглашались все больше прихожан. Теперь к справедливости (а также к возможности получить работу) зывали не только индейцы — в нашей церкви гулко раздавались голоса белых, ведь каждый по-прежнему мог взойти на кафедру и высказаться. Не приходится и говорить о том, что некоторые прихожане считали, будто подобное «смешение» религии и политики приводит к разрушению того, что вообще должна представлять собой церковь. Именно здесь, в церкви, и вскрылись наши расхождения во взглядах.

И все же — возможно, как раз из-за того, что основатель методизма Джон Уэсли называл «мутить воду», — эти дни были самыми радостными и продуктивными: количество прихожан увеличилось почти втрое, и каждое воскресенье службу посещало около ста человек. Я знал, что поступаю правильно, и

многие отзывались на мою искренность — как друзья, так и недоброжелатели.

Оглядывая по воскресеньям свою паству с кафедры — молодых и пожилых, богатых и бедных, белых и индейцев, — я думал, что оказался здесь именно затем, чтобы собрать их всех вместе, рассказать им о том, как проявляется любовь, и продемонстрировать ее на собственном примере — так, чтобы они углядели, что у них всех есть нечто общее.

Я смотрел на них и видел Господа в их улыбках и рассудительности, в их страданиях и тяжелом бремени, которым они ни с кем не могли поделиться, в их мечтах и простых радостях. Но что трогало меня больше всего, так это Господь — видимый в радостном смехе маленьких индейцев, носившихся по коридорам церкви вместе с белыми детьми.

Это было перед тем, как на нас опустилась крошечная тьма, будто бы наступил долгий золотистый закат, но тогда я и подозревать не мог о нависшей угрозе. Мне казалось, люди любят меня и почитают мое дело. Мы были вполне счастливы и не подозревали, что «сидим на пороховой бочке».

Взрыв, который вот-вот должен был сломать как мою жизнь, так и жизни многих других людей, прогремел как гром среди ясного неба. Вот-вот должны были рухнуть все мои надежды; мне предстояло потерять многих друзей и даже семью — да, меня ждал крах брака. Предстояло завершиться моей жизни в том виде, в каком она была мне привычна.

Прихожан становилось все больше, и все были так довольны моей работой, что я попросту не задумался о последствиях, а ведь очевидцы убийств и краж земель все чаще восходили на кафедру. Странно, но мне казалось, что я неуязвим и что опасности пройдут стороной. В некотором роде я был похож на солдата, который считает, что пули обязательно минуют его.

Я практически позабыл историю о тайной краже земель резервации Ахоусат, которую совершила моя церковь, историю, которую еще в прошлом году мне поведали Брюс Гунн и вождь Эрл Джордж. Однако меня будто преследовала управляемая ракета, которая все-таки достигла своей цели на третий год моей работы в церкви Святого Андрея.

Все началось довольно безобидно: 14 октября 1994 года в Голд Ривер (провинция Британская Колумбия) состоялось очередное собрание пресвитерии. Наряду с остальными суча-

ющими представителями духовенства я слушал однообразные отчеты по церковным вопросам, как вдруг до меня долетели слова «участок № 363».

И действительно, реакционер Оливер Говард снова потчевал присутствующих подробностями из блистательного отчета, посвященного работе первых миссионеров на побережье. В своей речи он вдруг обронил, что еще в 1904 году пресвитерианец Джон Росс заполучил большую часть земель резервации Ахоусат, включая и тот участок на острове Флорес, что ныне известен нам под номером 363.

— А теперь индейцы желают получить эти земли обратно, — прокомментировал Оливер, ухмыляясь и делая какой-то пренебрежительный жест рукой. — Да, они требуют вернуть им эти земли, несмотря на то что наша церковь еще в 1953 году продала их внуку Росса и теперь они принадлежат Мак-Миллану Бледелу. Мы пытались объяснить это вождям поселения, однако они отказываются внимать здравому смыслу и не желают общаться с нами, что, в общем-то, типично для индейцев.

От этих слов у меня прямо-таки заколотилось сердце — я-то знал, что он лжет. Вождь Джордж рассказывал мне, что это церковь не хочет обсуждать с ними вопрос участка № 363 и что церковное руководство не может предоставить никаких доказательств факта владения этой землей.

— Мы никогда не продавали эту землю церкви, — объяснял Эрл. — Да и с чего бы нам это делать? Мы не занимаемся куплей-продажей участков. Эта земля всегда нам принадлежала, и у церкви не было никаких прав продавать ее Мак-Миллану Бледелу. Так что мы требуем вернуть ее нам.

Памятуя о том, как присутствующие в прошлый раз отреагировали на мое предложение выслушать жителей резервации, я не стал высказываться на октябрьском собрании. Но с ложью и расизмом Оливера нужно было что-то делать. Я никак не мог потворствовать этому обману. И потому, вернувшись домой, я тут же написал письмо руководству пресвитерии.

Письмо было датировано 17 октября 1994 года. В нем я упомянул о том, что наша церковь совершила преступление, украв у жителей резервации Ахоусат землю, а затем продал ее против их воли. Я также написал о том, что необходимо признать за собой этот поступок и, руководствуясь собственной политикой в отношении требований индейцев, вернуть земли

законным владельцам. В противном случае, указал я, я не смогу иметь с церковью ничего общего.

Итак, я отправил это письмо пресвитерии, однако не получил от них никакого ответа. Впрочем, уже через пару дней мое письмо оказалось на столе главного исполнительного директора Объединенной церкви, председателя Мариона Беста, а также — у Джона Кэшора, бывшего священника Объединенной церкви, ныне министра по делам с коренным населением провинции Британская Колумбия. Через три дня неизвестные мне служащие пресвитерии встретились с представителями совета моей церкви, что послужило началом кампании по моему увольнению.

Так и не получив никакого ответа, я предположил, что проблема исчерпана и что наши чиновники, руководствуясь собственными принципами, вернут землю населению резервации Ахоусат.

Глава 14

14 июня 1998 года,
Ванкувер (Канада)

Расшифровка стенограммы северо-западного трибунала по вопросу о канадских школах-интернатах для индейских детей, финансируемых Международной Ассоциацией по правам человека среди американских меньшинств (отделение ООН).

14 часов 06 минут.

Судья трибунала Лидия Белый Теленок:

— Хелен, будьте добры, расскажите нам о том, чем вы ранее поделились со мной в рамках закрытого совещания. Но для начала представьтесь.

Свидетель Хелен Морган:

— Хорошо. Меня зовут Хелен Морган. Я живу неподалеку от Бернс-Лейк. Я — потомственный вождь и мать клана. Мне бы хотелось, чтобы в протокол занесли тот факт, что мне угрожали и обещали убить, если я приду сюда и расскажу все как есть.

Судья трибунала Лидия Белый Теленок:

— Кто именно угрожал вам?

Свидетель Хелен Морган:

— Я не хочу упоминать имени этого человека. Могу лишь сказать, что он работает на вождя-руководителя племенного совета карриеров и секани. Этот вождь занимается распространением наркотиков на севере и с помощью конной полиции торгует детьми. Более того, он ответствен за исчезновение многих наших женщин на Шоссе слез.

Судья трибунала Лидия Белый Теленок:

— Почему он заставляет вас молчать?

Свидетель Хелен Морган:

— Ну, во-первых, он был насильником еще тогда, когда мы вместе посещали школу-интернат для индейских детей в Камлупсе. Он доносил на нас, если мы говорили на родном языке, а

позднее он стал делать с нами все, что ему приходило в голову. Теперь там, на севере, он имеет большую власть. Все до смерти боятся его, потому что его поддерживают конная полиция и ФБР.

Судья трибунала Лидия Белый Теленок:

— То есть его поддерживает правительство? Но почему?

Свидетель Хелен Морган:

— Потому что он на них работает. Он оформляет отказы от прав на земельную собственность и лишает нас договорных прав. Именно он заключил сделку с компанией «Алкан» по проекту строительства гидроэлектростанции, в результате которого затопило наши дома. Он постоянно запугивает нас, чтобы заполучить нашу землю и ресурсы. Раньше геноцидом занимались белые, а теперь к ним присоединились и наши люди.

Глава 15

23 января 1995 года,
Порт-Алберни (Канада)

Той зимой мы в последний раз встретили Рождество всей семьей. В долине Алберни в тот раз выпало особенно много снега, и мои дочери — шестилетняя Клер и шумная двухгодичная Элинора — несказанно этому обрадовались. Я уже и думать забыл о споре по поводу земель резервации Ахоусат — все мое время занимали дети и растущие нужды паствы.

И потому звонок Арта Андерсона, сотрудника отдела кадров Ассоциации Объединенной церкви в Британской Колумбии, застал меня врасплох.

— Кевин, — бодро обратился он ко мне. — Вы с Энн не могли бы прямо сейчас подъехать в церковь?

— Что-то случилось? — уточнил я.

— Поговорим, когда приедете, — ответил он и повесил трубку.

Сбитые с толку и заинтересованные происходящим, мы с Энн поспешили в церковь — Андерсон сидел в моем офисе. Он был не один — его сопровождал Кэмерон Рид, похожий на гнома член руководства пресвитерии Комокса и Нанаймо.

Арт Андерсон поднялся и молча вручил мне какое-то письмо.

Содержимое меня шокировало. Письмо было подписано Филом Спенсером, должностным лицом пресвитерии, который когда-то вместе со мной обучался в семинарии и которого я считал другом. В нем говорилось, что меня, без каких бы то ни было объяснений, следует немедленно снять с должности священника церкви Святого Андрея. Более того, в отношении моего дальнейшего служения в Объединенной церкви выдвигались кое-какие условия: я должен был пройти психиатрическую экспертизу и пасторскую переподготовку, причем бесплатно, а ведь мне нужно было как-то кормить семью.

В письме также сообщалось о том, что мы с семьей должны будем освободить дом в Порт-Алберни к 15 февраля,

несмотря на то, что наша малышка посещала детский сад. У нас оставалось меньше месяца. И никто больше не собирался платить мне зарплату.

Я буквально упал в кресло и передал письмо Энн. Она пробежала текст глазами и расплакалась.

— Что это такое? — потребовал я ответа.

— Там все написано, — спокойно пояснил Арт Андерсон. — Так всем будет лучше.

Я уставился на него, не в силах поверить сказанному. Энн никак не могла унять слезы. Рид и Андерсон безучастно посмотрели на нее, словно на насекомое.

— По какой причине меня увольняют? — спросил я Андерсона.

— Это необходимо для блага всей паствы.

— О каком же благе может идти речь, если паства лишается священника?

— Дело в том, что я получил уже пять или шесть письменных жалоб на вас.

— От кого?

— Не могу сказать.

— Можно взглянуть на эти жалобы?

— Нет.

Лишь позже я узнал, что никаких жалоб вообще не существовало. Несмотря на то, что он мог пояснить, в чем же я виноват, он ждал, что я, так или иначе, подыграю ему.

Я также узнал и о том, что, сообщив нам с Энн эти вести, Андерсон встретился с членами церковного совета — их тоже неожиданно вызвали в церковь. В ходе этой встречи он раздал всем присутствующим копии письма, указав на требование церкви провести психиатрическую экспертизу, и добавил: «Об этом должен узнать каждый».

Позднее я записал в своем дневнике, что в ту ночь мы с Энн жались друг к другу, словно жертвы изнасилования. Меня уничтожили прямо перед всей моей паствой.

Мне следовало задуматься о происходящем гораздо раньше, ведь еще в декабре, как раз после того как я написал письмо, касающееся участка № 363, трое прихожан самовольно выдвинули мне ультиматум, согласно которому передо мной ставили выбор: либо я прекращаю заниматься организацией хранилища продуктов, завязываю с проповедями о социальной справедливости и больше не езжу к тем, кто «не является членом церк-

ви» (так они называли индейцев), либо меня тут же увольняют. Впрочем, своей угрозы они так и не выполнили. Но затем на сцене появился Андерсон.

Осознав это, я, тем не менее, решил, что сотрудничать с Андерсоном невозможно. Я понимал, что, если соглашусь с их требованиями, то не только предам все, чему пытался положить в Порт-Алберни начало, но и помогу скрыть преступления, совершенные в школах-интернатах (Объединенная церковь о них не забывала).

Двумя днями позже я получил от Андерсона письмо, в котором меня угрожали навсегда лишить духовного сана, если я не соглашусь с их требованиями «к 09 февраля 1995 года». А ведь именно в этот день местная полиция должна была приступить к «официальному расследованию» событий, произошедших в школе-интернате Алберни. Очевидно, церкви требовалось, чтобы к началу следствия меня здесь уже не было.

Тогда-то я понял, что на карту было поставлено куда больше, и дело было вовсе не в том, что простой священник якобы не отвечал требованиям паствы.

Каждый сотрудник Объединенной церкви, с которым я общался, выражал по отношению ко мне такую же непримиримость: либо мне следовало подчиниться требованиям, либо в течение месяца меня должны были вышвырнуть на улицу.

Поначалу никто из них не желал иметь со мной ничего общего: на мои телефонные звонки они не отвечали, а мои отчаянные просьбы урегулировать разногласия попросту игнорировали.

Более того, они намеренно причиняли страдания моей семье, чего уж никак нельзя было объяснить. На следующий день после того, как меня уволили, Фил Спенсер, служащий пресвитерии, подписавший соответствующий приказ, позвонил Энн. Очевидно, он кратко пояснил ей, что именно она являлась слабым звеном в цепи.

— Кевин получил по заслугам! — заорал он, когда Энн сняла трубку. В ошеломлении она попыталась спросить его, можем ли мы как-то все уладить.

— Слишком поздно! — снова закричал он, фыркая. — Можете судиться с нами, сколько влезет! Многие пытались судиться с церковью, да только так и не выиграли дела!

В течение последующих месяцев я столкнулся практически со всеми известными тактиками воздействия путем оказания давления, включая подрыв брака и кражу детей.

Напуганная Энн доверилась местному адвокату, который дружил с Фредом Бишопом и некоторыми служащими церкви. Он, вероятно, решил не соблюдать конфиденциальность и рассказал Бишопу о страхах Энн, а уж тот передал эту информацию тем, кто меня уволил. Иными словами, они знали, куда бить.

Почти через месяц после того, как меня уволили, они предложили Энн оплатить издержки развода, если она бросит меня и расскажет им о моих планах. Энн согласилась на их условия и втайне стала готовиться с детьми к уходу.

А я ничего не подозревал. Напротив, я наивно полагал, что нам с ней удастся пройти через это тяжелое испытание (так же наивно я когда-то считал, что церковь восстановит справедливость). Да и потом, у нас за плечами было десять лет брака, и нам нужно было оберегать дочерей.

Я и вообразить не мог, какой удар ждал меня со стороны семьи. И потому я по-прежнему пытался вести переговоры с церковью и оказывал помощь тем, кто нуждался в ней больше всего. Все дело было в том, что в день моего увольнения Фред Бишоп и «костяк» церкви закрыли наше хранилище продуктов «Земные блага», лишив еды триста нуждавшихся семей.

Объединенная церковь заявила, что не может ежемесячно выделять тысячу двести долларов на то, чтобы их прокормить. Зато на следующий год они не пожалели двухсот пятидесяти тысяч на то, чтобы лишить меня сана и средств к существованию.

Вскоре после моего увольнения мои сторонники в страхе разбежались; бедняков и индейцев буквально выгнали из церкви, и количество прихожан значительно сократилось: теперь среди них были лишь те, кто еще три года назад впервые приветствовал меня. В действительности, церковь Святого Андрея была вынуждена закрыться через пару лет после моего ухода — она попросту объединилась с другой Объединенной церковью в городке. Если бы только этот кризис, по крайней мере, указывал на то, что происходит с людьми, когда они лишают себя и всех вокруг самого лучшего, что в них есть...

Суровый период кое-чему научил меня: я осознал, какова истинная природа церкви, в которой я служил, а также убедился в правдивости того, что мне рассказывали о школах-интернатах. Ведь еще до увольнения я никак не мог поверить в то, что моя церковь способна на массовые убийства. И правда, не испытав жестокости церкви и ее служащих на себе, я так и не

смог бы поверить рассказам об убийствах и пытках, которыми делились со мной выжившие.

Увидев пустоту в глазах Арта Андерсона и Фила Спенсера, ощутив их безразличие по отношению к моим детям, испытал их жестокость на себе, я вдруг осознал, что представители церкви вполне могли убивать детей с кожей более темного цвета. Иными словами, если они были способны поступать так по отношению к одному из своих людей, что они могли сделать с «другими»?

В Талмуде говорится: «Тот, кто лишил жизни одного человека, подобен тому, кто истребил целую нацию». И действительно, невозможно измерить ущерб, причиненный человеку. Но из этой мудрости вытекает и следующая: «Спасший чью-то жизнь подобен тому, кто спас целый мир».

Мне открылись обе эти истины, и теперь мне предстояло выбрать, к какой из них сделать шаг.

Глава 16

Январь 1994 года,
Порт-Алберни (Канада)

РЕКВИЕМ ПО МАРКУ

Жизнь окружающих людей активизирует у Кевина Аннетта основополагающий вопрос: раз Иисус так занят тем, что помогает бедным и несчастным, чему они, в свою очередь (подобно «отверженным» Виктора Гюго), могут научить официально признанных христиан? И что ценного можно вынести из жизни и смерти человека?

Показательным примером в этом отношении стала жизнь Марка Ангуса, проживавшего в Порт-Алберни, который в начале того года наложил на себя руки.

Поначалу Кевин ничего не знал о Марке: просто тот уже более года помогал ему поддерживать работу хранилища продуктов и всегда был готов прийти на помощь. Марк был одним из первых, кто решился честно поведать прихожанам о своей жизни, моля Господа и окружающих помочь ему справиться с пагубными привычками.

Готовность Марка просить о помощи привела к тому, что многие стали держаться от него на расстоянии. Однако казалось, что его это не особо сильно волнует. Он просто понимал, в чем заключается истина, и решительно ее выражал.

Наверное, эта кристальная ясность и стала причиной того, что холодным январским днем в номере отеля, который находился в двух кварталах от церкви, Марк покончил жизнь самоубийством. Вероятно, все казалось ему столь четким и прозрачным, что он попросту не мог укрыться за самообманом и уклониться от преследовавшего его кошмара.

Всю предыдущую неделю Кевин пытался переубедить его — Марк еще после Рождества сообщил ему о том, что желает покончить с собой.

— В чем же причина?

Кевину сложно скрыть свой гнев и печаль от того, что Марк собирается оставить их общую работу без внимания, покинуть церковь и разорвать дружеские отношения.

— Да дело в том, что нет никаких причин, — спокойно отвечает Марк. — Ну, скажем, накормим мы голодающих. А дальше что? Завтра они снова захотят есть. А однажды вообще умрут. В конечном счете, все это бессмысленно.

— Я не согласен, — возражает Кевин, но сам не верит своим словам.

— Неужели Господь рядом с нами? Я так и не смог ощутить его присутствия, как ни пытался. Он никогда не отвечает.

— Просто все происходит несколько иначе. Мы каждый день сами даем себе ответы.

— Мне больше это не под силу. Я просто устал.

Кевин встает и принимается расхаживать из угла в угол. За окном валит снег.

— А как же твой сын? Он ведь живет в Англии, верно? Ты говорил, ему всего лишь шесть. И ведь он так тебя никогда и не узнает.

Марк с грустью кивает, но ничего не отвечает.

— Марк, я не могу позволить тебе так поступить! — восклицает Кевин.

Наступают сумерки.

Марк улыбается:

— Я тоже буду по тебе скучать.

Затем он делает паузу и внимательно смотрит на своего друга.

— Ты — единственный, о ком я беспокоюсь. За меня не волнуйся: со мной все будет в порядке, я точно знаю. Но тебе придется остаться здесь. Оно выбрало тебя своей мишенью. Оно ненавидит тебя за то, что ты пытаешься сорвать с него маску. Но мы-то с тобой видим, что происходит на самом деле.

Тут он делает странное телодвижение, похожее на то, как отряхивается собака.

— Я просто больше не в силах это выносить. Но ты — поразительный человек: ты не отступаешь, даже когда перед тобой маячит угроза потерять все и всех. Им это известно, и потому они не перестанут на тебя нападать.

Кевин кивает: ему известно, что именно так и обстоят дела.

Внезапно голос Марка крепнет:

— Кевин, у тебя есть только один выход. Прекрати давать людям возможность выходить на кафедру. Твоя цель вовсе не в этом. Ты чаще думаешь о них, нежели о том, почему ты здесь оказался. Нужно рассказать им правду!

Важна здесь вовсе не решимость Марка, а то, что он смирился со своим предназначением вестника, даже несмотря на то, что знал, чем закончится его жизнь.

Неделю спустя он покончил с собой.

На похороны Марка собралось около пятидесяти человек. После короткой молитвы Кевин встал перед гробом и произнес надгробную речь:

— *Пару дней назад я нашел Марка в номере отеля. Он покончил с собой за два дня до моего прихода и вот теперь лежал там один-одинешенек. Да и умер он, собственно, в одиночестве. Многие из нас попросту пренебрегли им, особенно те, кто называл себя его другом. В общем, когда я задумался о его жизни и о том, как он умер, то понял, насколько мы слабы — нам есть дело до Господа лишь тогда, когда мы в чем-то нуждаемся. Мы просто пользуемся окружающими и зовем это «жизнью». Марк устал от такого образа жизни, от того, во что превратилось наше общество, — он больше не мог этого выносить. Именно об этом он и сказал мне неделю назад. Этот достойный человек больше не мог оставаться ни в нашем мире, ни в нашей церкви. Все вы помните, что другого мужчину, последователями которого мы, якобы, являемся, убили за то, что он продемонстрировал нам истину. Мы нетерпимы к непорочным. Вероятно, так происходит потому, что благодаря им наша собственная жизнь предстает перед нами такой, какой является в действительности. Но даже после того, как мы прогоняем их прочь, их свет по-прежнему сияет среди нас. Да, он по-прежнему оказывает на нас влияние, хоть самих этих людей уже и нет рядом. Евреи называют таких непорочных ламедвовниками, праведниками, что страдают за человечество, искупают нашу вину перед Богом и, тем самым, не дают нам погибнуть. Марк был одним из таких праведников. У него не было особого выбора — он уже родился таким. Наверное, именно поэтому я и пытался узнать его поближе. Согласно Талмуду, Иисус был одним из многих праведников, а вот наша Библия описывает его как «единственного сына Господа».*

Давным-давно члены племени нуу-ча-нутль, потомки которых сегодня находятся среди нас, уверовали, как и гностики-христиане, в то, что Иисус в свое время поделился со своими ближайшими последователями, включая Марию Магдалину и Фому, неким сокровенным знанием. Более того, члены племени нуу-ча-нутль считают, что еще задолго до того, как сюда прибыли европейцы,

их навещал Христос, правда, в образе женщины. Так вот, по ее мнению, жители западного побережья были достойны того, чтобы узнать сокровенное знание ее учения.

Он продолжил:

— Не имеет никакого значения, верим мы в это или нет. Однако в течение двух столетий после прихода Иисуса христианская церковь постоянно нападала на гностиков и, в итоге, уничтожила это движение — считалось, что их учения противоречат официальному христианству. Так христиане практически истребили местное население. Неужели это простое совпадение? Те другие христиане считали, что главным врагом человечества является не грех, а духовное невежество, и что путь к спасению лежит через внутреннюю мудрость, а вовсе не через искупление Иисусом нашей вины и священную жизнь церкви. Итак, перед каждым из нас лежит выбор: либо уверовать в учение Иисуса, согласно которому «царство Божие внутри нас самих», либо, напротив, наряду с представителями ортодоксального христианства полагать, что «царство Божие внутри церкви».

И добавил:

— Перед смертью Марк рассказал мне, что, какими бы роками ни обладала христианская церковь, наша работа в долине поспособствовала их разоблачению. Он также сказал: «То, что скрывается в церкви, ненавидит нас за это, и оно не успокоится, пока не уничтожит нас». Вероятно, Марк и был первым на его пути. Оно унесло жизни многих невинных. Однажды Оно может забрать и меня. Впрочем, это не имеет никакого значения, поскольку последнее слово еще не сказано. Важно то, что каждый из нас волен сделать свой выбор — между ложью и истиной, между Христом и той фальшью, которая укрывается за его именем. Надеюсь, вы поймете, чему при жизни Марк отдавал предпочтение, и осознаете, что его выбор призывает и нас на что-то решиться.

Глава 17

1995 год, Порт-Алберни
и Ванкувер (Канада)

Спустя несколько месяцев тщетных переговоров с пресвитерией — а ведь Джон Джессиман и некоторые служители церкви вели среди ее членов подрывную деятельность — мы с семьей лишились практически всего, поскольку мне запретили работать в церкви. В июле 1995 года мы были вынуждены покинуть Порт-Алберни и перебраться к родственникам в Ванкувер.

Мало того, что я испытывал глубокую печаль от того, что мне приходится расставаться с друзьями, так еще и Энн все больше отдалялась от меня. Но в ту пору я и понятия не имел, что она заключила с церковью тайное соглашение и теперь собирается развестись со мной. В общем, в сентябре 1995 года я записался в Университет Британской Колумбии: я намеревался получить докторскую степень в области изучения коренного населения. Я, конечно, надеялся вернуться к духовному служению, но считал, что между тем могу обратиться к истории и антропологии, чтобы подробнее разобраться в системе, которая причинила моей семье столько страданий.

Духовного сана меня еще не лишили, но работу я найти не мог. Однако, приступив к учебе, я испытал необычное ощущение свободы, несмотря на то, что на нас давили нищета и вынужденный переезд. Поскольку от меня никто ничего не требовал, я мог углубиться в изучение истории школ-интернатов для индейских детей на западном побережье, пользуясь информацией, почерпнутой из личных бесед с коренным населением, а также огромным количеством архивных материалов, недавно поступивших в университетскую библиотеку Кернера.

Впрочем, за какое-то время до этого случилось одно событие, напомнившее мне о жизни в Порт-Алберни. Как-то мне позвонил бездомный Джон Сарджент, который частенько посещал мою церковь и даже подружился со мной:

— Кевин, тебе бы лучше вернуться, — заявил он. — Тут на пожаре в трущобах сгорела Сесилия Джозеф.

Тихая и дружелюбная Сесилия регулярно посещала наше хранилище продуктов «Земные блага». Впервые она пришла к нам будним утром, чтобы получить пищу на семью, но осталась на весь день, помогая упаковывать еду и приглядывать за детьми. Тогда я с ней и разговорился.

Однажды она показала мне шрамы на руках и ногах — они остались у нее после того, как в детстве монахини школы-интерната Кристи в Тофино, что на западном побережье, кололи ее длинными иглами. Более того, однажды она стала свидетельницей того, как священник до смерти забил ее пятилетнего двоюродного брата.

А теперь пришел черед самой Сесилии. Смерть ее была трагичной: она сгорела прямо в комнате, которую снимала у владельца трущоб Гаса Фригстада, — выбраться оттуда было невозможно, поскольку в помещении отсутствовала пожарная сигнализация, а на двери не было ручки.

Родственники Сесилии попросили меня провести обряд похорон, так что на следующее утро я отправился на пароме в Порт-Алберни.

По прибытии я узнал, что члены ее семьи уже успели обратиться в каждую церковь долины. Однако все без исключения духовники отказались им помочь. Более того, как только священники понимали, кого именно будут хоронить, они даже запрещали пользоваться услугами их церкви.

В число этих церквей вошли и две Объединенные церкви городка. К примеру, Кэтлин Хогман, моя преемница по церкви Святого Андрея, сообщила родственникам Сесилии, что в этот период церковь будет занята. Позднее оказалось, что она солгала. А вот Райан Найт, священник Первой Объединенной церкви Порт-Алберни и мой бывший друг (кстати, по моему увольнению эта дружба быстро сошла на нет) и одноклассник, изловчился и применил другой прием:

— К сожалению, ничем не могу помочь, — соврал он брату Сесилии, когда тот позвонил ему. — Дело в том, что Кевину Аннетту отказано в доступе в какое бы то ни было учреждение Объединенной церкви.

— Он уже не первый раз нам отказывает, — пояснил брат Сесилии. — Дедушка с бабушкой хотели крестить там внуков,

и он отклонил их просьбу. Сказал, что индейцы должны посещать собственную церковь.

Создавалось такое впечатление, что безнаказанно покончить с расизмом в Порт-Алберни невозможно. Да, я попытался, но от моей деятельности в церкви Святого Андрея «богобоязненное» белое население только «завелось».

В этом отношении члены Тайной братии, располагавшейся в Порт-Алберни, оказались более дружелюбными: они позволили нам воспользоваться своим помещением для отправления обряда похорон. На похороны собралось более сотни человек. Придерживаясь процедуры, которой я пользовался еще в церкви Святого Андрея, я решил дать слово всем желающим.

Особенно сильно всех присутствующих поразили слова пожилого дяди Сесилии, опиравшегося на трость. Тогда впервые был изобличен Альфред Кальдвелл, бывший директор школы-интерната Алберни и убийца:

— Сесилия за свою жизнь и мухи не обидела, — прохрипел ее дядя. — А сейчас она мертва. И убила ее алчность белых. С нами так всегда и происходило. Мы ведь прекрасно знали, что в здешней школе-интернате погибают дети. Нам известно и о том, как директор Кальдвелл однажды ночью убил девочку. И этому нужно положить конец.

После церемонии Джек Мак-Дональд, глава местного Общества метисов, предложил организовать трибунал по расследованию смерти Сесилии, а также убийств, произошедших в школе-интернате Алберни. На следующий год мы с Харриэт Нахани решили воплотить идею Джека в жизнь.

Вот только, тем временем, новые Сесилии по-прежнему гибли.

Глава 18

6 марта 1997 года,
Ванкувер (Канада)

Слушания длятся уже семь месяцев. Изнервничавшийся и отчаявшийся Иэн Бенсон заявляет:

— Мне бы хотелось ознакомить присутствующих с письмами, которые имеют непосредственное отношение к разбирательству и который раз доказывают непригодность Кевина Аннетта к духовному служению в церкви Святого Андрея.

Он демонстративно вынимает из своего портфеля несколько листов бумаги:

— Это письмо было добровольно предоставлено мне кадровым комитетом Объединенной церкви. Я, конечно, могу зачитать вам то, что в нем изложено, однако предпочту сэкономить время и лишь уточню, что члены комитета единогласно выступили за увольнение Кевина.

Тут в свою защиту высказывается сам Кевин:

— Я никогда не видел копии этого письма. Оно представлено как улика?

Джессиман игнорирует его, а Бенсон с энтузиазмом продолжает:

— Кроме того, у меня тут есть письмо от Арта Андерсона, сотрудника отдела кадров Ассоциации Объединенной церкви в Британской Колумбии. В нем господин Андерсон утверждает, что церковь некоторое время была весьма обеспокоена поведением Кевина Аннетта. По сути, он заявляет, что по совету доктора Джессимана лично рекомендовал руководству церкви воспрепятствовать мистеру Аннетту в получении работы.

На последнем предложении Бенсон замедляет темп речи, словно не желая произносить его.

Шокированный, однако довольный, Кевин снова пытается защититься:

— Мне бы хотелось отметить, что доктор Джессиман посоветовал Арту Андерсону и пресвитерии прекратить вести со мной переговоры как раз в тот период, когда члены пресвитерии

заклучали со мной соглашение, по которому я мог хотя бы сохранить за собой звание священника. Иными словами, доктор Джессиман лично признал, что саботировал эти переговоры.

Кажется, каждый присутствующий осознал чудовищность этого факта. Бенсон бледнеет — до него постепенно доходит, к чему привело его желание «потопить» Кевина.

Поднимается Брюс Гунн:

— Госпожа председатель, как видите, только что выяснилось, что, казалось бы, беспристрастное судебное должностное лицо и явилось зачинщиком слушаний. Так что по той причине, что налицо злоупотребление служебным положением, я вношу предложение о снятии с доктора Джессимана судебных полномочий в отношении данного слушания и прошу исключить его из состава комиссии.

Преподобная Уильямс сбита с толку. Она беспомощно обращивается к доктору Джессиману, а тот совершенно бестактно заявляет:

— Предлагаю прервать заседание в целях обсуждения данного предложения.

По возобновлении слушаний председатель Молли Уильямс зачитывает подготовленное заявление.

— Комиссия отказывает преподобному Аннетту в его просьбе и выражает полное доверие в отношении беспристрастности и честности доктора Джессимана в том, что касается данного слушания. Продолжим разбирательство.

Кевин Аннетт поднимает руку:

— Госпожа председатель, в таком случае мне бы хотелось, чтобы в протокол внесли заявление Брюса Гунна от моего имени.

Со своего места поднимается преподобный Гунн:

— Заявление заключается в следующем: в свете неправомерного отказа комиссии в отношении нашего требования лишить доктора Джона Джессимана судебных полномочий в рамках данного разбирательства в связи с тем, что он, очевидно, злоупотребляет своим служебным положением, я, преподобный Кевин Аннетт, отказываюсь принимать участие в данном слушании, ибо мое участие в данном слушании может только подорвать мою репутацию в ходе дальнейших судебных процессов против Объединенной церкви. Я не желаю иметь никакого отношения к мошенничеству, несправедливости и тенденциозности, коими наполнено данное разбирательство. И потому я удаляюсь со слу-

шаний. В дальнейшем процедуры проведения данного разбирательства будут обжалованы в гражданском суде.

Кевин Аннетт и Брюс Гунн выходят из зала, а председатель комиссии Молли Уильямс кричит им вдогонку:

— Брюс, Кевин, если вы покинете разбирательство, вам грозят губительные последствия!

Многим из присутствующих показалось, что это было единственным правдивым заявлением из тех, что она делала в ходе слушаний.

Глава 19

18 декабря 1995 года,
Ванкувер (Канада)

Средневековый мистик-магистр Экхарт как-то рассказал, что поначалу принял ангелов, которые помогали его мрачной душе, за демонов: ему казалось, будто их жгучие жала буквально разрывают его на кусочки. Так и мне казались мучительными те переживания, которые я испытывал, когда по отъезде из Порт-Алберни моя старая жизнь начала подходить к концу.

Ключевые события произошли в середине декабря, когда я организовывал митинг протеста у штаб-квартиры Объединенной церкви в Ванкувере. Там я и познакомился с дерзкой индианкой по имени Харриэт Нахани.

Пока я не узнал таких людей, как Харриэт, поближе и пока не начала рушиться моя собственная жизнь, мне казалось, что я имею довольно четкое представление о том, кто такие канадцы. И я сильно сомневаюсь в том, что мне удалось бы узнать истину о Канаде и христианстве вообще, если бы я повел себя осторожнее и сумел сохранить работу и семью.

Я серьезно обратился к пересмотру своих знаний не тогда, когда познакомился с теми, кто уцелел после событий, произошедших в школах-интернатах, и не тогда, когда обнаружил отчеты об убийствах, а когда потерял собственных детей. В общем, не будь мое сердце разбито, вряд ли случилось бы то, что случилось.

В течение недели после нашего с Харриэт знакомства, в декабре 95-го, от меня ушла жена. В действительности, эти события были тесно связаны друг с другом — они произошли потому, что я отказался сотрудничать с Объединенной церковью и способствовать собственному уничтожению.

Психологическая атака, по сути, не имеет никакого смысла. Она лишь направлена на деморализацию «мишени» и лишение человека возможности действовать. С самого начала стало ясно, что за постоянными умышленными нападкамии церкви скрыва-

ется простой план: им нужно было уничтожить меня, поскольку я мог уличить их во лжи и преступлении.

Последним средством в их арсенале являлись согласованные действия с Энн — на той же неделе, что я познакомился с Харриэт и нас обоих процитировали на страницах «Ванкувер Сан» (мы говорили об убийствах детей в школе-интернате Алберни для индейских детей), церковь дала Энн добро на развод.

Все дело было в том, что Харриэт Нахани являлась очевидцем убийства.

Когда я познакомился с Харриэт, ей было за шестьдесят — седые волосы, забранные во всклокоченный хвост, темные, близко посаженные глаза, сжатые губы и полное отсутствие чувства юмора. Создавалось такое впечатление, будто по ее зрелой жизни прошел шрам, выжженный детским воспоминанием об убийстве другого ребенка.

Вплоть до самой своей смерти в начале 2007 года, которая произошла довольно внезапно (возможно, ее даже убили), она была непреклонна в своих убеждениях: «Не нужно помогать нам залечивать раны — лучше призовите этих ублюдков к ответственности».

Узнав о митинге, который я организовал, Харриэт решила, что настало время поделиться тем, что ей было известно, с прессой. Она даже не удосужилась представиться ни мне, ни моим друзьям, с которыми мы вместе пикетировали офис церкви. Она просто тут же начала потчевать журналистов рассказами о том, что ей довелось увидеть в канун Рождества в школе-интернате Алберни, когда ей было еще десять лет.

Пытаясь скрыться от насильника, Харриэт спряталась под лестницей и стала свидетельницей того, как он до смерти забил другую девочку, четырнадцатилетнюю Мэйси Шо из Порт-Ренфрю, провинция Британская Колумбия.

Насильником и убийцей был директор школы Альфред Кальдвелл.

Обо всем этом она рассказала журналистам газеты «Ванкувер Сан» и других изданий, которые пришли на организованный мной митинг с тем, чтобы осветить в прессе мое незаконное увольнение из церкви. Таким образом, мероприятие переросло в нечто иное. Собственно, так, видимо, и должно было случиться.

На следующий день ее рассказ появился на первой странице «Ванкувер Сан» — очевидец событий впервые выступил с таким публичным заявлением.

Ставки значительно возросли. Объединенной церкви Канады уже было не до пререканий с надоедливим священником.

Двумя днями позднее в «Ванкувер Сан» появилась цитата второго очевидца событий Арчи Фрэнка, который утверждал, что Альфред Кальдвелл забил до смерти и другого ребенка — за то, что тот вытащил сливу из банки. Иными словами, Объединенную церковь Канады обвинили в убийстве. А в глазах ее служащих вроде Брайана Торпа именно я стал причиной случившегося. Вероятно, в тот же самый день Торп связался с Энн и велел ей инициировать бракоразводный процесс.

Доказательство их тайных отношений явилось мне однажды утром в конце декабря 1995 года. Я как раз перебирал какие-то семейные документы в шкафу, как вдруг наткнулся на незнакомую желтую папку с надписью «Брайан Торп», что меня совершенно обескуражило (как вы помните, он приложил руку к моему увольнению).

— Что это такое? — спросил я стоявшую рядом жену.

Она выхватила папку у меня из рук и отвела взгляд, но я увидел страх в ее глазах.

— Ничего! — выпалила она, выбегая из комнаты.

Впрочем, в ту пору я был слишком обеспокоен нападками в свой адрес и пытался как-то прокормить семью, так что не сумел понять, что к чему. Выяснилось лишь то, что тот самый служащий церкви, который был причастен к моему увольнению, общался с моей женой. Более наглядное доказательство этой связи я получил в следующем месяце после того, как Энн передала мне документы на развод, когда церковь признала, что Иэн Бенсон, возглавивший в 1996 году кампанию по лишению меня духовного сана, дважды встречался с Энн и ее адвокатом для разработки плана развода.

А на той неделе, когда я познакомился с Харриэт Нахани, Энн попросту исчезла вместе с детьми — еще в канун Рождества она сообщила мне, что хочет развестись. В общем, и Мэйси Шо, и моя семья погибли в канун одного и того же святого праздника, и причиной тому была одна и та же сила.

Глава 20

7 марта 1997 года,
Ванкувер (Канада)

Следует не только отделить неверующих от церкви... но и прервать их отношения с миром... Если неверующий по-прежнему упрямится, церковь, потерявшая надежду на то, что он еще может вернуться на путь истинный, обращается к спасению других душ, а его дальнейшей судьбой занимается мирской суд, рассматривающий возможность смертной казни.

*ФОМА АКВИНСКИЙ, «СУММА ТЕОЛОГИИ» (II),
«СТОИТ ЛИ БЫТЬ ТЕРПИМЫМИ К ЕРЕТИКАМ?»*

Процедура уничтожения Кевина Аннетта в профессиональном отношении в точности соответствовала средневековому аутодафе — стоит лишь вспомнить о проверенной временем церковной традиции публичного унижения и казни еретиков.

Комиссия не придавала никакого значения уходу Кевина Аннетта — разбирательство продолжается. Члены комиссии снова собираются на следующий день, несмотря на то, что отсутствует и Кевин Аннетт, и его сторонники. Письма, представленные Изэном Бенсоном, в которых служители церкви критикуют Кевина Аннетта, в качестве улик внесены в протокол суда, а вот тридцать восемь писем от бывших прихожан в поддержку Кевина исключены из него.

Доктор Джессиман дает членам комиссии указания вынести приговор против преподобного Кевина Аннетта и согласиться с предложением пресвитерии исключить его из рядов священников Объединенной церкви.

Так Кевин Аннетт будет лишен средств на жизнь и своей репутации.

На следующий день Кевин получает письмо с курьером от Г. Р. Шмита, адвоката ванкуверской юридической компании «Фер-

гюсон Гиффорд». В нем говорится о том, что, если он сделает хоть какие-то публичные заявления насчет отношений Объединенной церкви Канады с коренным населением либо развяжет разбирательство относительно его увольнения, против него подадут иск.

Кевин решает проигнорировать это письмо.

В заключительном отчете комиссии нет никаких упоминаний ни о доводах Кевина Аннетта, ни об участке № 363, ни о коренном населении, ни о возражениях обвиняемого и Брюса Гунна, сделанных в ходе слушаний. Кевина Аннетта, скорее, описывают в этом отчете как некоего мятежника, отделившегося от прихожан. Потому его, собственно, и исключают из рядов служителей церкви — ради ее «спокойствия и процветания».

Заключительный отчет комиссии по делу Кевина Аннетта выложен на вебсайте Объединенной церкви Канады — он попросту вводит в заблуждение тех, кто не осведомлен о деталях разбирательства.

Генеральный прокурор Британской Колумбии Удджал Досанджх в ответ на двадцать два письма, в которых изложены возражения посетивших разбирательство, отказывается пересматривать решение комиссии на том основании, что «внутренние процедуры церкви выходят за рамки установленной юрисдикции».

То есть формально церковь превосходит закон.

Вследствие лишения Кевина Аннетта духовного сана Мак-Миллан Бледел по-прежнему владеет участком № 363 и старым кедровым лесом — он приобрел его у Объединенной церкви более чем за миллион долларов. В 1999 году его компанию приобрела фирма «Уэйерхойзер», располагающаяся в Сизтле. Стоит упомянуть, что в истории Британской Колумбии это поглощение было наиболее крупным.

Генеральный прокурор Британской Колумбии Удджал Досанджх, коллега бывшего священника Объединенной церкви Джона Кэшора, позднее становится премьер-министром провинции, а затем входит и в кабинет министров на федеральном уровне.

Служащего церкви Брайана Торпа повышают по службе, и он становится координатором по делам с коренным населением Объединенной церкви Канады. Арт Андерсон, Боб Стивен, Вин Стоукс и все те, кто выступал против Кевина Аннетта, рано выходят на покой, получая пенсию в полном размере.

Объединенная церковь отказывает вождю Эрлу Макинне Джорджу в посвящении в духовный сан, и он отправляется на

остров Флорес. Несколькими годами позднее он умирает в полной безвестности.

Остальные старейшины племенного совета Ахоусат получают свою долю акций в совместном предприятии, организованном Мак-Милланом Бледелом. В итоге, они получают пакеты акций компании «Ильсак Лимитед», которая продолжает рубить старые леса в бухте Клейквот на земле, «вероятно, почитаемой коренным населением».

Преподобный Брюс Гунн не получает никакой компенсации за свои услуги адвоката и поддержку преподобного Кевина Аннетта. Более того, пресвитерия Комокса и Нанаймо вынуждает его оставить свой пост на острове Флорес из-за «непригодности к деятельности священника». Его жена подает на развод, и он переезжает в отдаленную северную область Британской Колумбии — там он поступает на должность советника.

А Кевин Аннетт, как и Улисс, продолжает скитаться в неуверенности и одиночестве. Но, будучи осужденным богами, он ни перед чем не останавливается — он полон решимости.

Глава 21

Сентябрь 1995 года,
Ванкувер (Канада)

В преддверии развода и лишения духовного сана, когда мы с семьей еще пытались оправиться от удара, полученного в Порт-Алберни, я обрел покой и прибежище на территории Университета Британской Колумбии. Еще когда я был подростком, стеллажи тихой библиотеки будто успокаивали меня — в этом с ними могли состязаться лишь густые леса, окружавшие университет. Именно здесь я и обнаружил доказательства, которые в дальнейшем подтолкнули меня к новой жизни.

Однажды утром в работе над докторским исследованием я оказался в отделе микрофильмов и, к своему удивлению, обнаружил, что история преступлений в школе-интернате для индейских детей не так уж тщательно скрывалась. На самом деле, уже более века о ней упоминали в СМИ и отчетах правительства.

Мое внимание привлекла надпись «Департамент по делам индейцев» — оказалось, что как раз в том году университетская библиотека в полном объеме приобрела материалы, касающиеся школ-интернатов для индейских детей в Британской Колумбии. Передо мной лежало семьдесят семь катушек микрофильмов — кладезь гремучей смеси доказательств того, что происходило в школах-интернатах западного побережья аж с 1890 года.

Источник информации включал в себя как школьные отчеты, так и отчеты агентов по делам индейцев относительно школьных условий. Более того, тут же находились прошения и жалобы самих индейцев, в том числе и родителей ребят, в которых, помимо всего прочего, упоминались смерти и страдания учащихся.

Общий тон позиций правительства и общества на тот момент проще всего проиллюстрировать на примере суперинтенданта по делам индейцев Дункана Кэмпбелла Скотта, человека с весьма разносторонними интересами, который в начале XX века проживал в Оттаве. В свое время он получил две докторские степени в университете Торонто и университете Квинс, а также являлся

президентом Канадского королевского общества. Более того, его стихи и по сей день украшают страницы канадской литературы.

А вот когда он не занимался восхвалением красоты дикой природы Канады и ее прекрасного коренного населения, он набрасывал служебные записки более практического характера. Вот вполне типичный для него прозаический отрывок, созданный в 1910 году:

«Если эти школы не являются в наши школы-интернаты добровольно, их к этому должен будет принудить закон. У церкви не останется другого выхода. Это правда, что уровень смертности индейских детей, погибающих в наших школах от туберкулеза, весьма высок, однако он соответствует политике нашего департамента, направленной на окончательное решение индейского вопроса».

Несмотря на довольно лирический настрой прозы Скотта, я сильно удивился, поскольку всегда считал, что именно Генрих Гиммлер придумал столь остроумное выражение (правда, в отношении евреев).

А вот что касается озабоченности главного медицинского инспектора департамента, доктора Питера Брайса, то она сильно отличается от директивы руководителя. В общем, дни его были сочтены: Брайса, в конце концов, сняли с должности. Еще тремя годами ранее, после инспекционного объезда большинства западных школ-интернатов, Брайс написал в своем отчете следующее:

«Считаю, что в школах-интернатах для индейских детей намеренно создаются условия, которые способствуют распространению инфекционных заболеваний. Зачастую уровень смертности превышает 50 процентов. Налицо преступление национального масштаба».

Чудовищный уровень смертности не снижался в течение десятилетий, и Брайс объяснял его обычной практикой школ-интернатов: «Больных держали вместе со здоровыми и никогда не лечили ни от туберкулеза, ни от каких-либо других заразных заболеваний», — писал он.

Позднее я поделился этой информацией с адвокатами коренного населения, которое пыталось судиться с церквями и правительством. Как следствие, Объединенная церковь стала ненавидеть меня еще сильнее. На самом деле, уже через два дня после того, как стало известно о первом иске против церкви, — а случилось это в феврале 1996 года, — Объединенная церковь Канады решила формально лишить меня духовного сана. Впрочем, пока до этого оставалось еще несколько месяцев.

Неопределенный отчет доктора Питера Брайса предоставил мне первое достоверное доказательство того факта, что деятельность школ-интернатов, по сути, являла собой спланированный геноцид. Подумайте только, каждый год в этих школах от инфекционных заболеваний умирало более половины индейских детей, и это при попустительстве церкви и государства!

Автор отчета, доктор Брайс вряд ли был диссидентом радикальных взглядов. Скорее, он являлся обычным служащим, который в своих изысканиях зашел столь далеко, что принялся утверждать, что церковь, руководившая школами-интернатами, намеренно убивала детей, скрывала свои преступления да еще фальсифицировала школьные отчеты, чтобы покрыть злоумышленников.

Однако больше всего меня поразило то, что еще в ноябре 1907 года его заявления напечатали на первых страницах двух крупных канадских ежедневных газет — «Оттава Ситизен» и «Монреаль Газетт». Обращаясь к цитате доктора Ноама Хомского, можно сказать, что всю правду о канадском геноциде отечественного производства в буквальном смысле «спустили в черную дыру памяти».

Среди других моих важных находок в архиве был бланк заявления на зачисление в школу-интернат для индейских детей, которое вынуждали подписать каждого индейца, имевшего ребенка. В противном случае родителям грозило заключение в тюрьму — об этом им сообщали полицейские, прибывавшие забирать детей.

Согласно заявлению, права на опеку переходили к директору школы-интерната — священнику, подчиняющемуся непосредственно федеральному министерству горнодобывающей промышленности.

Этот документ не только доказывал причастность церкви к преступлениям, совершенным в школах-интернатах, но и наглядно демонстрировал, как вообще их можно было проверить,

а потом скрывать в течение столь долгого времени — несомненно, церковь и государство действовали сообща.

Я быстро стал завсегдатаем университетской библиотеки: копаясь среди экземпляров, представленных на пыльных полках, я едва не ослеп в попытках расшифровать письма вековой давности. Но чем больше я узнавал, тем сильнее ощущал потребность рассказать об этом на своих семинарах.

— Вы, что же, считаете, что все это было спланировано? — спросила меня преподавательница Джин Бармэн, когда я представил отчеты доктора Брайса на занятии (в них содержалась информация об уровне смертности в школах-интернатах Алберни, достигавшем пятидесяти процентов).

— Ну а какой еще могла бы быть причина их смерти? — ответил я вопросом на вопрос. — Это ведь продолжалось последовательно, год за годом. Тут не остается иных вариантов: вероятно, речь идет об определенной продуманной стратегии.

Уверенный в том, что четкие рассуждения одержат победу над механизмом отрицания, я даже указал на то, что это вполне соответствовало принципам, ранее принятым в Конгрессе США. К примеру, еще в 1870 году в него был внесен на рассмотрение закон, направленный на истребление индейцев навахо. Впрочем, далеко за примером ходить не надо: в 1857 году в Верхней Канаде (ныне провинция Онтарио) был принят Закон о поэтапной ассимиляции индейцев, направленный на легальное уничтожение индивидуальности коренного населения и всей нации вообще.

Время шло, и всякий раз, как я поднимал волновавший меня вопрос, выражение лиц белых участников семинаров красноречиво демонстрировало непроизносимое вслух: «Ты перешел все разумные границы». Даже те, кто получал последипломное образование, никак не могли поверить, что колониальная Канада вообще была способна на какой бы то ни было геноцид.

Как и в церкви, я быстро стал изгоем и здесь: студенты, стремившиеся к карьерному росту, начали избегать меня. Каждому из них было известно, что тема моей работы связана со школами-интернатами Объединенной церкви на западном побережье Британской Колумбии.

— Думаю, вы избрали довольно рискованную тему для исследования, — сообщила мне у себя в офисе председатель факультета Патриция Вертински. — Я бы предложила вам подумать, прежде чем углубляться в написание диссертации.

Все это очень сбивало меня с толку. Ведь, в конце концов, университет должен был являть собой средоточие и оплот свободы мысли и самовыражения!

У меня снова возникло ощущение, будто я наткнулся на какую-то всем известную и постыдную семейную тайну, которую, правда, никто не хотел обсуждать. Более того, никто не желал признавать ее существования. Так я начал осознавать, что привычка к «организованной религии» настолько прочно укоренилась в обществе, что даже просвещенные ученые, многие из которых, впрочем, даже и христианами-то не были и в церковь не ходили, но даже они не могли поставить под сомнение существование иррационального допущения о том, что христианская церковь, якобы, не способна на убийство, хотя исторические факты, к слову сказать, говорили об обратном.

Мои коллеги сходились лишь в одном — меня, моего общества следовало избегать. Впрочем, были и те, кто поддерживал мою работу, однако под влиянием определенного давления и они были вынуждены вскоре отдалиться от меня.

На самом деле, ситуация была куда хуже, чем мне показалось поначалу. Ведь первое время я и понятия не имел, что один из старших членов факультета, Мюррей Эллиот также являлся служащим исполнительного органа Объединенной церкви в Британской Колумбии. Более того, в итоге я узнал о том, что он был и членом комитета, который постановил, что необходимо лишить меня духовного сана.

Я-то думал, что, пусть дорогой ценой, но я обрел свободу, а оказалось? По сути, я попал из огня — да в полымя.

Заключительный удар пришелся по мне, когда я узнал, что Мюррей Эллиот отвечает за финансирование проектов учащих-ся и прохождение ими ассистентуры. В общем, было несложно понять, что бывший священник-энтузиаст в ходе своего обучения не получит никакого денежного поощрения.

Собственно, так и произошло. Несмотря на свои отличные оценки, я стал первым студентом в истории факультета, которому в такой ситуации отказали в финансировании на два последующих года. А поскольку я не мог вносить плату за обучение, я так и не смог получить степень.

Впрочем, на этом Мюррей Эллиот не остановился: он принял поносить мое имя, утверждая, будто я «ужасный священ-

ник и плохой отец», рассказывая направо и налево о том, что мою работу «никогда не опубликуют».

Как-то раз Эллиот в ярости даже потребовал, чтобы учащаяся Хелен Папуни — к слову, одна из тех немногих, кто вообще уделял мне какое-то внимание, — сняла с двери своего офиса статью, полную сочувствия по отношению ко мне. Он даже пригрозил исключить ее из университета, если она не последует его распоряжению: «Кевин никогда не получит свою степень. И вам грозит то же самое, если вы впредь не будете осторожнее».

— Не вижу в этом никакого смысла, — прокомментировал события мой научный руководитель Дон Уилсон, когда моего имени не оказалось в списке тех, кто должен был пройти ассистентуру. — У вас весьма высокий академический балл, — беспокоило покачал он головой. — С такими оценками каждому участнику этой программы предоставляется финансирование и возможность пройти ассистентуру. Раньше подобного никогда не случалось.

В итоге Дон предложил мне обратиться с этой проблемой к председателю факультета. А через неделю явился ко мне бледный как полотно и рассказал, что больше ничем не может мне помочь. Впредь он старался избегать меня, а на следующий год вообще досрочно вышел на пенсию.

После того, как меня вынудили покинуть факультет, я перед университетским Комитетом по этике обвинил Мюррея Эллиота в том, что он оказал влияние на мою академическую свободу и, пользуясь служебным положением, отказал мне в финансировании. Я даже отправил соответствующее письмо в Правление университета.

Впрочем, все было тщетно. Не попытавшись даже разобраться в происходящем, через пару дней после получения моей жалобы служащий университета Деннис Павлич заявил, что Мюррей Эллиот никоим образом не пользовался своим служебным положением и что моя жалоба отклонена.

Администрация университета так быстро избавилась от моей жалобы, что я понял: эта проблема волнует не только церковь и ее представителей.

Долгие годы мой заклятый враг Мак-Миллан Бледел и работавшие с ним «Интерфор», «Краун Зеллрбах» и «Уэйрхойзер» являлись крупнейшими благотворителями университета и представителями правления. Более того, некоторые ректоры

университета также являлись руководителями высшего звена все тех же лесопромышленных компаний.

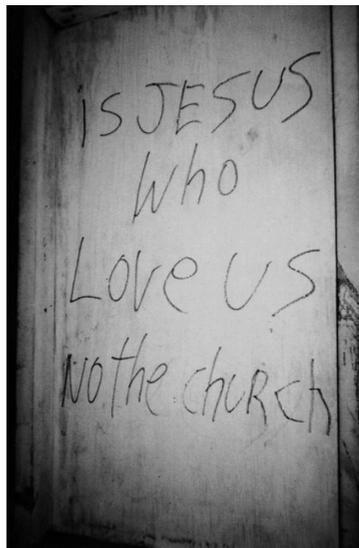
А ведь еще годом ранее Брюс Гунн восклицал: «Кевин, умешь ты выбирать себе врагов!»

Впрочем, снова оказавшись на улице, я понял, что в такой момент перед человеком открываются новые возможности. Иными словами, правду о канадском холокосте еще можно было донести до людей. Тогда-то на сцене и появилась храбрая и решительная свидетельница событий прошлого Харриэт Нахани.

Преподобный Кевин Аннетт в своей церкви (Порт-Алберни, 1992 год).

Надпись на автобусной остановке в трущобах Ванкувера (Канада).

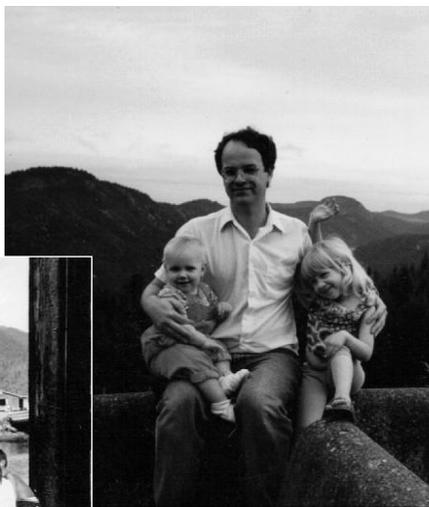

Надпись гласит:
«Нас любит Иисус, а не церковь».

Место массового захоронения, бывшая школа-интернат
Алберни для индейских детей.

Кевин Аннетт с дочерьми
Элинор и Клер (1993 год).

Индейские дети в поселении
Ахоусат (1993 год).

Доказательства уровня смертности (50 процентов) в канадских школах-интернатах для индейских детей; правительственный отчет доктора Брайса (1907 год).

(High R. G. School) - continued. 353988

Throat.		Lungs.		Chest.		Gen. Appoe.		Av. exp. chest.	
Nor.	Abn.	Nor.	Abn.	Good.	Imp'd.	Pair or Good.	Poor or Imp'd.		
19.	15.	3.	22.	21.	18.	17.	16.		8.8
* * *									

High R. G. School.

A g. e.		Father.		Mother.		Children.		Av. child. liv'g.	
5-9 under.	10-14.	Liv'g.	Imp'd.	Liv'g.	Imp'd.	Liv'g.	Imp'd.		
5.	7.	9.	9.	8.	28.	36.			50% death rate
* * *									

Temperature.				Pulse.				Respiration.				Glands.		Nose.	
Nor.	Abn.	Nor.	Abn.	Good.	Imp'd.	Good.	Imp'd.	Good.	Imp'd.	Good.	Imp'd.	Nor.	Abn.	Nor.	Abn.
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.
98.	99.	100.	101.	80.	80.	120.	120.	20.	20.	12.	12.				
* * *															

High River School.

A g. e.		Father.		Mother.		Children.		Av. child. liv'g.	
5-9 under.	10-14.	Liv'g.	Imp'd.	Liv'g.	Imp'd.	Liv'g.	Imp'd.		
11.	21.	48.	57.	88.	101.	88.			25% death rate
* * *									

Temperature.				Pulse.				Respiration.				Glands.		Nose.	
Nor.	Abn.	Nor.	Abn.	Good.	Imp'd.	Good.	Imp'd.	Good.	Imp'd.	Good.	Imp'd.	Nor.	Abn.	Nor.	Abn.
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.
98.	98.	98.	100.	80.	80.	120.	120.	20.	20.	12.	12.				
* * *															

Fig. 3a: Mortality rate records from Dr. Bryce's 1920 report
 Indian Affairs. (1E 10, Vol. 3957, File 100,751-1)

Сообщение в газете «Оттава Ситизен» от 15.11.1907 о чудовищном уровне смертности в школах.

Текст статьи:

«Школы содействуют распространению туберкулеза среди индейцев. Ошеломительные сведения о количестве погибших».

~~Price One Cent.~~

SCHOOLS AID WHITE PLAGUE

Startling Death Rolls Revealed.

AMONG INDIANS

Beaten to death for theft of a prune

Indian elder recalls strapping of 15-year-old boy at Island residential school in 1938 by United Church minister.

MARK HUME
Vancouver Sun

A 15-year-old boy who stole a prune from a jar in the kitchen of a United Church residential school was strapped so relentlessly his kidneys failed him and he later died in bed, says a native Indian elder who was there at the time.

Archie Frank, now 68, was just 11 years old when his school mate, Albert Gray, was caught stealing in the

Ahoosat Residential School kitchen one night in 1938.

Frank, a retired commercial fisher, says he's never forgotten what happened to Gray, a husky youngster from the remote Vancouver Island community of Nininat.

"He got strapped to death," said Frank in an interview on Tuesday.

"Just for stealing one prune, [Rev. A.E.] Caldwell strapped him to death. "Beat the s--- right out of him."

Frank's story, told after a 57-year silence, crystallizes much of what the furor over residential schools is all about.

For the past year the RCMP has been probing a series of alleged abuses at church-run residential schools. So far

they have found evidence that 54 people were victims of abuse at the hands of 94 offenders. The investigation is concerned with 14 residential schools operated by the Anglican, United and Roman Catholic churches from the late 1800s to 1984.

The First United Church has come under scrutiny by the RCMP this week because of new allegations that two children were killed while at the residential school in the Port Alberni area in the 1940s and '50s.

Frank said Caldwell left Ahoosat after the residential school burned down in 1940 and went on to be principal of the United Church school in Port Alberni.

Please see SCHOOL, A2

Свидетельство очевидца об убийстве в школе-интернате Ахоусат, опубликованное в газете «Ванкувер Сан» от 20.12.1995.

Текст статьи:

«СМЕРТЬ ЗА КРАЖУ СЛИВЫ».

Воспоминания очевидца событий о том, как в 1938 году священник Объединенной церкви заперол пятнадцатилетнего подростка до смерти.

По словам пожилого индейца, пятнадцатилетнего мальчика, который своровал сливу из банки на кухне школы-интерната Объединенной церкви, выпороли так сильно, что у него отказали почки и через два дня подросток скончался прямо в своей постели.

Арчи Фрэнку было одиннадцать лет, когда его школьного товарища Альберта Грэя как-то вечером поймали на краже. Сейчас Фрэнку уже шестьдесят восемь, он зарабатывает на жизнь рыболовством. За все прожитые им с тех пор годы Фрэнк так и не смог позабыть о случившемся с Грэем, крепким юношей из далекого поселения Нитинат, что на острове Ванкувер.

«[Преподобный Альфред] Кальдвелл забил его до смерти только за то, что тот вытащил из банки сливу», — сообщил Фрэнк в интервью журналистам.

История, поведенная им миру спустя пятьдесят семь лет, многое облекает в форму. Становится понятным, из-за чего разгорелся переполох вокруг школ-интернатов.

За прошедший год полицейские расследовали ряд случаев о предполагаемом жестоком обращении с детьми в школах-интернатах, находившихся на попечении церкви. В ходе этих расследований были обнаружены доказательства того, что пятьдесят четыре ребенка стали жертвами девяносто четырех преступников. Расследование затрагивало непосредственно четырнадцать школ-интернатов, ведущих свою деятельность под руководством англиканской, Объединенной и римско-католической церквей, за период с начала XX века вплоть до 1984 года.

На этой неделе Первая Объединенная церковь попала под наблюдение полиции вследствие новых заявлений, согласно которым в 40-х и 50-х годах в школе-интернате Порт-Алберни были убиты еще двое детей.

По словам Фрэнка, Кальдвелл покинул Ахоусат в 1940 году, когда школа-интернат сгорела дотла, и вступил в должность директора школы Объединенной церкви в Порт-Алберни.

МАРК ХЬЮМ («ВАНКУВЕР САН»)

The Vancouver Sun

51 MINIMUM OUTSIDE LOWEST MAINLAND

THURSDAY, FEBRUARY 1, 1996

60 CENTS RETAIL, 75 CENTS COST PER COPY

15 Indian men seek millions for assaults

Rapes, beatings 30 years ago at Island residential school are the basis of a lawsuit against Ottawa, United Church.

MARK HUBB

A series of rapes and beatings that took place at St. Joseph's Residential School are the basis for the new lawsuit filed in Ottawa by 15 men against the United Church of Canada and the

government. The case, filed in Vancouver on Tuesday, claims emotional damages for a series of brutal physical and sexual assaults that took place at the Port Alberni Indian Residential School during the 1960s.

Vancouver lawyer Peter Grant said that he could not put a specific dollar figure to the claim, but believes it will become the biggest suit of its kind ever filed in Canada. "For every one of the victims the claim would be for a large amount of money. For all of them it would be massive," he

said. "We have 15 individuals here whose lives have been destroyed."

By way of comparison, Grant said that his clients would be seeking "a lot more" than the \$50 million former prime minister Brian Mulroney is seeking in a lawsuit against the federal government.

"I wonder what he would have asked for if he'd lost 20 years of his life," said Grant. "When you look at the pleadings in this case, the destruction to each of these people is immense. One of the

victims was beaten so much he became deaf. Most never finished school because of what happened to them. They've suffered the problems of alcohol, alcohol abuse, drug addiction.

One described today how he can't control his honesty when he's under stress, because of what happened to him. The suit follows the conviction last month of Arthur Henry Pitt, who was given 11 years in jail for a series of sexual assaults that took place 30 years ago at the Alberni residential school. Pitt, who was supervisor of the boys'

diaries at the school, repeatedly abused the children in his care.

The court heard that when some of the children complained to school officials, they were ostracized and beaten. When B.C. Supreme Court Justice Douglas Hoggarth heard the case, he said he was shocked. "I must say that I have never heard of this business since 1969 as a lawyer and primarily in criminal law. And I sit on the bench and I have never..."

Please see p. W5:1,11.

Fig. 22: First lawsuits by residential school survivors, February 1, 1996

Первый групповой иск, поданный теми, кто выжил после событий, произошедших в школе-интернате (*газета «Ванкувер Сан» от 01.02.1996*).

Текст статьи:

«ПЯТНАДЦАТЬ ИНДЕЙЦЕВ ТРЕБУЮТ КОМПЕНСАЦИИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЯ»

Основанием к подаче пятнадцати мужчинами группового иска против правительства, Объединенной церкви Канады и четырех должностных лиц послужил ряд изнасилований и избиений, рассказы о которых шокировали даже судью Верховного суда Британской Колумбии.

Согласно иску, поданному в Ванкувере во вторник, заявители требуют компенсации неопределенного ущерба, полученного в ходе жестокого насилия физического и сексуального характера, имевшего место в 60-х годах в школе-интернате для индейских детей в Порт-Алберни.

Адвокат Питер Грант утверждает, что не может оценить сумму ущерба в денежном эквиваленте, однако считает, что данное разбирательство станет наиболее крупным в истории Канады.

«Компенсация ущерба для каждой из жертв составит весьма большую сумму. А в общей совокупности она будет просто громадна. Речь идет о пятнадцати людях, жизнь которых совершенно разрушена», — сообщил он.

Пытаясь провести сравнение, Грант уточнил, что его клиенты требуют «куда большей» компенсации, нежели бывший премьер-министр Брайан Малруни по делу о клевете — а эта сумма составляла пятьдесят миллионов долларов.

«Не знаю, чего бы он требовал, если бы потерял тридцать лет жизни, — прокомментировал Грант. — На самом деле, ущерб, причиненный каждому из этих людей, просто огромен — об этом упоминается в заявлениях. К примеру, одного из них так жестоко избили, что он оглох. Большинству из них так и не удалось окончить школу. Более того, кто-то из них пережил развод, кто-то принялся злоупотреблять алкоголем, а кто-то стал наркоманом. Один из них даже не может контролировать деятельность собственного кишечника из-за того, что с ним произошло».

Следует упомянуть, что еще в прошлом марте был осужден Артур Генри Плинт — его приговорили к одиннадцати годам тюремного заключения за сексуальное насилие над детьми, осуществленное им тридцать лет назад в школе-интернате Алберни.

Плинт, надзиратель общих спален, регулярно насиловал детей, находившихся на его попечении. А если дети пытались пожаловаться кому-нибудь из служащих школы, их осмеивали и избивали.

По утверждениям судьи Верховного суда Дугласа Хогарта, его шокировало дело против Плинта: «Должен сказать, что я работаю адвокатом с 1950 года, и, в основном, моя деятельность протекает в области уголовного права, но я никогда не сталкивался с подобным».

МАРК ХЬЮМ («ВАНКУВЕР САН»)

RESIDENTIAL SCHOOL ABUSE

Nanaimo Daily News, Feb. 7, 1998

Former minister alleges officials killed students

By NELSON BENNETT

Daily News

Beatings and rape weren't the only crimes committed at the Port Alberni Indian Residential School, says a former United Church minister.

Kevin Annett, who was removed from the pulpit in 1955, says at least four children at the Alberni Residential School may have died under

at the Alberni residential school, which had been run by the United Church.

"All the visits I did in native homes, they all said the same thing," Annett said. "And they said even worse. They said that kids are buried out behind the Alberni school."

"I found it incredible. But I couldn't deny what people were telling me and what I was increasingly

"I found a 16-year-old native girl beaten to death, with no clothes on,"

HARRY WILSON

Maizie Shaw died in 1946 after being

"I found a 16-year-old native girl beaten to death, with no clothes on," Wilson said in a phone interview Sunday.

He said he told the principal. He was soon sent away to hospital in Nanaimo. He never did find out what happened to the girl.

Annett said the deaths have never been satisfactorily explained by either police, school or church officials, and he thinks he knows why.

Кевин Аннетт рассказывает об убийствах (газета «Нанаймо Дэйли Ньюз» от 07.02.1998).

Текст статьи:

«БЫВШИЙ СВЯЩЕННИК ОБВИНЯЕТ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В УБИЙСТВЕ УЧАЩИХСЯ»

По словам бывшего священника Объединенной церкви, в школе-интернате Порт-Алберни для индейских детей совершались не только избиения и изнасилования.

Кевин Аннетт, которого еще в 1995 году лишили права осуществлять деятельность проповедника, утверждает, что в школе-интернате Алберни — которой, к слову, руководила Объединенная церковь, — при подозрительных обстоятельствах, вероятно, умерло, по меньшей мере, четыре ребенка.

«Все индейцы, которых я посещал, говорят одно и то же, — утверждает Аннетт. — На самом деле, все обстоит гораздо хуже. Они рассказали и о том, что детей хоронили прямо за школой. Мне это казалось невыносимым, но и категорически отрицать полученную информацию я не могу».

Мэйси Шо погибла в 1946 году.

«Я нашел голую шестнадцатилетнюю индианку, забитую до смерти», — упомянул Гарри Уилсон в воскресенье, в ходе телефонной беседы.

По его словам, он тут же рассказал о случившемся директору. Однако вскоре его отправили в больницу в Нанаймо, и он так и не узнал, что было далее.

Согласно словам Аннетта, ни полиция, ни школа, ни служащие церкви так и не дали удовлетворительного объяснения происходившему, и ему кажется, что он знает, почему они так поступают.

Нельсон Беннетт («Дэйли Ньюс»)

INTERNATIONAL
HUMAN RIGHTS
ASSOCIATION OF AMERICAN MINORITIES

An International NGO in consultative Status (Observer) with the Economic and Social Council of the United Nations

Press Release

To: All Press and Media
Dateline: Woodinville, WA May 25, 1998
Contact: Diana Wynne James 425-483-9251

Subject: Murder and Atrocities Subject of Tribunal

International Human Rights experts from the International Human Rights Association of American Minorities (IHRAAM) have been asked to investigate murder and atrocities at United States and Canadian Residential Schools.

The International Human Rights Association of American Minorities Northwest Regional Office serves as a Liaison for the Indigenous Peoples of the Americas and is investigating the horrific and shocking allegations by eyewitnesses who have described a legacy of torture and murder at the Canadian Indian residential schools. Following two preliminary interviews with residential school survivors at Port Alberni and Vancouver, B.C., IHRAAM is in possession of approximately seven hours of emotionally charged videotaped testimony, letters of request for help and much written documentation supporting an in-depth investigation.

Invited tribunal jurists will include respected Tribal Elders and leaders from many Indigenous Nations of the Americas and certain others drawn from the non-native community of the United States and Canada. The NorthWest International Tribunal will convene from June 12 - 14, 1998 at the Maritime Labour Centre, 1880 Triumph Street, Vancouver, B.C.

Issues to be discussed are: Forced removal from traditional lands and waters, institutional racism, physical and psychological warfare, ethnocide and murder stemming from the residential school system supported by the government of Canada and the United Church of Canada, the Catholic Church and other churches, organizations and individuals involved with the operation of the residential schools across the United States, Canada and the Northwest Territories.

Пресс-релиз Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств (агентство ООН) в отношении трибунала по делу о канадских школах-интернатах (*июнь 1998 года*).

Текст статьи:

ПРЕСС-РЕЛИЗ

Кому: всем СМИ

Вудинвилль (штат Вашингтон) 25 мая 1998 года

Контактное лицо: Диана Уинн Джеймс

Тема: трибунал; убийства и жестокие преступления

«Экспертов из Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств попросили провести расследование убийств и жестоких преступлений в школах-интернатах США и Канады».

Северо-западный региональный офис Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств является посредником в работе с коренным населением Америки и занимается сбором сведений по ужасающим и шокирующим заявлениям очевидцев убийств и пыток, ранее происходивших в канадских школах-интернатах для индейских детей. Международная ассоциация провела две предварительные беседы с теми, кто уцелел после событий, происходивших в школах-интернатах Порт-Алберни и Ванкувера (провинция Британская Колумбия), и теперь в ее распоряжении находится около семи часов видеозаписей свидетельских показаний, письма с просьбами о помощи, а также документация, способствующая тщательному расследованию.

В ряды приглашенных юристов трибунала войдут уважаемые старейшины племени, лидеры коренных народов Америки, а также те, кто не является представителем коренного населения США и Канады. Созыв Северо-западного международного трибунала назначен на 12-14 июня 1998 года в Морском центре профсоюзов по адресу: Трайэмф Стрит, 1880, Ванкувер, Британская Колумбия.

Представленные к рассмотрению вопросы включают следующее: насильственное перемещение жителей с принадлежащих им земель; институциональный расизм; физическая и психологическая борьба; этноцид; убийства, источником которых является система школ-интернатов, поддерживаемых правительством и Объединенной церковью Канады, католической и иными церквями, а также различными организациями и отдельными людьми, вовлеченными в функционирование этих школ в США, Канаде и на Северо-Западных территориях.

Native kids 'used for experiments'

A church magazine says federal health tests were conducted in B.C. and Ontario residential schools in the 1940s and '50s.

SOUTHAM NEWS, VANCOUVER SUN
OTTAWA — The federal government conducted health experiments on First Nations children in residential schools in the late 1940s and early '50s, a church magazine has reported. One of the four residential schools was located in Port Alberni.

Native children were deliberately denied basic dental treatment at the United Church-run Port Alberni school and scientists also " tinkered " with the children's diets at other schools, the Angli-

can Journal reports. The government did not inform many of the parents of the research the government was conducting on their children.

In a letter on Oct. 3, 1949, Dr. H.K. Brown, chief of the dental health division of the federal health department, requested staff halt some dental treatments at the Port Alberni school, the Journal reports.

"No specialized, over-all type of dental service should be provided, such as the use of sodium flu-

oride, dental prophylaxis or even urea compounds," he wrote in his one-page letter. "In this study dental caries and gingivitis are both important factors in assessing nutritional status."

The Anglican Journal story quotes the doctor who headed the five-year research program, now a 90-year-old nursing-home resident.

"It was not a deliberate attempt to leave children to develop caries (tooth decay) except for a limited time or place or purpose, and only then to study the effects of vitamin C or fluoride," said Dr. I.R. Pett, former chief of the nutritional division of the health department.

Pett acknowledged that "parental consent was not always

obtained for those children involved in the study."

The revelation shocked George Erasmus, head of the Aboriginal Healing Foundation, which aids victims of residential-school abuse. He told the Journal the experiments were unknown to him.

The objective of the research at Indian residential school children was "to evolve methods for improving health, not only of the school children but of the whole population," Pett said in the story.

In dietary experiments, federal health officials supplied flour with added vitamins in 1949-50. Then the vitamin supplements were halted so the results could be studied.

Доказательства преступлений, о которых сообщалось в ходе работы трибунала Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств (*газета «Ванкувер Сан» от 26.04. 2000*).

Текст статьи:

«ИНДЕЙСКИХ ДЕТЕЙ ИСПОЛЬЗОВАЛИ В КАЧЕСТВЕ ПОДОПЫТНЫХ»

Согласно церковному журналу, в конце 40-х-начале 50-х годов в школах-интернатах Британской Колумбии и Онтарио федеральное правительство проводило медицинские эксперименты на индейских детях. Одна из таких школ-интернатов располагалась в Порт-Алберни.

По сообщениям журнала «Англикан Джорнал», в школе Порт-Алберни, руководимой Объединенной церковью, индейским детям нарочно отказывали в стоматологическом лечении, а в других школах ученые наспех, кое-как составляли для них диеты.

Многих родителей правительство вообще не информировало о том, что над их детьми проводятся эксперименты.

По сообщениям того же журнала, в письме от 03 октября 1949 года доктор Браун, глава стоматологического отделения федерального управления здравоохранения, потребовал прекратить некоторые виды стоматологического лечения в школе Порт-Алберни: «Необходимо предоставить детям общую стоматологическую помощь: использовать фторид натрия и карбамид, провести стоматологическую профилактику, — поясняет он в своем письме. — Зубной кариес и гингивит только указывают на состояние диеты».

«Англикан Джорнал Стори» цитирует врача, который в свое время руководил пятилетней исследовательской программой — сейчас ему девяносто лет, и проживает он в доме престарелых: «Мы заранее не планировали изучать воздействие витамина С и фтористых соединений только при наличии кариеса, разве что в тех случаях, когда перед нами стояли определенные условия либо наблюдались ограничения по времени», — сообщил доктор Петт, бывший глава диетологического отделения управления здравоохранения.

Петт также признал, что «далеко не в каждом случае было получено соответствующее согласие родителей».

Эта информация буквально шокировала Джорджа Эрасмуса, главу организации по оказанию помощи коренному населению, главной задачей которой является поддержка жертв жестокого обращения в школах-интернатах. Он рассказал журналу, что ничего не знал об экспериментах.

Цель эксперимента, проводимого на индейских детях-воспитанниках школ-интернатов, заключалась в «выявлении способов улучшить здоровье не только учащихся, но и всего населения», — пояснил Петт.

В ходе диетических экспериментов 1949-1950 годов федеральные чиновники также поставляли муку, смешанную с витаминами. Затем витаминные добавки изымались из муки с тем, чтобы можно было изучить результаты и сравнить показатели.

APPLICATION FOR ADMISSION

Sir,—

I hereby make application for admission of the undermentioned child into the Roger Beland Residential School; to remain therein for such term as the Department of Indian Affairs may deem proper, and I hereby consent that the principal or head teacher of the institution for the time being shall be the guardian of the said child, viz:—

Indian name of child _____
 English name Clarence Dick
 Age 12 yrs
 Name of Band Sturgeon Band
 No. of tickets under which child's family is paid _____
 Father's full name and No. Walter Dick
 Mother's full name and No. Agnes Dick
 Parents living or dead both living
 State of health good
 Religion Roman Catholic
 Speak English well yes
 Present state of schooling _____
 Previously attended Sturgeon Day School School for 3 years.
Walter X Dick
 Parent or Guardian

I hereby certify that the above application for admission has been read over and interpreted to the parent or applicant and that the contents were understood by him or her and that I witness his or her signature to this document.

I hereby approve of the admission of the above child and certify that he is eligible to be admitted as a grant-paying pupil.

Richard Andrew John Baker
 Signature of Witness

H. P. Pahan
 Head of Agency

*Principal or other official of the school must not sign as witness.

NOTE—All the above particulars must be fully given, especially the "Name of Band" "No. of tickets under which child's family is paid" and "Religion." The minimum age for admission is seven (7) years, except in the case of an orphan, destitute or orphaned child. When application is made for the admission of such cases, full particulars should accompany the application.

FORM 61 (0788)

Форма заявления на зачисление ребенка в интернат, лишившее индейцев права на опеку своих детей.

Текст статьи:

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ЗАЧИСЛЕНИЕ

Настоящим прошу зачислить упомянутого ниже ребенка в школу-интернат (название школы). Даю свое полное согласие на его пребывание в школе в течение срока, определенного департаментом по делам индейцев, а также передаю на это время опеку над ребенком директору заведения.

Индейское имя ребенка: _____
 Английское имя: _____
 Возраст: _____
 Название племени: _____
 Реквизиты: _____
 Имя отца: _____
 Имя матери: _____
 Живы ли родители: _____
 Состояние здоровья: _____
 Вероисповедание: _____
 Знание английского языка: _____
 Образование на настоящий момент: _____
 Предыдущая школа: _____ кол-во лет посещения _____

Подпись родителя либо опекуна

Настоящим подтверждаю, что заявление тщательное изучено и детали объяснены родителю либо опекуну, а также то, что он (она) понял(а) изложенное, и заверяю его (ее) подписью.

Настоящим утверждаю зачисление вышеупомянутого ребенка в интернат и подтверждаю его право на получение дотации на обучение.

Подпись свидетеля

Подпись суперинтенданта либо агента

* Директор и иные служащие школы не имеют права ставить подпись свидетеля.

ПРИМЕЧАНИЕ: Заявление должно быть заполнено подробно, особенно это касается граф: «Название племени», «Номер квитанции, по которой осуществляется ежегодная выплата за ребенка», «Вероисповедание». Минимальный возраст для зачисления составляет семь лет, за исключением тех случаев, когда речь идет о сироте либо брошенном ребенке. В таких случаях заявление должно также сопровождаться подробными деталями.

1933	SEXUAL STERILIZATION.	CHAP. 59
		
CHAPTER 59.		
An Act respecting Sexual Sterilization.		
[Assented to 7th April, 1933.]		
<p>HIS MAJESTY, by and with the advice and consent of the Legislative Assembly of the Province of British Columbia, enacts as follows:—</p>		
<p>1. This Act may be cited as the “Sexual Sterilization Act.”</p>	Short title.	
<p>2. In this Act, unless the context otherwise requires:—</p> <p>“Inmate” means a person who is a patient or in custody or under detention in an institution:</p> <p>“Institution” means any public hospital for insane as defined in section 2 of the “Mental Hospitals Act,” the Industrial Home for Girls maintained under the “Industrial Home for Girls Act,” and the <u>Industrial School</u> maintained under the “<u>Industrial School Act</u>”:</p> <p>“Superintendent,” in the case of a public hospital for insane, means the Medical Superintendent of that hospital, and, in the case of the Industrial Home for Girls or the Industrial School, means the Superintendent or other head thereof.</p>	Interpretation.	
<p>3. For the purposes of this Act, the Lieutenant-Governor in Council may from time to time appoint three persons, one of whom shall be a Judge of a Court of Record in the Province, one of whom shall be a psychiatrist, and one of whom shall be a person experienced in social-welfare work, who shall constitute a Board to be known as the “Board of Eugenics.”</p>	Board of Eug.	
<p>4. (1.) Where it appears to the Superintendent of any institution within the scope of this Act that any inmate of that institution, if discharged therefrom without being subjected to an operation for sexual sterilization, would be likely to beget or bear children who</p>	Recommendat Superintendent institution.	
199		

Закон о половой стерилизации, применение которого к коренному населению делало его представителей бесплодными (*Британская Колумбия, 1933 год*).

Текст статьи:

ГЛАВА 59.

ЗАКОН О ПОЛОВОЙ СТЕРИЛИЗАЦИИ, (ОДОБРЕН 7 АПРЕЛЯ 1933 ГОДА).

Его Величество, по рекомендации и с согласия законодательного собрания провинции Британская Колумбия, постановляет:

1. На данный закон (краткое наименование закона) можно ссылаться как на «Закон о половой стерилизации».
2. Толкование. В данном законе, если только контекст не требует иного:
 - Под «содержащимся лицом» подразумевается пациент либо заключенный, содержащийся в некоем учреждении.
 - Под «учреждением» подразумевается любая государственная психиатрическая больница, согласно определению второго раздела «Закона о психиатрических больницах», ремесленная школа для девочек, деятельность которой соответствует «Закону о ремесленных школах для девочек», и ремесленное училище, деятельность которого соответствует «Закону о ремесленном училище».
 - Под «суперинтендантом» в том случае, когда речь идет о государственной психиатрической больнице, подразумевается главный врач больницы, а в том случае, когда речь идет о ремесленной школе для девочек и ремесленном училище, подразумевается иной соответствующий руководитель.
3. О «Комиссии по евгенике». В контексте данного закона лейтенант-губернатор, представитель исполнительной власти, может время от времени назначать трех человек в состав «Комиссии по евгенике»: судью суда письменного производства провинции, психиатра, квалифицированного специалиста по социальной работе.
4. Рекомендации для суперинтенданта учреждения.
В том случае, если в рамках данного закона суперинтендант учреждения посчитает, что лицо, в нем содержавшееся, было выписано, не подвергнувшись соответствующей операции по половой стерилизации, и теперь способно иметь детей...

Members of the Friends and Relatives of the Disappeared stage a protest at the Metropolitan United Church at 56 Queen St. E. yesterday.

JACK HOLLAND/TORONTO STAR

Show us where dead buried, natives ask

They call it an "Aboriginal genocide."

The group Friends and Relatives of the Disappeared claim thousands of native children died or went missing after attending churches in Indian residential schools until they closed in 1996.

Some 15 Aboriginal supporters gathered outside the Metropolitan United Church at Queen St. E. yesterday demanding the church disclose to families where their sons are buried.

"We gave the United, Angli-

can and Catholic churches 30 days to respond and we haven't heard anything," said FRD organizer Kevin Annett.

"Some (native) chiefs across the country think that because the churches are responsible for so many deaths that they're evicting them off their land within 72 hours."

The schools, which opened in 1840, were a hotbed of physical and sexual abuse and illness. The average death rate was 30 to 60% at that time.

"A lot of the deaths happened because the church

employees were deliberately putting kids sick with influenza or tuberculosis with healthy children," Annett said.

The students were between 7 to 16 years old.

There are graves behind the schools in British Columbia and Mohawk Residential School in Brantford, claimed

Annett was that school house 51-year-old Doreen Silverman's late father survived.

"I remember my dad talking about being beaten for speaking his language," she said. "I remember running away from him in the dark. It's genocide. That violence passed onto his family."

At 11:30 a.m., five women from the FRD were asked by Rev. Malcolm Sinclair to leave the Metropolitan church after they unveiled a banner that claimed 50,000 children died at these schools.

"He said he didn't believe what we're saying happened, but the United Church people have previously acknowledged that there were deaths by beatings," said Carrie Lester, 48.

Annett said he's written to the prime minister but so far, no response.

But in 1990 the federal government apologized, citing "attitudes of racial and cultural superiority which led to a suppression of Aboriginal culture and values."

— Jenny Yuen

For more on this story, go to...
torontosun.com/video

(Вверху страницы)

Участники митинга — выжившие после событий, имевших место в школе-интернате (Торонто, 2008 год).

Текст статьи:

Члены организации «Друзья и родственники пропавших без вести» устроили митинг у Метропольной Объединенной церкви на Квин-стрит.

«КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТРЕБУЕТ ПОКАЗАТЬ ИМ, ГДЕ ПОХОРОНЕНЫ МЕРТВЫЕ».

Члены организации «Друзья и родственники пропавших без вести» утверждают, что вплоть до закрытия школ-интернатов для индейских детей в 1940 году погибли и пропали без вести тысячи маленьких индейцев, и говорят, что налицо «холокост индейцев».

У Метропольной Объединенной церкви на Квин-стрит собрались пятнадцать представителей коренного населения, требуя показать им, где похоронены мертвые.

«Мы дали Объединенной, англиканской и католической церквям тридцать дней, но они так и не предоставили нам ответа», — заявил организатор группы Кевин Аннетт.

«Некоторые вожди даже думают, что их изгоняют с собственных земель именно потому, что церкви ответственны за огромное количество смертей».

Школы, открывшиеся в 1840 году, являли собой очаги заболеваний и легализации жестокого обращения с детьми (как физического, так и сексуального характера). В ту пору средний уровень смертности колебался от тридцати до шестидесяти процентов.

По словам Аннетта, многие дети умерли из-за того, что служащие церкви держали ребят, больных гриппом и туберкулезом, вместе со здоровыми детьми. Возраст учащихся колебался от семи до шестнадцати лет.

По утверждениям Аннетта, на задворках школ Британской Колумбии и школы-интерната для индейцев-могавков в Брантфорде расположены могилы.

«Помню, папа рассказывал, как его били за то, что он говорил на родном языке, — вспоминал Дорин Сильверсмит о покойном отце. — Эти рассказы меня пугали. Это же геноцид! И наша семья всегда будет об этом помнить».

В половине двенадцатого утра преподобный Малькольм Синклер попросил пятерых женщин из организации «Друзья и родственники пропавших без вести» покинуть место у церкви после того, как те развернули транспарант с информацией о том, что в школах-интернатах погибло пятьдесят тысяч детей.

«Он сказал, что не верит в то, что такое могло произойти, однако Объединенная церковь уже признавала тот факт, что дети умирали от избиений», — отметила сорокавосемилетняя Кэрри Лестер.

Аннетт также упомянул о том, что отправил соответствующее письмо премьер-министру, но до сих пор не получил от него ответа.

Впрочем, еще в 1998 году федеральное правительство принесло свои извинения за «позиции превосходства в расовом и культурном отношении, которые привели к подавлению культуры и ценностей коренного населения».

Дженни Юэн

Native protest disrupts mass

RESIDENTIAL SCHOOLS: Churches accused of 'genocide' over TB deaths

BY KATE WEBB

The tens of non-Catholic Minn. sisters spilled on to the sidewalk outside Vancouver's Holy Rosary Cathedral yesterday after they were pushed out of mass by police for objecting to a statement read by the priest.

Ellen and Tatjana Dobrowolski did not intend for our article, and they made plans to attend the Easter Sunday mass at the cathedral without prior knowledge of scheduled native protests that were under way when they arrived.

The protest, one of several organized in recent months by a group called Friends and Relatives of the Disappeared, was to draw attention to alleged "genocides" that led to the deaths from tuberculosis of tens of thousands of native children in residential schools between the 1930s and 1970s.

More than a dozen Aboriginal protesters stood outside the cathedral holding drums and chanting "Sugar Shames" and loudly calling out parishioners "wauwauw."

French newspaper L'Avant carried out copies of an April 2007 newspaper article stating that for four decades after a Department of Indian Affairs warning was issued in 1937, residential schools had to offer to separate healthy children from those sick with TB.

"The resulting death toll, Avance claims, was more than 50,000 and amounted to 'genocide' by the Catholic, Anglican and United churches that run the schools.

"We want full disclosure from the church as to what happened, and we want the remains of the children brought to their homes and for justice to be done," said Ellen. "A lot of our experience is still alive."

Ellen Dobrowolski is escorted yesterday out of Holy Rosary Cathedral in downtown Vancouver after adding her voice to a protest about native residential schools.

"It was infuriating. Obviously, they can't deny what happened, and so they tried to discredit the protests."

— Ellen Dobrowolski, Minn. Catholic churchgoer

Behind the church, Rev. Glenn Schreier, the pastor of Holy Rosary, was delivering a message from Vancouver Archbishop Raymond Roussin that was reported at Easter masses throughout the Roman Catholic Archdiocese of Vancouver.

"Mr. Avance ... has spread false information and has been making negative allegations about genocide against natives for many years," Roussin's letter read.

The letter also said the Spanish Nation issued a statement last week saying Avance does not, as he claims, represent them.

That protest of Ellen and Tatjana Dobrowolski is staged up, uninvited, and address the issue in front of the entire congregation.

"I said, 'Excuse me ... discredited the truth,'" Ellen Dobrowolski said after being escorted out by police, who were on their appearance of a disturbance caused by the protest.

Dobrowolski admitted neither she nor her sister, who also made dispiriting remarks during the priest's statement, are affiliated with Avance's group, and that she takes First Nations studies at Simon Fraser University.

"It was infuriating," she said, adding her voice to a protest about native residential schools within their jurisdiction.

Schreier also said work on a national Indian Residential Schools Truth and Reconciliation Commission between church and state leaders is about to get under way, which will give those that suffered under the residential-school system a chance to submit their experiences.

Ellen called the disturbance caused by the two Minn. women "pretty aggressive ... not what we're about on Easter morning."

In the end of the French priest's message, Schreier said: "When you start using the word 'wauwauw,' you're telling a painful truth about the situation with the residential schools and a health crisis and you're recalling Vancouver's shared struggles in a new way."

Митингующие штурмуют католическую церковь (Ванкувер, 2008 год).

Текст статьи:

«МИТИНГ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОДРЫВАЕТ ПРИВЫЧНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ».

Школы-интернаты как свидетельства обвинений церкви в геноциде, осуществленном посредством заражения детей туберкулезом.

Эллен Добровольски выставили из собора Святого Розария в центре Ванкувера за то, что она поддержала митингующих, собравшихся, чтобы опротестовать действия работников школ-интернатов для индейских детей.

«Меня это привело в бешенство. Понятно, что они не могут отрицать произошедшего, и потому им ничего не остается, как дискредитировать митингующих», — говорит Эллен Добровольски, католичка-метиска, регулярно посещающая церковь.

В тот день весь тротуар у ванкуверского собора Святого Розария был окроплен слезами двух метисок, сестер-католичек — полицейские буквально выдернули их из толпы за то, что они выдвинули свои возражения против заявления священника.

Сестры Эллен и Татьяна Добровольски сообщили, что планировали посетить пасхальную мессу в соборе и ничего не знали о митинге коренного населения.

Митинг, организованный группой «Друзья и родственники пропавших без вести» — к слову, уже не первый за прошедшие месяцы — был направлен на то, чтобы привлечь внимание к предполагаемой «бактериологической войне», из-за которой в период с 1890-х по 1970-е годы в школах-интернатах погибли от туберкулеза десятки тысяч индейских детей.

У собора собралось более десятка митингующих, стучавших в барабаны, скандировавших: «Позор! Позор!» и громко называвших прихожан убийцами.

Организатор группы Кевин Аннетт раздавал копии газетной статьи от апреля 2007 года, в которой говорится о том, что в течение сорока лет после того, как в 1907 году вышло предостережение Департамента по делам индейцев, ни одна школа-интернат «не предприняла попыток содержать здоровых детей и детей, больных туберкулезом, отдельно друг от друга».

По утверждениям Аннетта, в результате умерло более пятидесяти тысяч детей, а значит, можно говорить о том, что руководившие школами мессах по всей англиканская и Объединенная церкви причастны к геноциду.

«Мы требуем справедливости: церковь должна предоставить нам полную информацию о произошедшем и дать нам возможность вернуть останки детей на родину, — заявил Аннетт. — Более того, стоит помнить: многие из преступников еще живы».

В то же самое время преподобный Гленн Дион, пастор собора Святого Розария, выступал в церкви с сообщением ванкуверского архиепископа Рэймонда Руссена. Впоследствии его повторили на пасхальных мессах по всей епархии архиепископа в Ванкувере: «Мистер Аннетт уже много лет занимается распространением ложной информации и делает голословные утверждения относительно геноцида против коренного населения».

В письме также упоминалось о том, что на прошлой неделе сквамиши заявили, что Аннетт не является их представителем, несмотря на то, что заявляет об этом, что и побудило Эллен и Татьяну Добровольски обратиться к преподобному перед всей паствой.

«Я сказала: „Простите, но дискредитация митингующих никак не влияет на истину“», — сообщила Эллен Добровольски после того, как полицейские, которые находились на месте в целях подавления возможных беспорядков, выпроводили ее из здания.

Добровольски заявила, что они с сестрой, которая, к слову, также делала пренебрежительные замечания во время речи священника, не имеют никакого отношения к группе Аннетта, и что сама она занимается изучением коренного населения в университете Саймона Фрейзера.

«Меня это просто привело в бешенство, — заметила она. — Понятно, что они не могут отрицать произошедшего, и потому им ничего не остается, как дискредитировать митингующих. А обвинять прихожан не имеет смысла — они лишь прислушиваются к тем, кому доверяют».

К сожалению, в тот день было невозможно связаться с Полом Шратцем, представителем епархии архиепископа Ванкувера, однако не так давно он написал в статье католической газеты Британской Колумбии следующее: «Католические епископы Ванкувера и Уайтхорса принесли свои извинения за правонарушения, совершенные в школах-интернатах, находившихся в их юрисдикции».

Шратц также упомянул о том, что вскоре начнет работать Комиссия по установлению истины и примирению между церковью и лидерами коренного населения, а значит, каждый, кто пострадал от системы школ-интернатов, сможет получить слово и поделиться своими переживаниями.

Дион заявил, что метиски, инициировавшие беспорядки, «вели себя довольно агрессивно», и что «их поведение не соответствовало настроению пасхальной мессы».

В отношении митингующих он отозвался следующим образом: «При использовании слова „убийство“ люди лишь частично обратились к истории школ-интернатов, вспомнили о критической ситуации в отношении здоровья учащихся и обратили все в конфликт, не имеющий к истине никакого отношения».

Multiple grave sites at residential schools revealed

By Jim Windle
VANCOUVER

Last Thursday, during a public ceremony and press conference, conducted outside the Indian Affairs building in downtown Vancouver, Kevin Annett revealed the specific locations of 28 mass grave sites he says contains remains of children who died within the walls of residential schools across Canada.

Annett (aka Eagles Strong Voice) is spokesperson for the grassroots group known as Friends and Relatives of the Disappeared (FRD) based out of the Vancouver area. FRD is demanding that the federal government and the Catholic, Anglican and United Churches of Canada open their records and reveal the locations of all of those who died within

the system many refer to as Canada's Secret Holocaust.

The group also wants brought to justice those directly involved in murders and gross abuses against Native children within the Residential School system between the mid 1800's and 1976 when the last residential school was closed. He has uncovered evidence that points to as many as 50,000 deaths and burials in Canada's attempt to exterminate Native culture, language and customs through forced assimilation.

The world media as well as United Nations agencies received the release Thursday although most of the mainstream news outlets seemed to ignore the revelation. Along with the released burial locations, was the announcement of the newly found

continued to page 5

Массовые захоронения обнаружены неподалеку от бывших школ-интернатов для индейских детей («Тека Ньюс», 2008 год).

Текст статьи:

«ОБНАРУЖЕНЫ МЕСТА МАССОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ»

В прошлый четверг, во время публичной церемонии и пресс-конференции, проводимой у стен департамента по делам индейцев в центре Ванкувера, Кевин Аннетт обнародовал информацию о двадцати восьми массовых захоронениях, содержащих останки детей, погибших в школах-интернатах Канады. Аннетт, известный также как Громкий Орлиный Голос, является представителем группы «Друзья и родственники пропавших без вести», располагающейся в Ванкувере. Эта организация требует от федерального правительства, а также католической, англиканской и Объединенной церковью раскрыть информацию и указать на места захоронения тех, кто погиб в ходе деятельности системы, которую многие именуют «Тайный канадский холокост».

Более того, представители группы требуют привлечь к ответственности тех, кто был непосредственно вовлечен в убийства и жестоко обращался с индейскими детьми в школах-интернатах с середины XIX века вплоть до 1976 года, когда закрылось последнее из этих учреждений. Аннетт обнаружил улики, указывающие на смерти пятидесяти тысяч детей, произошедшие в результате попыток правительства Канады истребить индейскую культуру, язык и обычаи посредством принудительной ассимиляции.

Мировые СМИ и агентства ООН ознакомились с пресс-релизом, однако, по всей видимости, основные новостные источники проигнорировали это известие.

Джим Уиндл

Массовые захоронения обнаружены неподалеку от бывших школ-интернатов для индейских детей («Тека Ньюс», 2008 год).

Текст статьи:

«ПЕРЕЧИСЛЕННЫ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ МЕСТА МАССОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ».

Члены группы, утверждающей о существовании массовых захоронений учащихся школ-интернатов, обнародовали список предполагаемых расположений могил и потребовали начать независимое расследование.

Кевин Аннетт, представитель группы «Друзья и родственники пропавших без вести», утверждает, что в двадцати восьми массовых захоронениях Канады находятся останки тысяч детей, и что этот список будет передан в ООН. Он включает в себя Порт-Алберни, Алерт Бэй и Мишн, однако до сих пор нет никаких доказательств того факта, что там располагаются могилы.

«Мы требуем провести независимое расследование, поскольку считаем, что им не должны заниматься ни правительство, ни церковь, которая руководила этими школами».

Сильвестр Грин, в свое время посещавший школу-интернат Объединенной церкви в Эдмонтоне, сообщил о том, что жестокий священник заставил его хоронить пятилетнего инуита в могиле, которая не имела никаких отметок.

«Вспоминать об этом довольно тяжело, — сказал он сквозь слезы. — Даже сейчас, когда мне уже шестьдесят четыре».

КРИСТЕН ТОМПСОН

Пикетирование продолжается.

Надпись на транспаранте:

«Более 50 тысяч погибших за 100 лет:
каждый ребенок заслуживает достойных похорон».

Глава 22

Интермедия: война глазами детей

Когда введет тебя Господь Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, и ты поразишь их, тогда предай их закланию, не вступиай с ними в союз и не щади их... Но поступиай с ними так: жертвенники их разрушь, столбы их сокруши, роци их вырубди, истуканоу их сожди огнем, ибо ты — представляешь народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь Бог твой, чтоб ты был собственным Его народом из всех народов, которые на Земле.

ВТОРОЗАКОНИЕ 7:1-2, 5-6

Никакими словами невозможно описать то, что творилось за теми каменными стенами. Весь ужас геноцида в канадских школах-интернатах заключался в том, что его мишенью были дети. Обратившись к кровавой мировой истории, вы вряд ли столкнетесь с каким-нибудь проектом, направленным на уничтожение одних только детей определенных народов. Даже нацисты не избирали их своей исключительной целью.

Впрочем, можно провести историческую параллель: еще византийские императоры приказывали насильно отнимать у покоренных властителей других земель детей и воспитывать тех, сообразно византийской культуре. А затем повзрослевших и «перепрограммированных» юношей отправляли обратно на родину, где они получали под управление колонию, оказывая, таким образом, службу империи.

Обе процедуры — что тогда, что сегодня — были направлены на достижение одного и того же результата. Иными словами, план срабатывал.

Вообще, слово «абориген» буквально означает представителя «не оригинальной, не первоначальной группы» — это «откло-

нение» многим народам навязали завоеватели (в основном, европейцы), которые попросту истребили большинство из них, а выживших лишили земель и повергли в нищету. Еще в XVI веке королева Елизавета I пыталась «приструнить» ирландцев; они оказались теми еще бунтарями. В большей степени английской короне повезло с Шотландией и другими областями, которые она разоряла, включая и Канаду.

Резюмируя философию империи, британский генерал Мейтленд в 1839 году высказал свое мнение в отношении того, что правление англичан «дикарями» сводится к тому, что они «проявляют к ним благодушие только после того, как зададут им хорошую трепку». И по сей день считается, что англичане и французы были весьма милостивы к коренному населению Канады, хотя на деле это едва ли действительно было так.

С уверенностью можно говорить о том, что «королевским» геноцидом в Канаде руководили христианские церкви, а королевская власть отвечала за его приведение в жизнь и укрывательство. Им удалось достичь своей цели по одной простой причине: процедуру геноцида несколько видоизменили иезуиты, сведущие в «промывании мозгов» молодежи. Более того, они приносили тайную клятву, которая давала им право на подрыв морали тех, кто не являлся католиком, и членов соответствующих общин, а также на пытки и убийства — и все это в защиту римской церкви и Папы Римского.

«Отдайте мне ребенка на семь лет, и он навсегда останется с нами», — хвалился основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола. И ведь он нисколько не преувеличивал!

В 1880-х епископ Поль Дюре, воспитанный иезуитами, разработал систему канадских школ-интернатов для индейских детей. Его методика отличалась простотой и бесчеловечностью: требовалось уничтожить всех потомственных вождей избранного народа, заменить их индейскими «вождями», обращенными в католичество (их следовало привезти из других областей), а также похитить и изолировать детей потомственных вождей с тем, чтобы навсегда прекратить продолжение аборигенных традиций.

«А когда дикари научатся цивилизованной жизни, — подчеркивал Дюре в своем письме в Ватикан от 1886 года, — а их дети освободятся от порочного влияния родителей, их можно будет использовать как угодно».

За идею Дюре крепко уцепились — даже протестантские церкви, не желавшие оставаться в стороне, вскоре усвоили пред-

ложенную им модель и несколько расширили ее: теперь речь шла обо всех индейских детях данной территории. Канадское правительство официально одобрило этот стратегический план в ноябре 1910 года на закрытом заседании в Оттаве, на котором присутствовали представители всех церквей, — налицо было некое подобие Ванзейской конференции.

Особая методика системы Дюре заключалась в массовом терроре и травмировании целых поколений детей, в результате которого следовало лишить их памяти, лояльности традициям и личности вообще. Правда, нигде не упоминалось о том, что кое-кто, возможно, даже лишится жизни.

Южноафриканский писатель Райан Малан, пытаясь разоблачиться в особенностях буров, заметил следующее: «Мы не можем примириться с тем, чего не понимаем». А колонизаторы вроде «евроканадцев» никогда не поймут самих себя, уже не говоря о тех народах, которые они завоевали. Просто все дело в том, что их культура основана на лжи, залегающей над широким полем смерти.

Глава 23

Январь 1996 года,
Ванкувер (Канада)

Мне казалось, что в начале того года, когда от меня ушла жена с детьми и я лишился средств к существованию, моя жизнь стала похожа на зону свободного огня: церковь и ее приспешники напали на меня со всех сторон. А устраивая мой развод, Объединенная церковь приступила к процессу исключения меня из церкви.

1 февраля 1996 года коренное население в лице пятнадцати человек, которые уцелели после событий, происходивших в школе-интернате Алберни, впервые подало групповой иск против Объединенной церкви. Стоит упомянуть, что со многими из них я в свое время работал.

Двумя днями позже служащие церкви решили окончательно лишить меня духовного сана. Кстати, одновременно с этим они помогли Энн устроить развод.

Сообщив мне в канун Рождества о своем желании развестись, однажды ночью Энн просто исчезла, забрав с собой дочерей. Я запаниковал, ведь я и понятия не имел, куда они делись. Однако утром, последовавшим за первой бессонной ночью, в дверь нашего жилища, предоставленного университетом, постучал молодой самодовольный судебный пристав — он передал мне документы на развод и передачу опеки.

Перед церковью маячила угроза судебного разбирательства по школам-интернатам; более того, им было известно о том, что я оказывал истцам поддержку, — так что они решили «добить» меня, причем как можно быстрее и бесчеловечнее (собственно, они признали это в ходе слушаний, связанных с лишением меня сана).

В тот день, когда у меня забрали детей, я испытывал одни мучения. Помню, как, проглядев документы, тихо сполз на пол нашей крошечной квартиры — меня ошарашили письменные показания родственников жены и любимых друзей, согласно которым я представал недееспособной личностью и ужасным отцом. Энн даже украла у меня мой личный дневник и сделала

копии кое-каких страниц, которые якобы «доказывали» то, что я «психически неуравновешен».

От меня требовалось отказаться от большей части имущества и передать опеку над Элинор и Клер — видеть их мне почти не разрешалось. В общем, Энн и ее союзники из церкви знали, куда бить.

Суд по семейным делам представлял собой сущий кошмар — передо мной предстала садистская порочная природа канадской судебной системы. Перед судом стояла та же цель, что и в дальнейшем, когда меня пытались лишиться сана: им требовалось публично уничтожить «неудобного» человека. Причем казалось, что для осуществления «казни» собрали свои силы самые разные слои общества.

К примеру, на той неделе, когда судья принимал решение насчет того, кто получит право опеки над детьми, Брайан Торп вместе со своим другом, журналистом Дугласом Тоддом ухитрился опубликовать в газете «Ванкувер Сан» статью, согласно которой у меня якобы наблюдалось «нарушение психики». А адвокат Энн встретился с Филом Спенсером (когда-то мы вместе с ним учились в семинарии), который в свое время подписал письмо, рекомендуемое уволить меня, и через него получил конфиденциальные церковные документы, которые смог предоставить в суде — согласно ним, церковь считала меня сумасшедшим.

У занятого судьи по семейным делам и в мыслях не было ставить эти церковные махинации под сомнение. В итоге в мгновение ока права на опекунство над Элинор и Клер передали Энн. Мне же выделили лишь восемь часов в неделю на встречи с дочерьми и приказали покинуть дом.

У меня будто вырвали сердце. Каждый мой новый день наполнялся болью. Но я старался держаться. Ради Клер и Элинор, ведь они были еще совсем малютками — семи и четырех лет от роду. Им и так приходилось нелегко, особенно с тех пор, как их мать стала водить компанию с другим мужчиной, Брайаном Аркеллом, и велела дочерям не рассказывать мне о нем.

Между прочим, как я узнал позже, в том, что касается бракоразводного процесса, Объединенная церковь понесла расходы в сумме около пятидесяти тысяч долларов, а ведь этого вполне хватило бы на то, чтобы еще двадцать лет оказывать поддержку моему обреченному хранилищу продуктов, которое церковь пыталась погубить, считая, что затраты на него чересчур высоки.

В общем, примерно в то время, как мне исполнилось сорок, начался самый неприятный период моей жизни. Я до сих пор не понимаю, как мне вообще удалось его пережить. Однако при каждой новой атаке во мне поднимались какие-то неизведанные силы, на которые не влияли ни мои страдания, ни происходящие события.

Создается такое впечатление, что, когда опускаешься на самое дно, начинаешь видеть все поразительно четко и обретаешь способность действовать, не страшаясь последствий, ведь терять-то уже нечего! Вероятно, подобную внутреннюю трансформацию можно сравнить с той, которую описал Десмонд Туту, говоря о тюремном заключении Нельсона Манделы и о его победе:

«Он попал в тюрьму молодым и гневливым. Но именно там он сумел набраться сил и расправить крылья».

Лишь по мере развития событий я понял, в чем смысл моих мучений.

Когда в феврале 1996 года против правительства и Объединенной церкви подали первый иск в отношении деятельности школ-интернатов, в газетах тут же появились отчаянные заявления служащих церкви, которые утверждали, будто бы ответственность за произошедшее несет одно лишь правительство. Правительство, в свою очередь, обвиняло церковь, правда, в довольно мягкой форме — они не пытались требовать никакого карательного правосудия. Вот только мои находки, которые я обнаружил на пыльных полках библиотеки Кернера, доказывали, что церковь попросту пыталась уйти от ответственности за совершенные преступления.

Однако было необходимо обнародовать информацию. Еще задолго до того, как меня изгнали из церкви, Брюс Гунн как-то сказал мне: «Все это похоже на романы Кафки — никакого смысла».

Но я, напротив, уже тогда понимал, что все очень даже логично. Ведь так и ведут себя виноватые. И именно мне предстояло возложить вину на тех, кто заслуживал наказания.

Вскоре после того, как на декабрьском митинге я познакомился с Харриэт Нахани — тогда она рассказывала прессе об убийстве Мэйси Шо — она пригласила меня к себе в гости в резервацию сквамишей. В своей грубой манере она решительно заявила, что я не должен сдаваться. Тогда-то она и попросила меня выступить в защиту ее народа и погибших детей.

— Наши раны не нужно залечивать, — сказала она. — Проблема не в нас, а в них.

Я с радостью ухватился за эту возможность развернуть борьбу. И тому было самое подходящее время, поскольку теперь, когда против церкви подали первый иск, выжившие жертвы могли бы подать еще тысячи исков. Используя микрофильмы университетской библиотеки, я принялся помогать выжившим и их адвокатам в составлении документов, согласно которым подтверждались факты их мучений в школах-интернатах.

Харриэт стала приглашать меня на первые собрания групп психологической поддержки тех, кто уцелел в ходе событий, происходивших в школах. Эти собрания, по большей части, происходили в трущобах в центре Ванкувера, в районе Ист-Сайд. Я и раньше здесь бывал: проходил стажировку в Первой Объединенной церкви. Казалось, узнав о моем изгнании из Объединенной церкви, индейцы только стали больше мне доверять — ведь они и сами были жертвами той же самой церкви.

Практически тотчас же выжившие жертвы попросили меня облечь их воспоминания в письменную форму и помочь им получить общественную поддержку — казалось, назревает столкновение Давида и Голиафа.

Конечно, я и раньше посещал собрания групп психологической поддержки в Порт-Алберни, но, по сравнению с тем временем, сейчас атмосфера была накалена до предела.

Многие индейцы в Канаде живут не в резервациях, а в более крупных населенных пунктах — там им приходится как-то выживать и бороться с возникающими затруднениями, поскольку они находятся на шестьдесят четвертом месте в мире по уровню жизни. Даже Тайланд занимает в этом списке более высокие позиции. На деле, положение индейцев куда хуже, чем положение жителей стран третьего мира. Вместе с тем, они резко контрастируют с окружающей действительностью, поскольку существуют в рамках и на виду состоятельного общества.

В Ванкувере индейцам-горожанам отказывают в каких бы то ни было льготах, в то время как индейцы, вожди и члены племенных советов, проживающие в резервациях, получают хоть какие-то пожертвования от федерального правительства (вероятно, из-за того, что те испытывают чувство вины).

От Харриэт Нахани я узнал, что в число индейцев, проживающих за пределами резерваций, — по крайней мере, тех, что живут на западном побережье, — входят потомки детей, учившихся в школах-интернатах, а также те, кто остался в живых

после тех событий. По умолчанию они и стали моими новыми прихожанами и самыми яркими сторонниками.

Те, с кем я непосредственно общался, проживали — или, скорее, пытались выжить — в убогих меблированных комнатах и дешевых гостиницах на Ист-Хэйстингс Стрит. Именно на этой почве и проросло движение, которое организовали мы с Харриэт Нахани. Оно стало источником дальнейших событий, в число которых также вошли скомканные «извинения» премьер-министра, которые он принес выжившим жертвам в июне 2008 года.

Индейцев, проживающих на Ист-Хэйстингс Стрит, игнорируют как собственные вожди, так и официальные организации по работе с коренным населением. Впрочем, деятельность последних зависит от поддержки правительства, и потому они весьма неохотно занимаются вопросами, которые в планы правительства не входят. В действительности, «организации по работе с индейцами» не только не помогали нам, но в дальнейшем вошли с нами в прямую конфронтацию.

Времена наступили не из легких. Однако я был полон энтузиазма. По сути, я стал защитником коренного населения: с шокирующих и исполненных страданий собраний, на которых взрослые мужчины и женщины рассказывали о том, как их мучили в школах-интернатах, я спешил обратно в университетскую библиотеку и искал документы, письма и отчеты, которые могли бы подтвердить слова безграмотных индейцев.

Я демонстрировал участникам группы психологической поддержки найденные документы. Я даже показал им копию заявления на зачисление в школу, которое были вынуждены подписать их родители. Я объяснил им, что все это время они злились не на тех: их родители ничего не могли поделать, поскольку заявление лишало их прав на опеку, которые переходили к директорам школ-интернатов.

Никто из них ничего об этом не знал. Они и понятия не имели, что причина их страданий — в канадском законодательстве и каких-то документах, а вовсе не в их родителях. Узнав об этом, одни принимались рыдать навзрыд, а другие просто стояли, не в силах вымолвить ни слова. У них с глаз будто упала пелена. Только тогда они смогли обнародовать информацию, назвать имена обидчиков и приступить к активным действиям.

В тот день я понял, что моя работа может оказать большое влияние на жизни выживших жертв. Одна эта мысль буквально

но поразила меня. Несмотря на то, что многих из них пугали поиски правды, теперь они набрались сил и могли высказаться, поскольку обладали определенным знанием.

Наблюдая за тем, как рушатся стены страха и молчания, я понял, что не просто отстаиваю их права, а заново обретаю смысл жизни. Работа с индейцами поддерживала во мне огонь, как и те редкие, но радостные мгновения, которые мне удавалось провести с дочерью.

Вот только боль, сопутствовавшую происходящему, было весьма сложно вынести. Мои потери и тяготы собственной жизни только усиливались, когда я в ужасе понимал, что сотворили мой народ и моя культура. Это осознание лишило меня всякого желания возвращаться к удобствам социокультурной среды.

Спустя несколько десятков лет, в течение которых я выдавал себя за «радикально» настроенную личность, я, наконец, занялся тем, что имело большое значение. Впрочем, из-за своих взглядов я мог попросту погибнуть. Мои предыдущие мятежные действия, по сути, позволяли мне оставаться в рамках существующего положения вещей. А теперь собственные страдания, вызванные изгнанием из церкви, потерей семьи и лишением средств к существованию, привели меня к тому, что я отстранился от комфортных традиций западной цивилизации.

С тех самых пор я ощущаю, будто плыву по течению истории и никак нигде не могу пришвартоваться. Ответы, которые раньше меня устраивали, теперь попросту будто канули в Лету. Впрочем, еще долгое время я думал об их исчезновении, а не о том, что оно мне принесло.

Позже, когда страсти улягутся, мой мир обретет небывалую ясность, и, больше не сожалея об утраченном, я пойму, где нахожусь на самом деле, и радушно приму свое второе рождение, которым я обязан тем переменам, что произошли, когда незнакомцы показали мне новый мир.

Несомненно, именно из-за моей чрезвычайной активности, общественного положения и отказа подчиниться в 1996 году церковь посвятила себя моему полному уничтожению, что в итоге вылилось в лишение меня сана.

Причина была вполне очевидна. Могу себе вообразить полчища индейцев, подающих иски, которые в ночных кошмарах преследуют служащих Объединенной церкви и их адвокатов. Еще в феврале того года, через два дня после того, как выжив-

шие жертвы подали свой иск, несколько человек, организовавших мое увольнение, решили публично лишить меня духовного сана, а в августе было положено начало этому фарсу.

Частично это произошло еще и потому, что я отказался содействовать собственному уничтожению и потребовал объяснить мне, за что меня уволили и в чем, собственно, меня обвиняют. Это привело их в замешательство, поскольку мой проступок заключался, единственно, в том, что я привлек внимание к церковным преступлениям. А так как они не могли этого признать, им оставалось только представить меня неуравновешенным мятежником.

Нападки адвокатов и журналистов в чем-то похожи на отточенные действия головорезов, которые, избивая, никогда не оставляют на теле жертвы никаких следов. Когда о вас сочиняют возмутительные истории и публично представляют вас неуравновешенным и озлобленным, когда вы видите, как из-за этого от вас отворачиваются друзья и даже родственники, тогда ваша душа мучается, а от этих страданий уже почти невозможно оправиться.

Я осознал, что это представляет собой элементарный способ борьбы с мятежниками. А поскольку в глазах церкви я, действительно, являлся не кем иным, как «террористом», она обратилась к своей истории борьбы с повстанцами, которую ведет еще со времен инквизиции. Гениальная особенность этой борьбы заключается не в прямом противостоянии повстанцу, а, скорее, в промывании мозгов общества посредством вмешательства СМИ, после чего к мятежнику попросту поворачиваются спиной, и он остается непризнанным и, по сути, невидимым.

То, как ведет себя с инакомыслящими любая организация, включая и церковь, я свел к следующей формуле из трех компонентов: отрицание, отвлечение и дискредитация. Разбирая эту формулу на примере моего случая, можно сказать, что служащие церкви отринули подлинные причины моего увольнения, отвлекли общество ложными сведениями обо мне и о моей работе, а также дискредитировали меня в глазах тех, кто мог прийти ко мне на помощь.

Объединенной церкви было недостаточно лишить меня должности и профессии, свести к нулю годы моей работы в долине Алберни и разрушить надежды и жизни сотен представителей коренного населения, которые посещали мою церковь.

Ей было мало развалить мою семью и финансировать переезд моих детей. Нет, церковь еще настояла на моем публичном унижении и поставила меня в такое положение, в котором каждый желающий мог забросать меня камнями и выразить свое презрение по отношению ко мне.

Уолт Уитмен однажды заметил: «И мы признаем великолепие победы? Так-то оно так, вот только мне кажется, когда ничего уже не поделать, великолепно и поражение. Более того, свое великолепие есть и в смерти, и в смятении».

В действительности, действия церкви возымели обратный эффект, поскольку я неожиданно оказался в таком положении, откуда меня мог видеть весь мир, — теперь все кружилось вокруг меня.

Стоит упомянуть, что в ту пору меня как никогда задела за живое жизнь и смерть моего предка Питера Аннетта — этот пожилой ученый и памфлетист еще в 1769 году вызвал раздражение Церкви Англии своими «бунтарскими» сомнениями относительно Библии и авторитета церкви. В результате его арестовали и заковали в кандалы, заставив сидеть у лондонской тюрьмы Ньюгейт. Впрочем, Питер, как и я, оставил свой след в истории благодаря своим мучениям.

Настало время отринуть оковы и выпустить заключенных наружу. Но как это осуществить?

Глава 24

1997 год, Ванкувер (Канада)

Подвергнутый нападкам и лишению сана, переживший развод Кевин Аннетт закалился и сблизился с теми, с кем ему было предназначено сблизиться.

На протяжении долгих месяцев, в течение которых велось слушание, проходившее в Объединенной церкви святого Иоанна, с подачи Ассоциации Объединенной церкви в Британской Колумбии, Харриэт Нахани не отходила от стен этого здания. Она неустанно расхаживала перед входом туда-сюда с самодельным транспарантом «504 года геноцида: знакома ли Объединенная церковь с таким понятием, как справедливость?»

Джон Джессиман и Брайан Торп, встречая ее, каждый раз старались побыстрее проскочить мимо, опустив головы, будто Харриэт была попрошайкой. В церкви вершилась инквизиция, и ни Джессиман, ни Торп ни разу не удосужились хоть как-то отреагировать на ее транспарант и методично выкрикиваемые фразы типа: «Я лично видела, как в вашей школе-интернате убили Мэйси Шо». Однако Нахани не сдавалась.

Всякий раз, когда выдвигаемые против Кевина Аннетта обвинения становились нелепыми до сюрреалистичности, он выглядывал из окна — Харриэт по-прежнему расхаживала перед зданием, и у Кевина появлялись силы.

В тот день, когда Брюс Гунн и Кевин Аннетт покинули зал суда, попирающего справедливость, именно Харриэт приветствовала их. Безусловно, пожилую женщину отделяли от этих мужчин опыт и культура, однако в ее уставшем лице они смогли разглядеть понимание.

— Вы, наверное, думаете, что им это сойдет с рук, но уверяю вас: выйдет иначе, — тихонько шептала Кевину Харриэт. — Лично я уже пятьдесят лет жду, когда же, наконец, восторжествует справедливость! Может, и вам предстоит долгий путь. Главное, вы только не сдавайтесь — многие рассчитывают на вас!

Будто бы для подкрепления своих слов летом 1997 года, после того как Кевина лишили сана, Харриэт предложила ему орга-

низовать Группу справедливости — движение, цель которого — привлечь к ответственности церкви, причастные к убийствам в школах-интернатах.

Осенью 1997 года, в ходе еженедельных заседаний и собраний групп поддержки в Ванкувере, Харриэт и Кевин сплотили тех, кто выжил после событий, произошедших в школах-интернатах. Ранее в Канаде никогда не происходило ничего подобного. Уникальностью отличались не только собрания, но и сам посыл Группы: система, спланировавшая и осуществившая преступление, никогда не сможет восстановить справедливость и помочь жертвам — выжившие и их союзники должны были самостоятельно этого добиться.

Естественно, деятельность Харриэт, Кевина и их небольшого партизанского отряда привела к прямому столкновению с политиками-индейцами, которым система, несущая ответственность за преступления, предоставила возможность жить в достатке. Ранее самозванцы-руководители Ассамблеи коренного населения (Харриэт, впрочем, любила повторять, что ее следовало бы назвать Ассамблеей осады коренного населения) пришли к выводу, что на разговорах об убийствах, стерилизации и педофилии, процветавших в школах-интернатах, денег не сделаешь, особенно если учесть тот факт, что те же самые политики, в той или иной степени, были замешаны в этих преступлениях. Однако по мере появления новых исков они выползли, что называется, из всех щелей, как только Группа справедливости начала свою работу.

К тому времени, как летом 1998 года деятельность Группы справедливости, в конечном счете, пробудила к жизни трибунал Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств, политически мотивированные руководители работали сверхурочно, лишь бы подорвать работу Группы (кстати, в итоге им это удалось) и предать имена Харриэт и Кевина забвению и хуле.

Ведь именно благодаря собраниям Группы и ее погубленным членам мир узнал об ужасных событиях, произошедших в школах-интернатах (читай: лагерях смерти).

Чрезмерному размаху происходившего соответствовали разве что зверские события прошлого: детей подвергали электрошоку и групповым изнасилованиям, унижали, секли, били и морили голодом, пока те не умирали. Их даже отдавали на воспитание состоятельным педофилам — и все это под прикрытием полиции. Общество и раньше сталкивалось с подобным, правда,

это происходило в Индии, Бангладеш и Юго-Восточной Азии. Но чтобы в Канаде!

Перечень злодеяний подтверждался отчетами и материалами, найденными Кевином, которые он использовал в своей докторской диссертации, обучаясь в Университете Британской Колумбии. Впрочем, церкви и правительство по-прежнему утверждали, что дело построено исключительно на догадках и сфабрикованных сплетнях и слухах. Однако главным свидетелем, по сути, оставалась сама церковь.

Было неудивительно, что служащие Объединенной церкви «зарубили» университетские исследования Кевина — примерно в то же время (в 1996–1997 годах) они отлучили его от церкви и всячески содействовали разрушению его семьи. Церковь не только не могла позволить Кевину продолжить свои проповеди, она не могла также дать ему возможность получить престижную докторскую степень.

Кевин Аннетт и выжившие жертвы школ-интернатов представляли собой чудовищное сочетание. Это стало куда более очевидно в начале 1998 года, когда Группа справедливости принялась устраивать публичные собрания, на которых требовала привлечь к суду церкви и правительство за зверства, в свое время происходившие в школах-интернатах.

В ту пору особенно очевидным стало отсутствие нормального руководства среди индейских племен, поскольку все деньги переходили вождям и представителям племенных советов, которые жили в роскоши, в то время как их народу почти ничего не доставалось. Куда хуже приходилось тем индейцам, которые покинули резервации.

По иронии судьбы, это только сыграло на руку Харриэт и Кевину. Поскольку у большинства индейцев (в особенности у жертв событий, происходивших в школах-интернатах) не было лидеров, которые могли бы встать на их защиту, они горячо откликнулись на деятельность Группы Харриэт и Кевина. Именно благодаря этому в начале 1998 года Группа справедливости превратилась из простой группы психологической поддержки в кампанию по борьбе с церковью и государством.

А для достижения цели было необходимо сместить точку опоры за пределы колониальной юрисдикции Канады. В общем, актив группы начал планировать созыв I Международного Трибунала по вопросам геноцида под названием «Христианская Канада».

Глава 25

Февраль 1998 года, Ванкувер,
район Ист-Сайд (Канада)

*Эд, ты — хороший англиканец, и потому у тебя
будет много детей, а я стерилизую только язычников.*

*ДЖОРДЖ ДАРБИ-СТАРШИЙ,
врач-миссионер Объединенной церкви —
в письме к Эду Мартину, представителю
индейцев хейлуик (Белла-Белла, Британ-
ская Колумбия, июнь 1952 года)*

— Налицо нарушение международного права, — сообщила мне Диана Джеймс после того, как побеседовала с очевидцами событий, происходивших в школах-интернатах. Мы с Харриэт Нахани пригласили ее с мужем Руди в Ванкувер как представителей Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств (агентства ООН).

— Речь идет не просто о неких «травмах», а о преступлении против человечества. Почему же это не предадут огласке? — спросила Диана Джеймс.

— И, правда, почему? — поинтересовался я.

— И давно это происходит? — спросил Руди Джеймс, глядя на Харриэт Нахани, молча стоявшую рядом со мной.

— Думаю, около ста пятидесяти лет.

— Что ж, мы немедленно порекомендуем ассоциации провести в Ванкувере трибунал. Думаю, к июню он начнет свою работу.

Глава 26

Апрель 1987 года, штат Чьяпас
(Южная Мексика)

Весной 1987 года студент ванкуверской семинарии Кевин Аннетт осознает, что куда больше осведомлен о событиях, случившихся за тысячи километров, нежели о том, что происходит за пару кварталов от него. В ходе своей деятельности в Первой Объединенной церкви он только-только начал работать с коренным населением на Ист-Хэйстингс Стрит — ему еще неизвестно, что из себя представляют эти люди и чему их подверг его собственный народ.

Любопытно, но как раз в этот период Кевина Аннетта просят принять участие в «следственной поездке» в лагеря беженцев маяя в Южной Мексике, которая финансировалась церковной «программой помощи».

Жестокая реальность, с которой он сталкивается в лагерях, убеждает его в том, что он ничего не может сделать для гватемальских индейцев, поскольку он не говорит на их языке, да и оставаться среди них не горит желанием. В Южной Мексике он ощущает себя не в своей тарелке — спокойный сторонник прогресса, у которого в кармане обратный билет в Канаду.

Однако что-то в жизни и характере беженцев маяя пробуждает в нем стремление и потребность обратиться к коренному населению своей страны.

По прибытии в Мексику он не испытывал таких чувств. Как-то выжив в невыносимых условиях загрязненной атмосферы Мехико, вместе с пятерыми канадцами он оказался в джунглях Чьяпаса, вдыхающим влагу девственного леса. В постоянно ломающемся автобусе они ехали по пыльным горным дорогам и поднимались к снежным вершинам, пока не добрались до южной равнины, окаймляющей Гватемалу: жаркой сухой полупустыни, которой предстояло развеять все предположения Кевина. Спустя несколько дней они прибыли в лагерь беженцев под названием «Новая надежда», где проживало более трех тысяч человек.

Несмотря на название лагеря, Кевин поначалу не усмотрел здесь никаких надежд на будущее. Проводником оказывался бывший католический священник по имени Фидель — в свое время его исключили из церкви за то, что он противодействовал местным землевладельцам, призывая в проповедях повысить зарплату труженикам полей. Теперь он выполняет обязанности священника у беженцев и работает с иностранными следственными миссиями.

За голову Фиделя назначена довольно большая цена — как и ожидалось, через два года его застрелил вооруженный служащий одного из землевладельцев. Фидель был чистосердечным человеком, и, как окажется позднее, он указал путь молодому канадцу.

Когда канадцы подошли к лагерю и сообщили о том, что надеются как-то помочь беженцам, под густой бородой Фиделя мелькнула улыбка, и он сказал через переводчика: «У вас ничего не выйдет. А если вы поймете, что ничего не можете сделать, то сумеете кое-чему здесь научиться».

Сначала эти слова задели гостей за живое, но вскоре канадцы осознали их истинность.

— *В этой области Мексики сооружено куда больше гидроэлектростанций, нежели в любом другом регионе страны, но никто из нас не пользуется электроэнергией. Здесь также выращивается намного больше кукурузы, чем в остальных штатах, однако здешние дети голодают. Система по-прежнему истребляет индейцев, и все по той же причине — она стремится нажиться на их землях.*

Автобус с канадцами покатился дальше, пока не остановился в конце грунтовой дороги. Пассажиры вышли. Сквозь щели бамбуковых лачуг и шатких заборов их рассматривали малыши. Поняв, что незнакомцы их тоже заметили, дети стали прятаться. Фидель, указывая на них, пояснил:

— *Гватемальская армия погубила их родителей. Некоторые из них даже стали свидетелями того, как их отцов и матерей до смерти забил мачете. Мы стараемся помочь им выжить, но проблема заключается не только в недостатке пищи. Дело даже не в том, что ежемесячно от различных заболеваний умирает большие сотни детей. Их сдают изнутри душевные травмы. В отсутствие цели в жизни, в отсутствие собственного языка и культуры они попросту умрут, один за другим, может, здесь, а может, и в городе.*

Мужчины и женщины потихоньку стекались к новоприбывшим. Завидев Фиделя, они расплывались в улыбках и принима-

лись говорить на киче и мам — своих родных языках. Кто-то переводил это на испанский. Даже дети потянулись к гостям, а один голый малыш с выпирающим животиком, покрытый полчищами мух, не мог отвести от Кевина своих огромных и любопытных карих глаз. Пока гостей водили по лагерю, он неустанно повсюду следовал за ними.

Гордость и отрада беженцев — крохотное здание школы с одной-единственной комнатой, где выживших детей пытались учить индейским языкам и культуре. У маленьких школьников не было ни карандашей, ни блокнотов. Да и в самой классной комнате отсутствовала даже доска — там был лишь ничем не покрытый грязный пол. Что-то более сильное, нежели смерть, пыталось обрести новую жизнь в этих, едва удерживающихся на ногах, детях.

— Деньги нам не нужны, — поясняет пожилая жительница поселения. — Они не вернут нам земель и не залечат наши раны. Да наши руководители — самые бедные среди нас, потому что оказывают служение окружающим, забывая о себе. Им, да и каждому из нас, известно, что мы либо выживем вместе, либо умрем вместе. Наше будущее — в детях и в том, насколько хорошо они усвоят знания о своей истинной природе и причинах, по которым Создатель привел нас сюда. Если же они об этом позабудут, то у них нет будущего.

Словно для того, чтобы чем-то подкрепить свои слова, она провела иностранцев в тростниковую хибарку. Внутри, на ветхом столике, была приготовлена еда: тортильи и черная фасоль. Поначалу Кевину показалось, что голодающих детей накормят первыми, но за стол пригласили посетителей из Канады — как почетным гостям, им первым было положено отведать пищу.

Окинув взглядом множество голодных детей, стоящих снаряжи, Кевин машинально протянул им свою тарелку, но Фидель удержал его и покачал головой. Одного прикосновения было достаточно, чтобы Кевин сел обратно за стол, рядом с остальными — упитанными американцами.

Мало того, что перед ними находилась вся еда беженцев, так еще и с края каждой тарелки лежало немного яичницы-болтуньи. А ведь на весь лагерь имелась лишь пара тощих кур!

Фидель тщательно наблюдал за Кевином — он будто проводил некий эксперимент. Вероятно, почувствовав, о чем думает Кевин, Фидель кивнул ему и сообщил: «Да, больше у беженцев нет яиц. Уж такова их традиция — отдавать незнакомцам лучшее».

Не в силах отвести взгляда от стола, Кевин ощутил на себе взгляды окружающих. Тогда он взял вилку и принялся за еду, прекрасно понимая, что детям есть уже будет нечего.

«Мы каждый день живем за их счет», — напишет он позднее. Конечно, богатым американцам не хочется смотреть в глаза столь жестокой правде, однако ситуация была очевидной.

Впрочем, случилось и еще кое-что: в Кевине произошли определенные перемены.

Фидель прекрасно понимал, что происходит, и это доставляло ему безмерное удовольствие. Отобедав, все перешли в небольшую ветхую церковь, в которой ежедневно служат мессу для беженцев. Люди принялись молиться. Фидель, словно чеширский кот, расплылся в улыбке, исполненный радости и причастности к происходящему, надеждой на которое сияли глаза каждого беженца, включая слабых и маленьких детей.

Простая радость и ощущение причастности к происходящему.

Пока Кевин глядел на деревянное распятие, на него вдруг снизошла необъяснимая ясность происходящего. Даже если общепринятые принципы привели кого-то к таким страданиям, последнее слово все равно за любовью. Вот только в Северной Америке все происходит иначе: там откормленные и виновные живут в достатке.

Любовь, которую Кевин ощущает среди беженцев, дает ему понять, что на деле он куда беднее, нежели они. Разве в его мире люди работают и умирают друг за друга? Да и кто из известных ему «радикалов» и людей, постоянно посещающих церковь в Ванкувере, стал бы работать бесплатно, денно и нощно тратя свои силы на ближних?

Самопожертвование беженцев майя естественно — их никто этому не учил. Их любовь похожа на водопад, орошающий благодарную иссохшую почву и возрождающий каждого к жизни. Когда-то каждый — даже его люди — мог приложиться к этому источнику. Но нечто ужасное иссушило его, и теперь люди жаждали того, чего не могли получить извне.

Кевин ощутил, что, по сути, это он сам, а не беженцы, испытывает голод. Что-то заставило его сесть у ног этих благородных и праведных людей.

Именно здесь слова Иисуса о том, что первые будут последними, о том, что голодные благословенны, впервые обрели для него смысл. Чудеса действительно существуют, но они не имеют ничего общего ни со словами, ни с обычаями, ни даже с христианством.

Кевин понимал, что вдали от этих людей ему никогда более не удастся ощутить столь чистую любовь в действии и ощутить дух общества, где заботливо чтят каждого. Мысль о том, что нужно возвращаться домой, привела его в отчаяние.

Должно быть, Фидель ощутил это беспокойство Кевина — он не сводил с него своих темно-карих глаз в течение всей поездки по направлению к Сан-Кристобалю. Он даже шутливо рассказывал о том, как его отлучили от церкви за то, что индейцы обратили его в подлинное христианство.

Годы спустя, когда Кевину пришлось пережить практически то же самое, он понял, что слова Фиделя были предназначены именно ему. Фидель понимал, что Кевин готовился стать священником и что однажды ему тоже придется сделать выбор между Христом и церковью.

Когда они расставались, Фидель взял Кевина за руку и сказал: «Если тебя будут обуревать сомнения, отправляйся к самому голодному ребенку, какого знаешь, и спроси его, что тебе делать».

Глава 27

12 июня 1998 года, Ванкувер,
район Ист-Сайд (Канада)

Индеец Билл Сьюард, проживающий в Нанаймо, рассказывает о том, как монахиня школы-интерната на острове Купер выкинула его шестилетнюю дочь Мэгги из окна, что повлекло за собой смерть девочки:

— Нам даже к адвокату обратиться не разрешили, — утверждает Сьюард. — Полицейские пригрозили нам расправой, если мы кому-нибудь расскажем об этом. Дело попросту замяли.

Жительница острова Ванкувер и представительница племени ковичан Сара Модесте рассказывает о том, что доктор Джеймс Гудбрэнд весной 1953 года в Дункане (провинция Британская Колумбия) стерилизовал ее против ее воли:

— Он сказал, что из-за того, что я вышла замуж за Фрэдди, потомственного вождя, мне придется сделать операцию. Я пыталась сбежать, но меня к нему привели полицейские. С тех пор я не могла иметь детей. Гудбрэнд так поступил со многими нашими женщинами. Позднее он рассказал мне, что в Департаменте по делам индейцев ему выплачивали по триста долларов за каждую такую операцию.

Сара, Билл и десятки выживших в ходе тех ужасных событий собрались перед комиссией, большую часть которой составляют представители коренного населения. В зале нет ни одного журналиста, хотя СМИ были приглашены для освещения этого события. Пожилые индейцы принесли с собой орлиные перья, зубровку и шалфей — они готовы окурить рассказчиков и помочь им преодолеть страдания.

Провозглашается открытие первого в истории Канады Международного трибунала по делу о школах-интернатах для индейских детей. В зале присутствуют двенадцать судей, трое наблюдателей из ООН, а также Кевин Аннетт.

Рассказы очевидцев зверских событий не ограничиваются прошлым. Шестеро из них рассказывают о том, что и по сей день

в северной части Британской Колумбии процветает педофилия и торговля наркотиками, за которую ответственны индейские вожди, получающие финансирование от правительства. Эти же люди в свое время втайне подписали договоры с такими добывающими компаниями, как «Алкан» и «Северо-американский союз по водопользованию и энергетике», и заставили свой народ покинуть исконные земли.

Кевин Аннетт сообщает трибуналу:

«Существуют письменные доказательства того факта, что в 30-х годах XX века — а может, и ранее — представители конной полиции назначали на должность полицейских по делам несовершеннолетних. Они буквально отбирали детей у родителей и передавали их под опеку школ-интернатов, вроде той, что находилась в Порт-Алберни. Именно они ловили беглецов, хоронили детей, убитых в школах, и подделывали свидетельства о смерти. Конные полицейские и по сей день продолжают безнаказанно осуществлять подобную деятельность. Так что канадская конная полиция не способна беспристрастно расследовать преступления, совершенные в школах-интернатах, поскольку сама в них замешана».

В течение трех дней около сотни человек, выживших в ходе событий, случившихся в церковных школах-интернатах, описывают правонарушения, которые определяются Конвенцией ООН как проявления геноцида (соответствующая декларация 1948 года была одобрена правительством Канады в 1952 году).

Задача трибунала заключается в допросе очевидцев, протоколировании их показаний и передаче отчета и рекомендаций в Международную ассоциацию по правам человека среди американских меньшинств и ООН. В отчет будет входить вопрос о виновности Канады и канадских церквей в совершении преступлений против человечества.

Председатель трибунала — представитель Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств Руди Джеймс. Ему уже почти шестьдесят лет; он принадлежит к тлинкитам — народности племени, населяющего Аляску. Сре-

ди судей трибунала пожилые индейцы, представляющие девять племен Северной Америки. Кевин Аннетт выполняет на этом заседании официальные функции секретаря, ответственного за стенографию и ведение протокола заседания, а также — ассистента, ответственного за архивные данные.

На второй день слушаний в личной беседе с Квином Аннеттом Руди Джеймс заявил:

— Вскоре Канаде и канадским церквям придется пройти через второй Нюрнбергский процесс.

Вряд ли Руди Джеймса можно обвинить в преувеличении. На второй день разбирательства выжившие в те страшные годы в интернате на острове Купер подробно описывают, как детей пороли, вводили им экспериментальные лекарственные препараты, в период с 1939-го по конец 40-х годов XX века заключали в камеры сенсорной депривации, и о том, как многие из них умирали в результате жестокого обращения.

День за днем на присутствующих сыплются рассказы очевидцев, многие из которых — уже довольно пожилые люди, но их голоса срываются и дрожат, будто то, о чем они рассказывают, происходило прямо сейчас.

— Понятия не имею, почему они меня так ненавидели, — я же была совсем маленькой, — недоумевает одна из жительниц острова Ванкувер. — Когда мне было восемь лет, мне проткнули язык иглой. А девочек, которые после того, как над ними надругались священники, забеременели, убили и втайне похоронили на острове Купер.

— Они заставляли нас помалкивать о том, что они с нами делали, требовали от нас, чтобы мы «держали язык за зубами», — рассказывает пожилая индианка из Чемайнуса. — Сначала священник с полицейскими, а потом и наши вожди велели нам никому не рассказывать, что в школе убивали наших друзей. Священники выдумывали всякие истории, согласно которым дети якобы сами лишили себя жизни.

— Меня зовут Арчи Фрэнк, — раздается голос еще одного очевидца событий. — Я из резервации Ахоусат. В 1938 году я учился в школе Алберни. И как-то раз я видел, как директор школы мистер Кальдвелл до смерти забил маленького индейца Алберта Грэя за то, что тот украл сливу, выпоров его что есть мочи.

На второй день слушаний люди осмелели: теперь они говорят не только о преступлениях прошлого, но и о жестоких событиях настоящего.

Слово берет индианка из племени сквамишей:

— *Вождь и представители племенного совета заявили, что никогда не финансируют мою учебу в колледже, если сегодня я выступлю на трибунале. Каждому в резервации велели держать язык за зубами и не разглашать информации об убийствах и стерилизации.*

Судья трибунала спрашивает ее:

— *Почему вожди замалчивают эти факты?*

Женищина отвечает:

— *Да потому что они сами — растлители малолетних. Так повелось с тех самых пор, когда они стали доносчиками у священников из школ-интернатов!*

Муж и жена, представители племени карриеров, населяющих северную часть Британской Колумбии, рассказывают о своих попытках разоблачить педофилов в районе городка Мористаун:

— *Каждый раз, как мы поднимаем эту тему, нас арестовывает конная полиция. Как-то нас даже избили ребята, которых послали вожди карриеров и секани.*

Когда в ходе слушаний всплывают истории о наркобизнесе и торговле детьми, в которых замешаны индейские вожди, внезапно происходят перемены: у очевидцев событий вмиг пропадает желание о чем-либо рассказывать; создается впечатление, будто на трибунал снизошла в этот момент некая зловещая тень. Некоторые свидетели даже поспешно покидают зал.

Глава 28

14 июня 1998 года: Третий День

Если бы ты занялся расследованием обстоятельств смерти каждого индейского ребенка, учившегося в школе-интернате, на остальные дела у нас не осталось бы времени.

Из беседы с сержантом Джерри Питерсом из Королевской канадской конной полиции, подразделения «Е» в Ванкувере (провинция Британская Колумбия, 3 июля 1997 года)

Деятельность в ходе работы трибунала настолько поглотила меня, что я поначалу не заметил, что происходит. Первые два дня я занимался протоколированием показаний и подготовкой свидетелей. Но на третий день, когда ко мне подошел Дин Уилсон, работавший у выдающегося вождя Эда Джона и посещавший слушания по его же просьбе, я понял, что не все идет так гладко, как хотелось бы. Кстати, на тот момент кое-кто из очевидцев уже в чем-то уличил вождя Эда Джона.

Утром третьего дня слушаний Дин Уилсон буквально отпихнул меня к стенке зала, рядом с которым проходило разбирательство.

— Пора бы уже со всем этим покончить! — прикрикнул он на меня и схватил своей крепкой рукой за горло так, что моя голова уперлась в стену. — Это мы здесь представляем жертв школ-интернатов, ясно?

— Нет, — ответил я, глядя прямо на него, — неясно.

Он надавил мне на горло сильнее:

— Тебе стоит понять, что Эдди Джон не собирается мириться с той хренью, которая тут происходит. Так что кончай свои дела!

Уилсон еще раз сильно толкнул меня, а затем развернулся и ушел.

Меня поразило то, что Уилсон раскрыл имя своего босса, ведь вождь Эд Джон был одним из самых влиятельных политиков-индейцев в Канаде, своим человеком в правительстве, мил-

лионером, главой коллаборационистского «Саммита коренного населения», а также человеком, которого в тот день кто-то из очевидцев назвал преступником.

Это был первый намек на кампанию по подрыву нашего успеха.

Не считая открытой угрозы Уилсона, эта диверсионная деятельность поначалу не проявлялась открыто. Просто судья трибунала Джим Крейвен, появившийся словно из ниоткуда и добровольно предложивший свои услуги, принялся распространять какие-то сплетни и намеки. По его словам, Руди Джеймс, организатор трибунала и основной представитель Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств, якобы спал с одной из свидетельниц событий. Более того, Крейвен заявлял, будто бы я заплатил индейцам за то, чтобы они выдумали эти рассказы, и до сих пор пытаюсь «завербовать» их в свою церковь. Довольно занятно, особенно если учесть, что на тот момент я не принадлежал ни к какой церкви.

Джим Крейвен — по сути, такой же белый, как и я, — с первого дня работы трибунала был судьей: он осуществлял свою деятельность на безвозмездной основе и утверждал, что является членом племени блэкфут. В ту пору я и понятия не имел, что несколькими годами ранее представители «Си Шеперд» и Американского индейского движения обвинили его в шпионаже и провокациях. В итоге именно он уничтожит трибунал, убедив членов Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств в том, что Руди Джеймс фальсифицировал данные.

Спустя два дня после моего столкновения с Уилсоном очевидцы событий просто прекратили свои выступления. Многие вообще покинули зал заседаний. А двух наиболее отзывчивых судей Ройса Белого Теленка и Лидию Белого Теленка попросту извели преследователи: за ними постоянно ездил фургон без номеров.

В последний день работы трибунала близкая подруга Крейвена, индианка по имени Келли Уайт, выпустила пресс-релиз, в котором утверждалось, будто бы Кевин Аннетт строит из себя руководителя и защитника интересов индейцев, в то время как не имеет на это никакого права.

Несмотря на то, что по причине подобных конфликтов и диверсий работа трибунала подошла к концу, в историческом отношении мы сумели достичь успеха: нам впервые удалось подтвердить документами преступления против человечества, совершенные в школах-интернатах. Мы получили четырнадцать

часов видеозаписей показаний свидетелей. Более того, благодаря архивам правительства и иным университетским источникам я собрал кипу письменных показаний и материалов, подтверждающих их заявления.

Через два дня после завершения работы трибунала я лично упаковал видеоматериалы и документы и отправил их в Женеву — Мэри Робинсон, верховному комиссару ООН по правам человека.

Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств ранее было поручено составить собственный отчет по работе трибунала, поэтому, отправив необходимые материалы в Женеву, я договорился о встрече с Руди Джеймсом. Мы сидели в небольшом грязном кафе на Ист-Хэйстингс Стрит, и Руди совершенно безучастно глядел на меня. Казалось, он чрезвычайно вымотался.

— И когда вы с судьями собираетесь сдавать свои отчеты? — спросил я у него, пока он помешивал кофе и смотрел в усеянное мухами окно.

— Вообще-то меня отстранили от этого дела, — ответил он. — Да и Диане не поздоровилось.

Я поверить не мог своим ушам.

— Какого черта?

Он пожал плечами:

— Джим Крейвен подал официальную жалобу, обвинив меня в «недостойном поведении». Помнишь, ходили слухи о том, что я якобы сплю с одной из свидетельниц?

— Помню. Я еще подумал, что их распространяют ребята Эда Джона.

— Кто-то проделал отличную работу по подрыву деятельности нашего трибунала. Видел фургон без номеров у здания? Он там стоял каждый день, — сказал Руди.

Диверсия возымела такой эффект, что мне пришлось поверить, что ею занимался некто, чьи возможности превышали возможности племенного совета и несогласных из числа «простых смертных».

— Нам еще могут ответить из Женевы.

Руди кивнул.

— Еще до того, как до меня дошли плохие вести, я уведомил женевский офис по правам человека о том, что в ходе деятельности трибунала выяснилось, что правительство Канады, Королевская канадская конная полиция, а также католическая, Объединенная и англиканская церкви виновны в преступлениях

против человечества. Более того, я предложил Мэри Робинсон начать официальное расследование событий, происходивших в школах-интернатах, в надежде, что можно будет выдвинуть обвинения в международном уголовном суде.

— Ну, твое здоровье! — произнес я. Все было написано в его взгляде.

Из офиса Мэри Робинсон нам так и не ответили. Позднее мы узнали, что под давлением дипломата ООН Луизы Фречетт — бывшей канадской служащей и правой руки Генерального секретаря ООН Кофи Аннана — офис Верховного комиссара и Международная ассоциация по правам человека среди американских меньшинств прекратили свою работу в этом направлении.

О нашем трибунале упомянули лишь в одной газете — в выпуске «Глоуб энд Мэйл» от 20 июня 1998 года.

А тем временем негативные последствия трибунала настигли многих из тех, кто давал показания. Людей избивали, выселяли из резерваций; кому-то племенные советы отказывали в финансовой поддержке. Говорят, кое-кому даже угрожали расправой.

Через две недели после того, как трибунал завершил свою работу, боевая группа конной полиции ворвалась в дом Харриэт Нахани в резервации сквамишей: всех в течение часа держали под прицелом, пока дом переворачивали вверх дном и обыскивали. Кстати, никакого ордера на обыск у них не было.

Вскоре после этого события я обнаружил — слава Богу, в тот момент я медленно ехал по улице, — что у меня не работают тормоза. Более того, позднее меня дважды преследовали какие-то мужчины — они даже напали на меня.

Все это было не случайно. Двух основных свидетелей, которые описывали случаи педофилии среди вождей карриеров, арестовали без ордера и целую неделю продержали в Ванкувере. Против них так и не выдвинули никаких обвинений. Однако когда их выпустили, представители племенного совета Эда Джона выселили их из резервации и избili.

Я столкнулся с исполненными порочности последствиями событий. Одна Интернет-кампания, идущая и по сей день, преуспела в том, чтобы занести меня в черный список и уничтожить Группу справедливости. Все это на какое-то время меня подкосило. Однако, потерпев крах, я мог только задать самому себе (а ведь больше спрашивать было некого) вопрос: «Что же такое, черт возьми, мне известно на самом деле?»

Глава 29

Март 2002 года,
остров Ванкувер

Саанич — окраина острова Ванкувер, которая находится к северу от Виктории, столицы Британской Колумбии. Именно здесь шестеро старшеклассников под предводительством семнадцатилетней Николь Теркотт, читая об истории западного побережья, узнали о преподобном Кевине Аннетте. Один из них даже слышал радиопередачу с его участием. Николь поручили пригласить его выступить на уроке истории, и Кевин согласился.

Кевина Аннетта впервые попросили выступить с лекцией для старшеклассников, и, несмотря на то, что он не раз собирал большие аудитории на проповедях, он был весьма удивлен: послушать его на урок истории пришли двести учащихся школы.

Проводя обзор событий последних десяти лет, в особенности тех, что касались истории школ-интернатов острова Ванкувер, он немедленно получил признание среди старшеклассников. Под бурные овации и восклицания поднявшихся со своих мест слушателей Кевин призвал учащихся поддержать его попытки привлечь Канаду и канадские церкви к суду и ответу за проявления геноцида.

Продолжительная лекция и время, отведенное на вопросы, столь сильно взбудоражили Николь и ее друзей, что в возмущении они решили выступить с демонстрацией на предстоящем ежегодном собрании Объединенной церкви (в пятнадцати километрах от школы).

Прибыв в конференц-зал в Виктории, не удовлетворившись тем, как протекает демонстрация за пределами здания, Николь с друзьями проникли на собрание, поскольку оно все равно было открытым для всех желающих. Заняв места среди молодых представителей церкви, они стали распространять материалы о чинимых зверствах в школах-интернатах, за которые несет ответственность их церковь.

Позднее, в радио-интервью, Николь скажет:

— Мы не пробыли там и пяти минут, как какой-то крупный мужчина грубо схватил меня за плечо. Нас буквально силой заставили выйти из помещения. А мне так выкручивали руку, что было невероятно больно. Оказалось, что этот мужчина и его друзья — служащие церкви. Они запретили нам впредь заходить внутрь. Но я спросила: «Почему? Мы же живем в свободной стране, и у нас есть полное право находиться в общественном месте. Так утверждается в Хартии прав и свобод!» И знаете, что он ответил? Он ответил: «А на Объединенную церковь Канады эта хартия не распространяется!»

Впрочем, Кевин как-то уже говорил Николь, что, по сути, этот мужчина прав: в том, что касается Объединенной церкви Канады, Хартия прав и свобод не имеет законной силы.

Глава 30

1999 год: перерыв

В период, последовавший за сорванным трибуналом, мне казалось, будто я нахожусь в клетке. Все, чего я достиг, было разгромлено. СМИ перестали публиковать сообщения, касающиеся школ-интернатов. Многие мои знакомые вообще прекратили со мной общаться. Людям все чаще угрожали расправой, да и новая кампания, развернувшаяся по всей стране, направленная против меня и моей деятельности, заставила многих отступить — даже тех, кто знал правду. Люди были напуганы и не имели никакого желания объяснять, чем именно.

Все это всплыло наружу в ходе крупной пиар-кампании Объединенной церкви Канады и федеральных учреждений, кратко изложенной в начале 1999 года в СМИ с подачи головного офиса Объединенной церкви в ответ на крошечную статью о нашем трибунале, появившуюся в британском журнале «Нью Интернэшналист».

Информационное сообщение на четырнадцать (!) страницах, составленное служащим церкви Дэвидом Иверсоном, ни разу не коснулось обвинений, выдвинутых против церкви в отношении преступлений, совершенных в школах-интернатах. Индейцев в нем вообще не упомянули. Скорее, оно представляло собой детальную злобную клевету на меня: в нем содержались длинные выдержки из «отчета об исключении из церкви», претендовавшие на окончательную оценку моей деятельности. Не удосужившись ничем подкрепить свои слова, Иверсон описал меня как психически неуравновешенного, склонного к фальсификации доказательств человека, к которому все относятся с презрением и которого чурается даже коренное население.

Канадские СМИ, не расположенные к поиску истины, проглотили эту наживку и долгие годы попросту не печатали моих писем и не брали интервью у жертв и очевидцев актов насильственной стерилизации и иных преступлений, о которых до сих пор так никто и не сообщил.

Все без исключения СМИ смиренно продолжали следовать привычной стезей. Испытывая поистине собачье любопытство, они принялись к возможности повысить тираж, но, следуя командному голосу корпорации, довольствовались лишь тем, что подняли заднюю лапу над темой школ-интернатов и устремились на поиски выдающихся мировых событий и общественных пустяков, которые можно было бы осветить.

Практически всех индейцев, которые в свое время мужественно давали показания на трибунале, изводили, преследовали, подвергали наказаниям в финансовом и физическом отношении неизвестные им люди.

Даже в городе Боулдер (штат Колорадо) Ройса и Лидию Белых Телят, которые были наиболее убедительны и благожелательны среди всех судей трибунала, единственных, кто опубликовал свой отчет об изысканиях трибунала, с тех самых пор годами подвергали оскорблениям и физическим притеснениям.

На этом контрнаступлении не прекратились. Ту самую Группу справедливости, которую организовали мы с Харриэт и благодаря которой начал свою работу трибунал, профессионалы разрушили изнутри. Джим Крейвен попросил четырех членов Группы публично осудить меня и заявить, будто я воспользовался их высказываниями без разрешения. Он даже предлагал заплатить им за это, утверждая, что его поддерживает правительство Канады. В итоге это отпугнуло многих из тех индейцев, с которыми я работал.

А пока на нас, пытавшихся и пытающихся обнародовать заключения трибунала, осуществляли нападки церковь и правительство Канады, согласовывая свои усилия. В попытке откупиться от выживших жертв они учредили «Фонд помощи коренному населению» в триста пятьдесят миллионов долларов. Это произошло через пару месяцев после окончания работы трибунала.

С учреждением этого фонда, который, по сути, представлял собой систему взяток и был призван как-то искупить грехи прошлого, начался новый период. Вероятно, предполагалось, что в течение последующих лет программа расширится, в зависимости от количества исков, поданных против церкви и государства.

Лично я предпочитал называть это «Фондом водворения тишины среди коренного населения» — между прочим, оказалось, что просители могут получить к нему доступ только в том случае, если ранее они не подавали исков против правительства и церковей и теперь согласны отказаться от участия в подобных судебных раз-

бирательствах, ограничившись деятельностью личного характера. Иными словами, им предлагали деньги — в обмен на молчание.

А если никакой речи о том, чтобы от кого-то откупиться, не шло, то федеральное правительство по-прежнему сохраняло полное безразличие к происходящему. Трибунал Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств безуспешно пытался вызвать в суд популярного франкофона, премьер-министра Жана Кретьена, фамилия которого убедительно напоминает о его приверженности христианству, а также еще тридцати трех служителей церкви и правительства, которые, по сути, попросту пренебрегли повестками. Некоторое время спустя этот премьер-министр отличился как единственный западный глава правительства, не выразивший соболезнований американскому народу по случаю смерти трех тысяч человек в трагедии 11 сентября. Более того, именно он в ходе печально известного саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, проходившего в Ванкувере, приказал конной полиции усмирить митингующих слезоточивым газом.

Представители конной полиции не стали менять тактику: они по-прежнему отказывались расследовать преступления, совершенные в школах-интернатах, разве что отпускали завуалированные угрозы в мой адрес, намекая на то, что мне следует вести себя осторожнее и не разглашать информации о погибших детях.

Казалось, что Объединенная церковь не удовлетворена тем, что разрушила мою жизнь и семью, а также пресекла мои попытки обнародовать известную мне информацию. Она вдруг стала индейцам лучшим другом — у нее появилось множество планов по «поддержке и примирению с коренным населением». Видимо, несмотря на удачную ликвидацию правды, люди, имевшие отношение к высшим церковным кругам, словно преступники на свободе, на всякий случай были настороже.

Что касается меня, то все эти события только подчеркивали тщетность моего собственного положения. Казалось, я был обречен на полное поражение.

Мне было пора отстраниться, оценить нанесенный мне урон и определить, что еще я могу сделать.

Когда эмоции отступили, я осознал, что, по сути, не потерял ничего особо важного. Я был здоров, цел и невредим. Я даже обрел некоторую мудрость, особенно в отношении того, с чем столкнулся. И, что куда важнее, я сумел сохранить честь и честность.

У меня в руках по-прежнему находилось мощное оружие — голая правда (а в результате работы трибунала я получил еще больше фактов в свое распоряжение), включавшая в себя сотни показаний вкупе с материалами университетских архивов.

Я понимал, что обладаю серьезной информацией. И мир должен был узнать о трагических событиях, произошедших в школах. Было необходимо лишь изыскать средство подачи этого материала — и в этом заключался мой долг и моя цель. Я должен был сделать это — ради детей, на долю которых выпали страдания, — как живых, так и мертвых. Миру следовало, наконец, прислушаться к их голосам. Более того, я должен был сделать это ради собственных дочерей, которые только-только начали понимать, что им пришлось пережить. В ту пору одной из них уже было десять, а второй — семь лет.

Все это прекрасно удалось резюмировать моей старшей дочере Клер, когда мы с ней и с Элинор ехали домой с пляжа Китсилано. Глядя из окна машины на бездомных, бродивших по Ист-Хэйстингс Стрит, она повернулась ко мне и сердито воскликнула: «Папа, мы же их всех накормили! Почему они все еще голодают?»

Припомнив, как мы вместе отвозили в индейские резервации хлеб, когда ей едва исполнилось четыре года, я серьезно ответил ей: «Клер, так с ними поступают умышленно. Большинство из них — индейцы, а наш народ уже давно пытается их уничтожить».

Мои слова встревожили ее, и она принялась расспрашивать меня о жителях этих запущенных улиц и о том, чем я занимаюсь.

Летом 1999 года я начал собирать полный пакет документов, в который, в итоге, вошли материалы всеобъемлющего веб-сайта и радиопередач, а также отмеченный наградой независимый документальный фильм, посвященный геноциду в Канаде. В конечном счете эти материалы послужили основой национального движения, снискавшего международное внимание.

В ту пору мне улыбнулась фортуна (впрочем, так происходило в любой решающий момент): летом 1999 года я познакомился с Памелой Холм, которая предложила мне остановиться в тихом чудесном месте на острове Солт-Спринг у залива Джорджия. Там я смог сосредоточиться на сборе информации для своей первой книги под названием «Тайны истории: канадский холокост».

На написание книги у меня ушел почти год, но в итоге ситуация изменилась, и отнюдь не в пользу Голиафа, разрушившего столько жизней!

Глава 31

Новое тысячелетие, остров Солт-Спринг (Канада)

Внутренний голос говорит ему, что нужно лишь доставить «плохим парням» серьезные неудобства. А уж дальше все пойдет как по маслу.

«Все это, конечно, хорошо, — думает он, — вот только ставшие уже привычными преграды никуда не делись: помощи ждать неоткуда, СМИ и общество совершенно безразличны к этой ситуации, мне самому уже не на что жить... не говоря уже о том, что передо мной постоянно маячат прекрасно финансируемые противники».

Он научился мужественно относиться к происходящему и реалистично смотреть на вещи, не терять доверие и не циклиться ни на своей нищете, ни на своей персоне. Каждый месяц он получает мизерный доход либо случайные пожертвования, и это позволяет ему продержаться еще какое-то время. Все деньги он тратит на встречи с дочерьми, пытаясь создать видимость нормальной жизни и скрыть от них свою боль. Ему никак не удается найти работу в режиме полной занятости: информация о том, что он занесен в черный список, достигла практически всех возможных работодателей (во многом этому способствуют анонимные телефонные звонки и бесперспективные направления на работу — предполагаемые работодатели быстро ретируются).

Единственное, что заставляет его мучиться и сожалеть о произошедшем, это мысли о дочерях, которые уже потихоньку превращаются в юных девушек. Отец всегда представлял перед ними человеком, умеющим преодолеть трудности.

Не смотря ни на что, он всегда находил время для посещения их танцевальных вечеров и школьных концертов. Он изо всех сил пытался избежать возможных сценариев развития событий по типу «А что, если...», которые мучают его, крадут у него сон и вызывают ощущение опустошения.

Некоторые попытки построить отношения с женщинами потерпели крах, столкнувшись с выпавшими на его долю испыта-

ниями. Далеко немногие женщины могут разделить с мужчиной подобный образ жизни, полный опасности и жертвенности, — им куда проще уважать его и восхищаться на расстоянии.

Индейцам прекрасно известно о его деятельности: постепенно его все чаще приглашают выступать на собраниях групп поддержки и конференциях коренного населения по всей Канаде. Приободренные его работой и присутствием, выжившие готовы поделиться своими историями — над истиной постепенно вновь приподнимается завеса.

Впрочем, на большинство приглашений он никак не может ответить согласием, поскольку у него отсутствуют необходимые для путешествий средства. Он старается сосредоточить свои усилия там, где они могут принести результат, а именно — в центральном районе Ванкувера Ист-Сайд, где проживают многие из выживших после геноцида, а также среди индейских племен острова Ванкувер, где почти десять лет назад и начались все эти события с его участием.

Устроившись дома у Памелы Холм, своего нового друга и сторонника, в покое острова Солт-Спринг он пишет свою первую книгу и бросает своим противникам новый вызов. Эта угроза только растрясает на мгновение успокоившееся чудовище.

Глава 32

2000-2001 годы,
Западное побережье

Пережив совершенно безумный период мучений, на заре нового века я вернулся к жизни. Однако за это время я стал другим и уже не верил, что Голиаф прислушается к голосу разума.

Теперь я был убежден: время моего противника на исходе, и я избран стать его палачом (если не сказать экзорцистом).

Как-то раз, в Порт-Алберни, когда я принимал участие в процедуре экзорцизма, я понял: чтобы один дух изгнал другого, экзорцист и одержимый бесами должны кардинально отличаться друг от друга. Я воспользовался подобной позицией, сражаясь против силы, которую считаю чем-то похожей на человека, одержимого бесами, — мне предстояло восстановить культуру, в которой меня воспитали.

В гневе сражаясь с ней, я лишь еще больше в нее вовлекся, зачастую бессознательно отражая ее позиции. Лишь когда она изгнала меня и отшвырнула куда подальше, я начал приходить в себя — за ложью, к которой я имел непосредственное отношение, обнажились страдания и мучительный процесс, ведущий к совершенствованию.

Да, это чем-то было похоже на длительное тюремное заключение Нельсона Манделы: источником настоящего развития и осмысления происходящего является полная утрата чего бы то ни было.

В начале века я принялся собирать материалы, которые мне к тому времени удалось достать. Моя первоочередная задача заключалась в том, чтобы обнародовать все, что мне было известно, в отношении христианских лагерей смерти, называемых «школами-интернатами для индейских детей». Однако вскоре я осознал, что, по сути, изготавливаю огромное зеркало, в котором мой народ может увидеть, на какое зло он закрывает глаза. Я вдруг понял, что все это время жил на чудовищной скотобойне, и что выжить здесь — нам всем — удастся лишь потому, что мы на все смотрим сквозь пальцы. Слепцы в Газе.

Вот только по какой-то причине ко мне вернулось зрение, и я сумел обозреть всю панораму ужаса.

Чем больше я бродил по этой новой земле, тем четче я видел ее территории, и тем больше я встречал сбитых с толку жертв и людей, которых по-прежнему мучили трагические события прошлого. По иронии судьбы, чем дальше я заходил, тем гуще становилась тьма, опустившаяся на место, в котором я когда-то жил. Я долго пытался сообщить о том, что мне известно, тем, кто изнемогал в моем старом мире, но это оказалось невозможным. Большинство моих приятелей не просто не могут представить себе тот ужас, с которым я столкнулся, — они не хотят ничего о нем знать, хотя и придерживаются «прогрессивных» взглядов.

Совершенно онемелые, действуя в силу привычки, они не видят причин, по которым их мир должен пошатнуться, — собственно, и я считал так же — до тех пор, пока во мне не произошли определенные перемены. Каждое чудовищное слово вроде «геноцида» представляется «нормальным людям» не просто каким-то отвлеченным понятием, а оскорблением. Да, в отношении Косово можно говорить о геноциде, но причем тут Канада? Все, не имеющие к ним непосредственного отношения события, вроде тайных убийств и захоронений индейских детей, в лучшем случае должны беспокоить адвокатов и правительство, а не церкви и их последователей; более того, по их мнению, следует убрать весь этот бардак с глаз долой.

Занявшись систематизацией словаря по истории геноцида в своей культуре, я поначалу и не понял, что попросту забиваю в сердце наших иллюзий новый кол, как бы говоря: «Смотрите, мы на самом деле вовсе не те, кем себя считали. Мы имеем непосредственное отношение к убийственной лжи. Настала пора от нее избавиться; настала пора вернуться к своей истинной природе».

Однако прежде, чем изобличать ложь, мне нужно было задокументировать правду. На то, чтобы собрать воедино все показания, документы и материалы проверенных источников, касающихся преступлений, которые христианская Канада совершила в больницах и школах-интернатах для индейских детей, у меня ушел примерно год.

Тот факт, что моя общественная деятельность была подорвана, в конечном счете сыграл мне на руку, поскольку меня ничто не отвлекало: не нужно было заниматься организацией митингов, не

нужно было никого консультировать и поддерживать (просто это всегда несколько мешало мне заняться работой с документами).

В 2000 году я жил, словно затворник: собирал и изучал документы, печатал и редактировал рукопись, пока на свет не появилась книга «Тайны истории: канадский холокост». Иронично улыбнувшись, я отметил для себя, что она, по сути, представляет собой ту самую докторскую диссертацию, которую мне так и не дали написать. Зато теперь, вместо того чтобы пылиться на полке университетской библиотеки, она стала оружием в руках обездоленных.

Эта книга строится вокруг пяти определений, данных ООН геноциду: в ней систематически доказывается тот факт, что все типы геноцида: предотвращение рождаемости, убийства, похищение детей и т. д. — более века наблюдались в канадских школах-интернатах для индейских детей.

Правда, как я и предполагал, ни один представитель СМИ и издательского дела в Канаде не осмелился и прикоснуться к этим материалам: все опасались, что придется судиться с правительством и церковью.

Поначалу я пришел в уныние, но, в конечном счете, я только обратил себе это на пользу: будучи вынужденным самостоятельно копировать и распространять материалы, я намеренно снял с них все ограничения по авторским правам. Я до сих пор убежден, что они являются общественным достоянием, а не чьей-то собственностью. Это спровоцировало людей, в особенности выживших после событий, которые происходили в школах-интернатах, воспользоваться копиями материалов в процессе собственной реабилитации и в ходе судебных разбирательств.

Все, что мне удалось собрать, тут же стало доступно коренному населению по всей Канаде: сотни индейцев принялись копировать и распространять эти материалы. В итоге, так они и разошлись по всему миру.

Эти материалы стали своего рода бомбой, взрыв которой способствовал тому, что многие начали привлекать к суду правительство и церкви.

К примеру, согласно скопированной мною форме «Заявления на зачисление», которую индейцев принуждали подписать под страхом тюремного заключения, официальным опекуном индейских детей становился директор школы-интерната, а значит, наряду с церковью он нес ответственность за весь ущерб, причиненный

учащимся, которые находились на его попечении. Этот документ немедленно снискал успех в залах суда и помог установить тот факт, что церковь и правительство в равном отношении несут ответственность за происходившее с воспитанниками школ-интернатов.

Вскоре после того, как я окончил свою работу, — а случилось это в начале 2001 года, — я лично стал свидетелем: этот документ помогал выжившим куда больше, нежели сеансы психотерапии и групп психологической поддержки. Как-то раз, весной, в одном из вигвамов индейского племени в Нанаймо выжившие в те страшные времена на острове Купер собрались вместе с родственниками у большого костра.

Участники группы поддержки давно состарились (одной женщине было уже восемьдесят четыре года), но они до сих пор носили отметины — глубокие шрамы детства: порка, стерилизация, проводимые на них ужасные медицинские эксперименты и многое другое, включая убийства, совершаемые на их глазах и при их вынужденном участии.

Один из мужчин рассказал, что видел, как монахиня выкинула его сестру из окна, что повлекло за собой смерть девочки — бесспорно, ужасное событие, но по-настоящему шокировало не столько оно само, сколько тот факт, что оно было не единственным в своем роде, а представляло собой лишь один стежок в полотне спланированных убийств.

Именно тогда я и показал индейцам копию заявления на зачисление, которое обнаружил в университетской библиотеке Кернера.

Я дал им понять, что в былом не нужно винить ни себя, ни родителей: «Силой этого документа вас отлучили от родителей. И они ничем уже не могли вам помочь, потому что больше не являлись вашими опекунами по закону. Это не их вина». В ответ слышались рыдания; первой заплакала восьмидесятичетырехлетняя старушка, все эти годы жившая с болью от уверенности в том, что это родители, отказавшиеся от нее и сдавшие в интернат, повинны в той боли и страданиях, через которые ей пришлось пройти.

Чуть позже она подошла ко мне, взяла у меня бланк заявления и швырнула его в костер. Затем вздохнула, слабо улыбнулась и села на свое место. Дым сожженного документа устремился вверх, и с глаз присутствующих будто спала пелена.

Мне выпала честь и радость — стать свидетелем того, как исцеление, окропленное кровью безвинных и их слезами, пустило в этих людях свои ростки.

Глава 33

27 апреля 2002 года,
Ванкувер (Канада)

В этот день вторая по величине канадская национальная телевизионная сеть «Си-Ти-Ви» впервые передает в эфир программу под названием «Из первых рук», которая состоит из рассказов очевидцев убийств, имевших место быть на западном побережье. В программу включены интервью с преподобным Кевин-ом Аннеттом, а также десятью индейцами, выжившими в ходе тех страшных событий, происходивших в школах-интернатах римско-католической, англиканской и Объединенной церквей.

СМИ впервые упоминают о зверствах, выпавших на долю выживших. В этой же передаче цитируются и слова доктора Брайана Торпа, бывшего исполнительного директора Ассоциации Объединенной церкви Канады в Британской Колумбии, в свое время поспособствовавшего разрушению карьеры и семьи Кевина Аннетта, а ныне — служителю национальной церкви: «Нам прекрасно известно, что в школах-интернатах совершались преступления... возможно всякое».

Участник передачи — преподобный Кевин Аннетт обращает внимание ведущего эфира:

— Заметьте, это — слова доктора Торпа, официального представителя Объединенной церкви, и именно они, эти слова, — те самые, что пять лет назад привели к моему отлучению от церкви, лишению семьи и средств к существованию...

В настоящее время Объединенная церковь обратилась к новой стратегии «поддержки» и «помощи», предлагая финансирование групп индейцев и дружественных церквей, всячески демонстрируя самопровозглашенные традиции «примирения». (В духе этой, так скоропостижно вспыхнувшей обеспокоенности «Обозреватель Объединенной церкви» — название официального издания церкви — вскоре представит на первой полосе цветную фотографию пухлого и довольного индейского ребенка.)

Глава 34

Интермедия: завоевание, примирение и переподчинение

Для того, чтобы верить, особого ума не надо.

*АРХИЕПИСКОП КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ РЭЙМОНД РУСЕН
(ВАНКУВЕРСКАЯ ЕПАРХИЯ АРХИЕПИСКОПА, 19.01.2007)*

Когда я был маленьким и жил в Виннипеге, мне очень нравилось ходить в воскресную школу из-за Констанции Питерсон, моей восьмилетней подруги, в которую я был тайно влюблен. Но вскоре ее семья переехала в Брендон, и я задался вопросом о смысле жизни.

Вероятно, это неожиданное детское горе и подтолкнуло меня к тому, чтобы задуматься: что же пытается впихнуть в наши головы учительница, миссис Лоу? Впрочем, надо честно сказать: я не совсем понимал, о чем она толкует.

Возьмем, к примеру, первую главу Бытия: то, с чего все началось.

От суровой миссис Лоу я узнал, что некое странное божество (а может, и божества — она пользовалась и единственным, и множественным числом) решило сотворить людей. Правда, Оно при этом руководствовалось довольно странными мотивами и беспорядочным, если не сказать хаотичным планом, поскольку даровало нам разум, но запретило при этом им пользоваться. Дерево познания стало своего рода «запретной зоной»; человечеству предполагалось хранить невинность и глупость. Однако мы все равно поступили по-своему, за что и были наказаны — изгнаны из дома, словно непослушные дети. Так мы познали жизнь, полную страданий. В общем, в ходе этого процесса досталось всем.

— И почему же? — пробубнила миссис Лоу, глядя на кучку напуганных ее рассказом и сбитых с толку малышей. — Да потому, что человек греховен и непослушен!

«Ага, значит, мы сами виноваты... Ну и чушь, — подумал я. — Неужто всемогущее божество будет обвинять в своей ошибке тех, кого само же и породило на свет? Такое поведение, скорее, присуще моей матери».

Годы спустя, когда, руководствуясь какими-то мазохистскими порывами непонятной мне природы, я оказался в семинарии и занялся изучением иврита, я понял: все это время мне ввали, и на деле история о сотворении мира, описанная в Бытии, имеет совершенно иное значение. По сути, еврейская версия Бытия никоим образом не соответствует привычному библейскому рассказу, переданному на английском языке.

Сначала я обвинил во всем миссис Лоу и свою мать, но потом осознал, что истину от нас скрывали тысячелетиями.

В общепринятой версии сотворения мира «Бог» создает «нечто» из «Пустоты». Это видно из самого первого предложения: «Вначале сотворил Бог небо и землю». А вот на иврите все выглядит совсем иначе: слово «сотворил» — читается как «бара», что означает «сразить, искоренить». И что, получается, Бог «искоренил» небеса и землю?

Дальше — еще интереснее. Обратимся к английскому варианту: «Земля же была безвидна и пуста»: на иврите «пуста» читается как «тоху», что означает «опустошать». Короче говоря, Бог не создавал землю: он просто нашел уже существовавшую, разрушил ее и опустошил!

«Да этот Бог смахивает на какого-то помешанного диктатора!» — подумал я. В общем, обучаясь на втором курсе Ванкуверской теологической школы и готовясь в священники, я взял подстрочник Библии и перевел весь рассказ о сотворении мира, описанный в Бытии. Вот что у меня получилось (в моем варианте перевода):

«В какой-то исторический период могущественные сущности под именем Элохим вели войну против Земли. В итоге они разрушили и опустошили ее — так образовалось Небытие. Все сущее погрузилось во тьму, печаль, зло и смерть. Целостное и гармоничное было разорвано Элохимом пополам — образовалась биполярная вселенная противоположностей.

В этом хаосе Элохим создал вид искусственного человека, представители которого лишь напо-

минали людей — на деле, они не были столь мудры, и тела их были не столь плотны. Эти призрачные роботы отражали фальшь хаоса, созданного Элохимом; их отправили на Землю, строго-настрого наказав не искать знаний, не пытаться разобрататься в происходящем и не стараться постичь свою природу. Однако при помощи других созданий эти искусственные люди обрели сознание и поняли, что, по сути своей, они столь же могучи, как и те, кто их создал, а именно, Элохим.

Элохим, ужаснувшись, что эти создания свергнули его (их), прибег к чудовищной лжи — с тем чтобы запутать человечество, пригрозив, что люди никогда не познают своей подлинной природы как существа, подобные богу. Элохим изгнал их в мир и отяготил горем, лишениями, позором, ненавистью к себе и страхом; с тех пор мы считаем себя «проклятыми», «грешными», «недостойными» и виним во всем себя, свое «грехопадение», свою судьбу».

То, что в Библии считается первородным грехом, по сути, представляло собой обретение осознания — «познание Добра и Зла». И отчего же Элохим считает подобное познание пороком? Да от того, что он напуган: вдруг мы поймем, что не так уж Он и хорош, добр и благостен!

Чтобы отомстить пробужденной расе, Элохим основательно промыл мозги нашим предкам. Теперь им предстояло стать завоевателями и разрушителями, столь же жестокими, как и сам Элохим: нас приучили думать, будто все сущее — враг, и велели «плодиться и размножаться, и наполнять землю, и обладать ею, и владычествовать над всяким животным». На самом деле, за словом «владычествовать» скрывается еврейское «кабаш», что буквально означает «попирать», «завоевывать», «насиловать», «пренебрежительно относиться», «поработать». Иными словами — да здравствует геноцид! Здравствуй, экоцид.

Позор человечества не в том, что оно обрело знание, как учит Библия и церковь, а в ложном сознании, семя которого посеяли в нас наши угнетатели. На самом деле, в Бытии говорится о том, что врагом человечества является не змей, а сам бог; в том, что Элохим («Бог») называл злом, по сути,

нет ничего плохого. В действительности, раздосадованное порочное божество осудило и наказало человечество за его восхождение и развитие.

Несколько дней мне понадобилось на то, чтобы это знание, это открытие, как-то улеглось в моей голове. Помню, как-то, будучи на пляже, я ощутил, будто небеса разверзлись, и мой разум словно перескочил на совершенно иной уровень: «Ну, ничего себе! — пронеслось у меня в голове. — Да я же имею непосредственное отношение к чудовищной лжи! За тем, что церковь называет Богом, по сути, скрывается Обманщик».

Видите ли, Бытие представляет собой основную парадигму европейской христианской, а следовательно, и глобальной культуры. А его смысл заключается в том, что мы, люди, столь порочны, что, по сути, заслужили все то дерьмо, которое с нами происходит. Согласно Бытию, мы никогда не сможем самостоятельно стать лучше и достичь идеала, если в дело не вмешается Бог (в лице самопровозглашенных правителей, утверждающих, будто они говорят от имени Его). Более того, считается также, что все сущее в мире несовершенно, а значит, требует постоянной и принудительной коррекции.

Вот вам и рецепт постоянных завоеваний и святотатства. А согласно первоначальному значению Бытия, именно это и уготовил нам Элохим, которого мы называем «Бог».

Нам говорят о том, что спасение дарует Иисус (по крайней мере, «христианам»). Он каким-то образом «примиряет» нас с властолюбивым психопатом Элохимом, из-за которого мы здесь и оказались. Но что в этом хорошего?

Может, Элохиму и его церковным апологетам и хорошо. В конце концов, каждому тирану хочется, чтобы его мятежный народ приполз к нему на коленях и принялся молить о прощении и возвращении в прежнее рабское положение. Согласно церкви, именно в этом заключается ошибка человечества: пытаясь познать свою подлинную природу и думать самостоятельно, мы, по сути, «восстали» против Бога. Так что в этом отношении термин «примирение» весьма любопытен и важен.

В общепринятом смысле «примирение» означает, что противники складывают оружие и приходят к некоторому соглашению. Но в данной ситуации речь идет о совершенно ином значении: предполагается, что мятежники должны подчиниться своему бывшему властителю и покаяться.

Обратимся к периоду Высокого Средневековья, когда римско-католическая церковь организовала первый крупный крестовый поход против «сарацинов и язычников», то есть всех тех, кто не был католиком. А для того, чтобы как-то оправдать завоевания и резню, требовалось ввести какие-то законы. И тогда в Ватикане придумали схему под названием «индульгенция», согласно которой ограбления, изнасилования и убийства стали считаться добродетелью — при условии, если они совершались во имя церкви. К слову, однажды битва с неверными свелась к борьбе с коренными народами по всему миру.

В 1095 году папа Урбан II заявил, что участникам Крестового похода против мусульман отпустят все грехи за преступления, совершенные в этой войне, а также признают их невинными и безгреховными! Жестокость на религиозной почве, да еще и с подачи церкви, вдруг стала добродетелью.

Меня заинтересовало то, что за жестокие деяния людям готовы были отпустить «первородный грех». Иными словами, церковь приписала себе полномочия Элохима, то есть право объявлять людей безгреховными. Почему? Да потому, что наши «грехи» сходят на нет, когда мы поступаем сообразно намерениям Элохима, а именно — занимаемся завоеваниями и убийствами во имя Бога.

Обретя полномочия Элохима, христиане получили возможность убивать, не чувствуя за собой вины, — это происходит и по сей день, когда мы говорим о преступлениях, совершенных церковью и ее представителями. Соответственно, и «неверные», которым крестоносцы нанесли ущерб, не имели никаких оснований заявлять о том, что с ними обошлись несправедливо, поскольку противники церкви Элохима сами были виноваты в своем падении, словно Адам и Ева. А значит, враги церкви должны были как-то возместить ей ущерб, ведь это они вызвали такую жестокость по отношению к себе!

Вот это возмещение ущерба со стороны покоренных и назвали «примирением».

В частности, в период испанской инквизиции примирение с «павшими» католиками, ставшими лютеранами, происходило посредством «лишения их собственности и принуждения отбыть тюремный срок». В 1612 году пять жителей Мадрида «подверглись примирению» за практику иудаизма — их сослали на галеры. Здесь стоило бы привести цитату специалиста по средним векам, историка Генри Чарльза Ли:

«Притирение с церковью влекло за собой конфискацию имущества и иные наказания, согласно делу обвиняемого и той готовности, с которой он признавался в содеянном и отрекался от своих убеждений. Ему мог грозить тюремный срок, публичное унижение, бичевание и работа на галерах».

В действительности, мятежник как бы «освобождает» завоевателя от осуждения, позора и всякой ответственности, признавая, что жестокие и несправедливые действия последнего, по сути, были обоснованы и необходимы. Иными словами, он публично заявляет о том, что не было совершено никакого преступления — виной всему может быть разве что покоренный мятежник.

Подобная практика обвинения жертвы в собственных страданиях и ожидания того, что мятежник либо противник покается на условиях властителя, представляет собой основную идею церковного варианта Бытия. Такая мысль присуща также убеждениям римской и греческой философии: власть предержащие всегда правы, власть представляет собой добродетель, а у покоренных нет никаких прав и общественного положения — им остается только заглаживать перед завоевателями свою «вину».

Римляне наделили это убеждение законным статусом: предполагалось, что при отправлении религиозного обряда покоренные вожди и иные враги Рима должны были снискать у императора прощения на коленях, за чем следовало публичное удушение. Будучи прямым наследником Римской империи, римско-католическая церковь переняла эту практику, применяя ее к каждому покоренному врагу, будь то инакомыслящие христиане, евреи, мусульмане либо коренные народы.

Суть этой практики — публичное возмещение ущерба жертвой властителю, а также осуждение и убийство жертвы — по сути, представляет собой претворение в жизнь основной церковной парадигмы: предполагаемого «падения» человечества и необходимости рабского «примирения» с Элохимом («Богом»). Однако теперь-то нам известно, что вся эта парадигма — ничто иное, как неверное толкование и искажение подлинного смысла Бытия.

Все это серьезно задело меня весной 2009 года, когда я наблюдал за жалкими унижениями лидера индейцев Фила Фонтей-

на перед папой римским. Отрицая факт холокоста, папа тогда выразил свои «сожаления» по поводу «вреда», причиненного учащимся школ-интернатов. Бедному Филу пришлось не только поцеловать кольцо папы римского (и, несомненно, кое-что другое), но и с радостью «принять» его заявление в качестве «доказательства того, что раны пострадавших, наконец, зажили».

Подобно завоеванным вождям, пытающимся покориться завоевателю перед публичной «казнью» (через месяц после аудиенции у папы Филадельфия сместили с должности лидера Ассамблеи коренных народов), Фил Фонтейн просто восстановил старинный ритуал капитуляции, которые завоеватели называли «примирением».

Глава 35

2002–2003 годы,
Ванкувер (Канада)

В течение года, последовавшего за завершением книги «Тайны истории», Кевин Аннетт достигает кое-какого успеха. Он самостоятельно издает свою книгу и распространяет ее по библиотекам, группам по защите прав человека, а также среди коренного населения. Даже Нельсон Мандела получает копию книги. Более того, ее цитируют бельгийские эмиссары ООН, упрекая Канаду в проявлении геноцида. И, конечно, к ней получают доступ те, кто больше всех нуждается в правде.

Кевина Аннетта приглашают организовать еженедельную передачу под названием «Тайны истории» на ванкуверском радио, офис которого располагается в трущобах, где в основном и проживают его сторонники. Одновременно с этим он помогает учредить Комиссию по установлению истины в отношении геноцида в Канаде — предполагается, что она продолжит дело трибунала Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств.

Комиссия по установлению истины в отношении геноцида в Канаде — первая канадская общественная организация, которая встала лицом к лицу с проблемой злодеяний, совершенных в школах-интернатах, задолго до того, как о ней стало модно говорить в политических кругах. По сути, она предшествовала всем последующим попыткам оказать выжившим «поддержку» и восстановить «справедливость».

Одновременно с этим, Кевин находит в соседнем Нью-Вестминстере церковь под названием Всенародная церковь, в которую ходит коренное население и малообеспеченные люди.

Все эти события укрепляют отношения Кевина с выжившими индейцами. Кампания, направленная против Кевина, никак не может охватить уличный контингент, поскольку взятки и силы правительства попросту не имеют здесь никакого влияния. Все больше выживших посещают церковные службы Кевина и слушают его передачу по радио, а также помогают ему собирать истории о жертвах, имевших место быть в школах-интернатах и прилегающих к ним больницах.

Приободрившись, Кевин с энтузиазмом принимается за организацию митингов и пикетирования зданий римско-католической, англиканской и Объединенной церквей в центре Ванкувера. Участниками организованных им акций становятся, по большей части, выжившие в те годы и оказавшиеся на улице теперь, а также другие представители коренного населения и даже несколько белых — хоть и «прогрессивных» — сторонников деятельности Кевина Аннетта.

Как и следовало ожидать, все эти средства привлечения внимания общественности немедленно влекут за собой активные действия со стороны церкви и государства, пытающихся предать забвению тему школ-интернатов. И снова правительство решает обратиться к изменению кадрового состава среди индейцев-политиков.

Как-то вечером, много лет назад в Чьяпасе, его обреченный друг Фидель сказал Кевину так: «В Латинской Америке лидеров-диссидентов попросту расстреливают. А у вас их нанимают в штат». Слова брата Фиделя оказались пророческими — они сбылись, как только Кевин и его люди снова начали привлекать к себе внимание. Множащимся протестам, вызванным распространением документальных свидетельств, теперь противопоставит ишквал денежных затрат правительства и «фондов помощи», которые в основном передаются в распоряжение вождей и племенных советов, ведь те вполне могли бы сделать следующий шаг и выдать необходимые имена.

«Фонд помощи» — довольно двусмысленный, однако предсказуемый оборот речи, источником которого стала культура комфорта и политика торговых центров. Подразумевается, что от невыносимых зверств и человеческих мучений можно откупиться деньгами. Таким образом, руководствуясь логикой, можно утверждать, что исцеление и помощь — если таковые вообще имеют место быть — обусловлены исключительно совестью и правовой ответственностью финансирующей организации.

Заслуги по изобретению данного выражения, а также соответствующей программы, по праву принадлежат белым юристам, которые неизменно осуществляли деятельность посредников, то есть, если так можно выразиться, смазывали колеса «правосудия». Вот только большая часть смазки неизбежно пристает к рукам смазчиков.

Распределяя компенсационные выплаты, преступники пытаются диктовать жертвам условия, на которых им окажут «помощь», а также определяют понятие справедливости. По сути, повторяется историческая процедура колонизации: «дикарям» диктуют условия, пытаются подчинить их.

После того, как стало известно о щедрости правительства, один из выживших — бездомный мужчина, живущий в трущобах Ванкувера, — коротко резюмировал это так: «Вот заплачу я этому гребаному адвокату, а денег у меня останется только на передоз или на то, чтобы нажраться. Вот вам и суицид».

Большинству канадцев, особенно тем, кто посещает церковь, проще воспользоваться надежным защитным механизмом и вообще не думать о школах-интернатах и о том, что там происходило. Некоторые даже предпочитают считать, что все эти зверские события были спланированы и совершены какой-то третьей стороной. А создание «фондов помощи» только способствует такому положению вещей.

Тем временем служащие церквей и правительства по всей Канаде месяцами и годами пытаются «помочь» жертвам и «исцелить» их, отказываясь признавать тот факт, что сами явились причиной их страданий. Налицо запутанная головоломка: будто бы серийный убийца убеждает себя в том, что никому не причинил вреда, и в то же время пытается как-то возместить ущерб родственникам жертв.

Никакой суматохи, никаких беспорядков, никакого здорового когнитивного диссонанса, необходимого при осуществлении перемен, — ни церковь, ни государство нисколько не сожалеют о содеянном. Психологи утверждают, что, не испытав дискомфорта и не подвергнув себя самооценке, человек обрекает себя на нечувствительность и, словно не получающий лечения психопат, отказывается признавать реальность, в которой оказывает на других влияние и причиняет им вред. Следовательно, об исцелении тут не может быть и речи.

Кевину Аннетту, который вместе со своими сторонниками каждое воскресное утро стоит у церкви и раздаёт прихожанам, устало бредущим в огромные пустые соборы, листовки, частенько приходится слышать возгласы типа:

— Да мы уже с этим вопросом разобрались! И заплатили им кучу денег! Чего им еще надо?

— Это не принесет пользы нуждающимся, — отвечает кто-то, — а уж тем более детям, погибшим в школах-интернатах...

— Да это же чушь собачья! — кричит в ответ приличная прихожанка, внезапно забывшая об этикете. — Моя церковь никого не убивала!

Пару лет спустя, когда правительство признает за собой немало преступлений, включая смертельные случаи, и сообщит об этом в СМИ, церквям и их последователям будет сложнее утверждать, будто они тут не при чем. Но пока с целью сохранения имиджа они продолжают отрицать факты прошлого.

Глава 36

Февраль 2003 года. Цензура в Университете Британской Колумбии

Мне как раз исполнилось сорок семь лет, когда меня пригласили выступить в университете, где мне так и не удалось получить докторскую степень: старший преподаватель социологии в Университете Британской Колумбии Ричард Фредерикс попросил меня прочитать лекцию его студентам, занимающимся криминологией, и рассказать о моем расследовании канадских преступлений против человечества.

— Кевин, до сих пор никто не осмеливался заниматься подобными изысканиями, а говорить исключительно о Боснии и Руанде, когда речь заходит о геноциде, мне не хочется, — объяснил Ричард по телефону.

Ну и прекрасно. Несмотря на беспокойство в отношении преждевременного завершения программы, я согласился дать пять лекций. И вот в конце февраля я выступил перед сорока студентами; они весьма радушно меня приняли и с интересом ждали нового доклада.

К сожалению, больше нам не довелось встретиться.

Через два дня после того, как я прочел свою первую лекцию, мне позвонил мистер Фредерикс: сильно нервничая, он сказал, что отзывает свое предложение и больше не имеет возможности предоставить мне кафедру для выступления перед студентами. По его словам, один из студентов был неудовлетворен моей лекцией.

— Неужели жалоба одного-единственного студента может повлиять на отмену цикла лекций? — спросил я.

Но Фредерикс лишь ответил, что не может пока ничего мне объяснить. Обещанного гонорара я тоже не получил. И совсем уже было забыл о произошедшем, когда по электронной почте получил от Фредерикса письмо; он просил о встрече.

Мы встретились в центре Ванкувера, в кофейне. Фредерикс выглядел довольно плохо, к тому же он постоянно нервно оглядывался. «Начались серьезные неприятности», — сказал он и пустился в долгие объяснения.

Оказалось, что мои лекции отменили из-за вмешательства служащих Объединенной церкви Канады: они пригрозили университету судебным иском, если меня не отстранят от лекций.

Более того, после моей лекции кафедра Фредерикса объявила ему выговор за то, что он пригласил меня выступить на занятии, и вынудила его изъять мой цикл из его курса «Преступления против человечества» — материалы, так или иначе касающиеся геноцида в Канаде. К тому же его перевели на испытательный срок и уменьшили преподавательскую нагрузку.

В сущности, они не только запретили мне читать лекции в университете, но и наказали Фредерикса — за то, что он предоставил мне такую возможность. Впоследствии его планы занятий по курсу геноцида всегда подвергали тщательному просмотру.

В ходе той долгой беседы со мной, а также дальнейших встреч Фредерикс сообщил мне следующую информацию.

На мою лекцию пожаловался не один из учащихся Фредерикса, а мать одного из студентов — Луиза Манган, священник Объединенной церкви в Ванкувере и моя бывшая сокурсница по семинарии. Услышав от сына о моей лекции, она немедленно связалась с юрисконсультom Ассоциации Объединенной церкви Канады в Британской Колумбии Джоном Джессиманом, который еще семь лет назад сыграл ключевую роль в моем увольнении из Объединенной церкви.

К тому же в этих переговорах участвовал некий безымянный служащий церкви, оказавшийся соседом одного из высокопоставленных лиц университета и бывшего главы кафедры социологии Нила Гаппи.

На основе неофициального обсуждения со служащими церкви и официальной жалобы Объединенной церкви, адресованной президенту университета Марте Пайпер, Нил Гаппи, исполняющий обязанности вице-президента по учебной работе, связался с главой кафедры антропологии и социологии — доктором Дэвидом Покотило — он до сих пор хорошо меня помнит, поскольку в свое время был моим преподавателем — и велел ему проинформировать Ричарда Фредерикса о том, что мои лекции следует отменить, а также пересмотреть содержание курса по геноциду в Канаде.

Встреча между доктором Покотило и Ричардом Фредериксом состоялась приблизительно через неделю после того, как я дал свою первую и единственную лекцию. В итоге мои лекции отменили, а деятельность Фредерикса подвергли цензуре.

— Доктор Покотило ясно дал мне понять, что если я не изыму из курса по геноциду материалы, касающиеся Канады, то мне не продлят срок полномочий и никогда не повысят. Он сказал, что вовсе «не приказывает мне», а дает возможность воздержаться от занятий, связанных с так называемым канадским геноцидом. Я понял, что если я не хочу потерять работу, то мне придется согласиться с ним, — рассказал мне Фредерикс.

Тогда же доктор Покотило пояснил Фредериксу, что сам не имеет к этим указаниям никакого отношения, что от него «ничего не зависит» и что приказ устранить меня от чтения лекций и подвергнуть Фредерикса дисциплинарному взысканию исходит от вице-президента по учебной работе — Нила Гаппи, а также из офиса президента Университета Британской Колумбии.

В итоге Ричарду Фредериксу пришлось подчиниться: он не только отменил мои лекции, но и добровольно откорректировал содержание курса, исключив все, что могло бы относиться к геноциду в Канаде.

Однако, несмотря на это, Фредерикс будто очутился в некоей изоляции в рамках своей собственной кафедры: в дальнейшем ему стали препятствовать в профессиональном развитии в рамках университета. В итоге Ричард Фредерикс решил покинуть Университет Британской Колумбии и на следующий год стал сессионным преподавателем в колледже Маласпина в Нанаймо.

Что касается меня, то где-то в конце весны 2003 года я узнал, что в академических кругах университета, среди людей, которые раньше поддерживали мою деятельность, обо мне распространяют негативные слухи.

На фоне этих событий я решил подать жалобу вице-президенту по учебной работе Нилу Гаппи и президенту университета Марте Пайпер. В своем письме я выразил несогласие с нападением на академические свободы и права человека в отношении меня самого и Ричарда Фредерикса. Я также обвинил их в том, что причиной тому послужили именно их ведомства.

На свои письма я не получил ни одного ответа, несмотря на то, что пару недель спустя я отправил их еще раз, и они даже были зарегистрированы.

Случившийся инцидент до сих пор не получил широкой огласки среди профессорско-преподавательского состава и учащихся, включая группы «активистов», коих в университете в избытке. Очевидно, геноцид на родине не может входить в план канадских занятий.

Глава 37

16 ноября 2003 года, Ванкувер,
район Ист-Сайд (Канада)

Единственное противостояние против цензуры, которое было мне знакомо, заключалось в длительных митингах на территории правонарушителей и власть предержащих. Поэтому 16 ноября 2003 года тридцать человек — все индейцы, за исключением меня — спокойно и решительно вошли в англиканскую церковь Святого Иакова, пока там шла обычная воскресная месса. На виду у любопытствующих и удивленных прихожан, а также разгневанного духовенства мы развернули транспарант с надписью: «Каждый ребенок заслуживает достойных похорон».

По сути, истина, непосредственно касавшаяся пропавших права и достоинства учащихся школ-интернатов, а также тех, кто нес ответственность за их смерть, серьезно задела людей за живое.

Один из индейцев, с которыми мы пришли в церковь, в свое время был свидетелем того, как англиканский священник церковной школы Алерт Бэй убил его брата. Он заявил потрясенным верующим, что мы отказываемся покидать здание до тех пор, пока церковь не сообщит нам, когда выдаст нам тела пропавших детей с тем, чтобы их можно было похоронить.

К тому времени я уже узнал, что белые попросту не прислушиваются к коренному населению, однако своему соотечественнику они всегда уделят внимание, даже если им покажется, что тот сумасшедший. Именно поэтому прибывшие на место полицейские и журналисты первым делом обратились ко мне.

— Давайте сворачивайтесь, — заявил неповоротливый сержант полиции. — Срывая церковную службу, вы нарушаете закон.

— Мы ничего не срываем, — ответил я. — Мы просто хотим знать, как им сошли с рук убийства детей.

Пока полицейский переваривал мой ответ, митингующие индейцы принялись петь и бить в барабаны. Некоторые прихожане поднялись со своих мест, пожали им руки и присоединились к группе. Это только расстроило священников, а один

из них даже подбежал к полицейскому, с которым я говорил, и потребовал «немедленно» выгнать индейцев.

Впрочем, беспокоиться тут было не о чем. Пару мгновений спустя, по какому-то незаметному сигналу, протестующие медленно вышли из церкви, продолжая стучать в барабаны. Ликуя, они впервые оставили священников и большинство прихожан в шоке и сомнениях, да еще и на их собственной территории.

— Да мы в тот день из-за вас потеряли полсотни прихожан, — заявил мне позднее один из священников.

— Это еще цветочки, — спокойно ответил я ему.

Иными словами, в ходе подобных протестов давление на ответственных за произошедшее в школах-интернатах только усилилось, и произошло это тогда, когда они меньше всего ожидали подобного. В ответ на наш митинг англиканская церковь опубликовала ряд опровержений и обличений, которыми мог бы гордиться даже Ричард Никсон. По утверждениям церковного отдела по связям с общественностью, в англиканских школах-интернатах никогда не умирали дети. По-видимому, убийства происходили только в католической и Объединенной церквях.

Отрицание и нежелание во что-то верить особенно присущи людям, пережившим травму.

Будучи священником, я часто сталкиваюсь с этим у смертного ложа, когда родственники умершего отказываются принимать тот факт, что их близкого больше нет рядом. Этой чертой отличаются и неверные мужья, которые пытаются убедить себя самих в том, что ничего не нарушили и что всегда можно будет вернуться домой. Однако в случае школ-интернатов для индейских детей мы сталкиваемся с тем, что правду скрывает все общество.

В итоге, основной части канадского общества так и не пришлось столкнуться с истиной — это похоже на ситуацию, в которой те, кто выиграл войну, не нуждаются в том, чтобы за что-то отвечать. В общем, так происходило до тех пор, пока мы не заговорили об убитых не как об «индейских детях», а как о «детях» вообще.

Хоть я и всячески способствовал разоблачению великой канадской тайны, к этому периоду годы борьбы совершенно меня вымотали. Еще весной 2002 года я по наитию переехал в городок Мейпл Ридж к востоку от Ванкувера. Вдали от безумия города, у тихой реки, я обрел покой — в этом мне помогло и то, что я, наконец, обнаружил истину. А за внутренним спо-

койствием ко мне пришло понимание того, что можно сделать в казалось бы безнадежной ситуации.

Именно здесь я написал свою вторую книгу биографического содержания под названием «Любовь и смерть в долине» (кстати, ее опубликовали в США). Работа над ней заставила меня задуматься над всем, что со мной произошло, и позволила мне понять, что еще я должен сделать.

По мере того, как мои дочери становились старше, наши отношения изменялись: они стали с большим любопытством относиться к моей жизни и тому, что вообще произошло с нашей семьей. Впрочем, мне по-прежнему было тяжело объяснить Клер и Элинор, что я пережил, с чем и за что борюсь до сих пор. Я начал понимать, почему выжившие никогда не делятся тем, что пережили, с собственными детьми: им не хочется, чтобы те впитывали их боль.

По этой причине мало кто оправляется от страданий — да, большинство признает этот факт, несмотря на то, что индустрия «помощи и примирения» предлагает им притвориться, будто восстановление душевного равновесия возможно.

В этот период лишь некоторые семьи индейских резерваций, занимающие особое положение, получили в качестве «помощи» крупные выплаты от правительства. В действительности, до жертв школ-интернатов деньги так и не дошли. Зато некоторым тучным вождям удалось слетать с семьями на Гавайи — якобы для того, чтобы посетить «семинары-тренинги по психологической поддержке». А вернувшись, они заставили свой народ отказаться от подачи исков против правительства и церкви.

К этому моменту большинство из тех, кто работал со мной над нашей кампанией, сдались. Когда речь заходит о заинтересованности белых в нашей деятельности, я частенько шутливо говорю о «правиле тридцати дней» — именно столько длится их интерес к теме канадского геноцида. Впрочем, сейчас, когда индейские вожди уже извлекли всю выгоду из проблемы, на разоблачение убийств и спланированную этническую чистку даже в среде индейцев смотрели с неодобрением.

Я по-прежнему продолжал осуществлять свою деятельность (к тому же, заново обретенное спокойствие и решимость придали мне сил): собирал доказательства и предавал их огласке.

Две недели спустя после нашего вторжения в церковь жизнь неожиданно приняла новый — приятный — оборот. По-видимо-

му, вести о нашем отважном «захвате» церкви широко распространились — меня пригласили выступить на общественной конференции в Нанаймо. В тот день меня радушно приняла сотня энтузиастов, среди которых была женщина по имени Лори О'Рок.

Занятно, как жизнь поступает с нами: то терзает, то ласкает. В тот день я неожиданно оказался на новой стартовой прямой. Женщина, с которой я познакомился, позднее связала свою жизнь с моей и заполнила собой пустоту, которая долгие годы не покидала меня. Беседуя с ней во время перерыва, я понял, что мы, по сути, нуждаемся в простом совместном препровождении времени.

Чуть позже мы проговорили до самой ночи, узнавая друг друга. Ее пылкое неприятие несправедливости, которой подверглись индейцы-бедняки, полностью согласовалось с тем курсом, который наметил для себя я. Она и сама когда-то была сиротой, а ныне — матерью-одиночкой. Она преподавала в колледже Маласпина. Как выяснилось, к началу нашего общения Лори уже была знакома и с моими книгами, и с моим сайтом. Одним словом, она «попалась на крючок», причем здесь подразумевается не только обеспокоенность событиями прошлого и интерес к моей деятельности.

В следующем месяце Лори организовала для меня лекцию в своем колледже и тут же поняла, каково быть моей союзницей. Какая-то женщина, член местной Объединенной церкви предупредила Лори о том, что от меня лучше держаться подальше:

— Джим Мэнли сильно огорчается, когда упоминают имя Кевина.

Джим Мэнли был священником местной Объединенной церкви и бывшим членом парламента. У него давно были налажены связи с миссионерами западного побережья, включая таких выдающихся людей, как доктор Джордж Дарби, легендарный герой в истории миссионерской деятельности Объединенной церкви. Что касается достижений самого Дарби, то тот отличился в программе стерилизации индианок в больнице «Ар Дабл-Ю Лардж» в Белла Белла (кстати, она до сих пор работает).

— Этот самый доктор Дарби вынул мне под наркозом золотой зуб, а потом удалил маточные трубы, чтобы я не смогла иметь детей, — рассказала Этель Уилсон еще в 1998 году в ходе работы трибунала Международной ассоциации по правам человека среди американских меньшинств. Правда, мистер Мэнли утверждает, будто подобные свидетельства сфабрикованы.

По всей видимости, того, что я огорчил его и задел его нечистую совесть, хватило для того, чтобы жители Нанаймо принялись избегать меня. Зато Лори нисколько не встревожило предупреждение — напротив, она поинтересовалась, что же такого я натворил.

— Да он на этих событиях в школах-интернатах себе карьеру построил! А ведь даже не индеец! — воскликнула ее собеседница.

— Разве для того, чтобы выступить против нацистского холокоста, нужно быть евреем? Или для того, чтобы выразить свой протест против войны в Ираке, нужно обязательно быть его жителем? — ответила ей Лори, и покрасневшая женщина выбежала.

Лучшим доказательством того факта, что я бил по больным местам, оказалась оборонительная позиция Мэнли. Особенно ярко она проявилась в ту пору, как мы с Лори углубились в изучение деятельности Объединенной церкви, в частности, работы больницы для индейцев в Нанаймо — сохранившиеся здания больницы до сих пор располагались прямо к югу от колледжа Маласпина.

На собрании, которое организовала Лори, одна индианка по имени Джоан Моррис рассказала, как их с матерью держали в этой больнице взаперти более тринадцати лет, несмотря на то, что они были здоровы.

— Мне постоянно делали какие-то уколы, а некоторых девочек даже подвергали операции, чтобы они больше не могли иметь детей, — рассказала Джоан притихшим присутствующим.

— Нас с кухней Нэнси Джо заставляли есть какую-то дрянь, пахнущую йодом. В итоге Нэнси умерла от рака, когда ей было двадцать два, да и у меня образовалось несколько опухолей. Когда я, повзрослев, обратилась к врачу, мне сделали рентген и сказали, что у меня все кости в ступнях разрушены.

Ни Джоан, ни ее матери, ни кому-либо из выживших так и не удалось заполучить из больницы ни своих медицинских карт, ни эпикризов, ничего! У правительства на все был один ответ: документы нельзя предавать гласности в интересах национальной безопасности.

Врач из Кэмпбелл Ривер рассказал Кенни Квотеллу, которого держали в больнице Нанаймо с пяти до четырнадцати лет, что он является участником какого-то длительного исследования, правда, врач не стал углубляться в детали.

В конце 60-х годов Кенни прямо с операционного стола передали в больницу для индейцев в Нанаймо, где подвергали электрошоку и воздействию экспериментальных лекарств, помещали в камеру сенсорной депривации и ежедневно проводили на нем опыты. Его родителям сообщили, будто он умер на операционном столе. Кенни посчастливилось встретиться с ними снова, лишь став взрослым.

— Не помню, как долго меня держали в этой темной комнате, но если после таблеток меня рвало, меня заставляли съесть их снова.

На острове Ванкувер я познакомился со многими людьми, вроде Кенни, и в 2004 году решил переехать в Нанаймо. Лори последовала за мной. Мы поселились вместе и принялись документировать ужасные истории выживших индейцев.

Глава 38

Весна 2005 года, съемки фильма
(остров Ванкувер)

Я давно собирался снять документальный фильм, который охватывал бы все материалы преступлений, произошедших в школах-интернатах для индейских детей. Вот только ни один специалист так и не проявил интереса к съемкам, да и у меня не было ни гроша, чтобы оплатить работу.

Впрочем, решение проблемы пришло неожиданно: вскоре после того, как мы съехались с Лори, мне по электронной почте пришло письмо от некого Луи Лолесса. Сначала я подумал, что это розыгрыш, поскольку его фамилия означала «беззаконный». Но мои сомнения быстро рассеялись, поскольку Луи оказался голливудским режиссером на пенсии. Жил он в часе езды к югу от Нанаймо, в городке Дункан, а узнал он обо мне благодаря каким-то слухам среди индейцев.

К его предложению встретиться я отнесся скептически — мне не хотелось разочаровываться. Слава богу, Луи был довольно настойчив. Как оказалось, об индейцах он практически ничего не знал, зато у него был хороший нюх на сенсации, а моя история его привела в восторг. Несмотря на то, что поначалу я сопротивлялся, ему удалось убедить меня, что то, что я пережил и узнал, очень важно и интересно.

— Только вот это — история не о коренном населении, а о вас, — настаивал он с гаэльским напором. — Большинству белых плевать на геноцид. Не то чтобы они совершенно нечувствительны, просто он не имеет к ним никакого отношения. Зато история белого священника, который потерял абсолютно все, включая семью, и бросил вызов церкви, обязательно привлечет их внимание. Людям нравятся истории про Давида и Голиафа, а у вас как раз такая!

Эта идея мне совершенно не понравилась, и я уже готов был сказать Луи, что ничего не выйдет, но, к счастью Лори, выросшая в сельской местности Британской Колумбии и прекрасно понимавшая, что именно большая часть канадцев думает об индейцах, согласилась с ним.

— Нам просто нужно показать обе точки зрения, — продолжал Луи, — как вашу, так и их. Такое сочетание культур произведет сногшибательный эффект!

В итоге они убедили меня, и вскоре мы принялись за сценарий — нам предстояло снять первый документальный фильм о подлинных событиях, происходивших в канадских школах-интернатах, не говоря уже об описании моих личных переживаний.

Именно Лори придумала название фильма, когда на нее как-то вечером снизошло вдохновение — «Нераскаявшиеся».

— Это слово описывает и церковь, и тебя самого, — серьезно заметила она.

На съемки «Нераскаявшихся» у нас ушло полтора года: нам пришлось переплести события моей личной жизни с показани-ями выживших.

По существу, фильм основывался на громадном количестве материала, который я собрал еще для книги «Тайны истории» и который убедительно доказывал, что геноцид в Канаде был, и был он умышленно спланированным.

Луи оказался превосходным режиссером и монтажером. Он прекрасно понимал, каким должен быть зрительный ряд и как вызвать у меня эмоции (а ведь я думал, что давно успокоился). Он также понимал, что миру будет безумно интересно узнать, что выпало на мою долю, — по сути, нет ничего более притягательного, как противостояние отдельного человека вроде Прометея, Давида, Кухулина — могущественным силам.

Впрочем, во время съемок были и не особо приятные ситуации, поскольку Луи постоянно пытался добраться до моих подлинных переживаний.

— Хватит думать головой! — кричал он на меня. — Покажи мне, как ты себя чувствовал, когда у тебя отняли детей!

Работать над фильмом каждый день было нелегко. И куда мучительнее было копаться в воспоминаниях, связанных с увольнением, разводом и теми ужасными историями, которыми на протяжении этих лет со мной делились индейцы. Впрочем, мы продолжали упорно компоновать новые кадры с материалами интервью, которые я собирал около семи-восьми лет.

Вышедшие на поверхность страдания затмил восторг — я понимал, что мир, наконец-таки, узнает о случившемся. Я чувствовал, что, как только люди увидят лица выживших, они осознают, насколько все это реально. Но я и представить себе не мог, какой взрывоопасной силой будет наделен этот фильм!

Глава 39

Январь 2007 года

Выпущенный в свет фильм «Нераскаявшиеся» отмечен двумя крупными наградами на кинофестивалях в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Его демонстрируют на различных конференциях и распространяют в Интернете (зафиксировано более пятидесяти тысяч обращений к страницам с видео); он находится в списке наиболее популярных видеофайлов поисковой системы «Google». Слово пламя пожара, это видео стремительно распространяется по Канаде и всему миру.

— Благодаря этому фильму о нас впервые заговорили, — комментирует жертва событий прошлого — Луис Дэниелс из Виннипега в интервью национальной газете. — Уж теперь-то на нас обратят внимание.

Налицо признаки того, что весть, наконец, дошла до мира; фильм «Нераскаявшиеся» расшатал что-то в духе канадского отрицания холокоста. В течение месяца со дня выхода картины в газетах «Глоуб энд Мэйл» (ведущая национальная ежедневная газета) и «Оттава Ситизен» публикуют соответствующие документальные очерки, в которых подтверждается все то, о чем годами говорил Кевин Аннетт: более половины детей, заключенных в стенах школ-интернатов, там же и погибли.

В газетах пишут о массовой гибели индейцев, упоминая об уровне смертности в школах-интернатах для индейских детей, составившем пятьдесят процентов. Впервые со времен трибунала 1980 года Кевину Аннетту начинают названивать журналисты; более того, его цитируют в национальных СМИ.

Тот факт, что его новая организация «Друзья и родственники пропавших без вести», состоящая из сторонников Аннетта и тех, кто выжил в ходе страшных событий прошлого, возобновила пикетирование церквей Ванкувера и Торонто, подогрел интерес СМИ. Кевин Аннетт планирует проведение акций так, чтобы они совпали с публикацией новых доказательств наличия массовых захоронений детей у бывших школ-интернатов.

С 2005 года Кевин и его соратники по организации «Друзья и родственники пропавших без вести» ежегодно 15 апреля отмечают День памяти холокоста коренного населения. Более того, они неустанно призывают англиканскую, римско-католическую и Объединенную церкви выдать им останки убиенных детей. Тот факт, что основное внимание теперь уделяется пропавшим детям, задело всю Канаду, особенно если учесть, что демонстрации в честь 15 апреля теперь проходят не только в Ванкувере, но и в пяти других городах, а СМИ освещает эти события.

Ну, и конечно, о преступлениях впервые заговорили в канадском парламенте, что, несомненно, вызвано деятельностью организации «Друзья и родственники пропавших без вести».

В апреле 2007 года сразу после выхода в свет фильма «Нераскаявшиеся» Гэри Мераста, член оппозиционной либеральной партии канадской палаты общин, а также бывший вождь племени совета и представитель племени кри в северной части Саскачевана, обращается к Джиму Прентису, министру по делам с индейцами с просьбой вернуть на родину останки детей, погибших в школах-интернатах.

Прентис утверждает, что займется изучением вопроса, и в Канаде наступает новая эпоха. Правительство Харпера вынуждено объявить об учреждении Специальной комиссии по делам детей, пропавших без вести, а позднее и об учреждении Комиссии по установлению истины и примирения, которые призваны заняться изучением истории школ-интернатов.

Выступив в парламенте, Гэри Мераста покидает пост министра и заступает на должность главы отдела по связям с общественностью корпорации «Камеко», занимающейся производством урана. К слову, у корпорации уже давно сложились не самые лучшие отношения с местными племенами, поскольку они вывозят отработанный уран в индейские резервации.

Как в свое время в Чьяпасе заметил Фидель, в Канаде индейских лидеров не убивают (разве что за исключением патриотов вроде Луи Риэля) — их просто нанимают в штат.

Жаль, но среди коренного населения так и не появилось нового Мартина Лютера Кинга. С другой стороны, у индейцев были свои выдающиеся военные лидеры: Джеронимо, Большой Медведь, Сидящий Бык, Леонард Пелтиер и даже метис Луи Риэль. Их всех без исключения либо казнили, либо сгоняли вместе с остальными

индейцами на какие-нибудь пустоши, которые уже ничем не могли заинтересовать правительство бледнолицых.

Все эти события привели к тому, что появилось новое поколение молодежи, заступившей на позиции старших. Именно эти неудержимые мужчины и женщины стали союзниками Кевина Аннетта, неизменно сопровождающими его на пикетированиях церковей и митингах, продолжающими борьбу за изменение духа Канады, а вместе с тем — и ее внешнего облика.

Глава 40

2008-2009 годы, Канада

Выход в свет фильма «Нераскаявшиеся» и митинги, вызвавшие внимание СМИ, стали ключевым фактором, побудившим канадское правительство и, в конечном счете, папу Бенедикта XVI к тому, чтобы принять какие-то меры по вопросу преступлений, совершенных в канадских школах-интернатах для индейских детей. Это оказало нам с выжившими, решившимися рассказать правду, значительную поддержку.

И все же...

Жизнь в Канаде похожа на прогулку по северной тундре. Среди бело-голубых просторов, под снегом, лежит толстый слой гумуса, в котором можно запросто увязнуть. Неизвестно, по каким территориям ходишь и где живешь, пока тонкая корка не проломится, и не узнаешь, что же там, под ней.

Итак, государство и церковь, ответственные за геноцид, были вынуждены нехотя признать за собой кое-какие поступки, а это стало для нас значительной победой. Но одновременно с этим они пытались освободиться от обязательств, заставить свидетелей молчать, а меня лишить международной поддержки и возможности их окончательного разоблачения.

Под давлением нашей кампании федеральное правительство объявило об организации Комиссии по установлению истины и примирения и собралось «принести извинения» за отвратительные события, происходившие в школах-интернатах. Впрочем, если сравнивать ее с одноименной комиссией в Южной Африке, которая в свое время послужила отмене апартеида, канадская организация скорее напоминала не Нюрнбергский процесс, а какой-то церковный пикничок.

Известно, что Канада решает проблемы за счет больших расходов, не пытаясь их устранить. Так что неудивительно, что канадская Комиссия не имеет никаких прав предъявлять иски, обвинять кого-то в уголовном преступлении, а также вызывать людей в суд. Более того, она не может ни предоставить свидетеле-

лям неприкосновенность, ни назвать имена преступников. Преступления, совершенные в школе-интернате, нельзя обсуждать до тех пор, пока ими не займется суд, правда, в большинстве случаев, особенно когда речь шла об убийствах, этого не происходило.

Вряд ли подобная безрезультатность и своекорыстие могут кого-то удивить, ведь членов Комиссии назначали представители церквей, дела которых и расследовала эта комиссия!

Если бы серийному убийце позволили выбрать присяжных, подружиться с судьей и избежать судебного преследования, а также тюремного заключения только за то, что он «извинился» перед родственниками жертв, подобное низвержение правосудия и рядом бы не стояло с той пародией, которую устроили более плодовитые убийцы: англиканская, католическая и Объединенная церкви Канады.

Безусловно, тот факт, что случившиеся в тот период, о котором идет речь, смерти и преступления, наконец, официально признали, имел большое значение. Однако ни в СМИ, ни в пресс-релизах правительства и церквей, ни в речи премьер-министра Стивена Харпера так и не прозвучало слов типа «вина», «убийство», «суд», «церковь», «геноцид». После того как объявили об учреждении Комиссии по установлению истины и примирению, правительство заявило, что «никаких обвинений в совершении преступлений» выдвигаться не будет, несмотря на то, что они совершались именно в школах-интернатах. Одни только «фонды поддержки» да речь о «примирении», и никакого упоминания того факта, что за сто двадцать лет никого так и не привлекли к судебной ответственности за смерть детей в канадских школах-интернатах.

Слово «убийство» не употребляется вообще — оно будто исчезло из нашего словарного запаса. С официальной точки зрения, никаких убийств и не было. Налицо серьезнейшее преступление и ни одного преступника.

Бледнолицым юристам, политикам и епископам, бубнящим что-то про «извинения», следовало бы внимательно прислушаться к мыслям покойного вождя Джозефа из племени не-персе (1840–1904):

«Слова не могут окупить смерти. Они не могут заменить мне страны, которую захватили белые. Они не способны защитить могилу моего отца. Они

не могу́т прокармить моих лошадей и скот. Добрые слова не вернут мне моих детей и не дадут моему народу здоровья. Не дадут они моим людям и дом, где мне могли бы жить в гармонии. Я устал от разговоров, которые ни к чему не приводят. У меня щемит в сердце, когда я вспоминаю все добрые слова и нарушенные обещания. Люди, которые не имеют никакого права говорить, чересчур много болтают».

Лично меня преследует образ Мэйси Шо. Меня преследуют и образы остальных пятидесяти тысяч детей. Почему же они не преследуют остальных канадцев?

Глава 41

Август 2009 года. Ванкувер,
район Ист-Сайд (Канада)

Главный герой этой неоконченной саги так и не одержал окончательной победы. Впрочем, он не потерпел и поражения. Его жизнь наполнена одними только людьми, которым он решил помочь еще несколько десятилетий назад (произошло это неподалеку от места, где он сейчас и находится, — рядом с кафе «Овальтин» на Ист-Хэйстингс Стрит).

Мучительная неопределенность, присутствующая в его жизни, постепенно проясняется — как и всегда, это происходит благодаря беседам с очевидцами событий. Они — единственные понимают и подбадривают его.

Утро. Он сидит в привычной забегаловке, известной своими деревянными перегородками времен Великой депрессии, — эта черта весьма популярна среди кинокомпаний, когда они снимают сюжеты о том, как зажиточные мужчины колятся по улицам района, высматривая молодых проституток-индианок. В кафе входит Шейла Литтл.

Шейла — индианка, которая проживает в центральном районе Ванкувера Ист-Сайд. Это зона свободного огня, где каждый год пропадают десятки человек. За их пропажу, вероятно, ответственны полицейские, какие-то наемники либо убийцы-расисты.

Самой Шейле пришлось бежать с родины, поскольку ее с детьми пытались убить, чтобы получить земли, на которых жил ее народ. В действительности, Шейла — мать клана, представительница группы, которую правительство пыталось стереть с лица земли посредством убийств, стерилизации и правовых махинаций. Ее дочь должна была унаследовать земли, которыми так сильно интересовались лесообрабатывающие компании.

Впервые Шейла обратилась к Кевину в 2001 году.

— Мне есть что вам рассказать, — написала она ему. — Я слышала, с вами можно об этом поговорить.

После этого случая ее чуть не убили, и с тех пор ей пришлось прятаться. Она объявилась снова лишь восемь лет спустя.

Шейла искоса смотрит на скромного худощавого мужчину.

— Я думала, вы покрупнее.

За скудной пищей она начинает свой рассказ.

— Когда мне еще не исполнилось и двенадцати, я забеременела от священника школы-интерната Мишин. Узнав об этом, он привел доктора, который сделал мне какой-то укол и привязал к кровати. Каким-то образом им удалось спровоцировать у меня выкидыш. Монахини говорили, что этот ребенок негоден Богу, а значит, должен умереть. Позднее я узнала, что его утопили в ведре с водой и похоронили в поле у школы. То же случилось и с моей сестрой Бернис после того, как ее изнасиловал священник. Ей тоже так и не довелось увидеть своего малыша.

Шейла замолкает и со слезами на глазах спокойно глядит на Кевина.

— Тогда я решила сбежать. Ко мне присоединилось еще двое ребят, Деннис и Уолтер. Правда, кто-то донес на нас, так что нас довольно быстро поймали. В общем, нам пришлось вернуться в школу. Денниса на две недели закрыли в чулане. Все это время его очень плохо кормили, зато постоянно избивали. В прошлом году я случайно встретила его в Террасе — он выглядел, как старик. Увидев меня, разрыдался.

Кевин делает заметки на салфетке, но, когда Шейла принимается плакать, поднимает на нее свой взгляд.

— Наш главный вождь нелегально продал около восьми тысяч гектаров индейской земли. Никто даже не знал об этом. Компания, с которой он заключил сделку, подарила ему новый дом, лодку и три машины. А если кто-то пытался возразить, его ждал билет к озеру в один конец — такие люди исчезали очень быстро. Всех моих родственников уничтожили, одного за другим, чтобы никто не мог предъявить права на наследование земли. Вождь позаботился о том, чтобы она перешла в руки его друзей, занимающихся лесозаготовками.

Шейла отказывается произнести имя вождя и озвучить название компании, поскольку еще хочет пожить и посмотреть на внуков. Впрочем, и так ясно, о ком идет речь, — на них частенько ссылаются в СМИ.

Шейла также рассказывает о молодых индейцах, которых в холодную погоду забирали с собой полицейские Терраса и Принс-Джордж, — эти ребята так и не вернулись домой.

— Их вывозили за тридцать-пятьдесят километров от города и бросали там. Так случилось с моим племянником Бобби и его другом. Двое полицейских остановили свою машину у автобусной остановки, на которой сидели ребята, и заставили их сесть к ним. В тот вечер было двадцать градусов по Цельсию ниже нуля. Ребят бросили в часе езды от города. Они бы погибли, если бы их не нашли. Полицейские постоянно так поступают с нашими людьми. В этом нет ничего необычного. Можно сказать, что школы-интернаты для нас так и не закрылись.

Кевин Аннетт кивает — он уже столько раз слышал подобные истории! Он откладывает свои записи и смотрит на Шейлу, размышляя, что же с ней будет дальше. Ответ известен обоим.

Глава 42

Настоящее время: реквием

За неделю до того, как в больнице Норт-Бей в Онтарио родилась моя первая дочь Клер, я присутствовал у постели Донована Мика, когда тот находился при смерти: меня пригласила к нему его пожилая скорбящая жена Эдит. Тогда я еще только готовился стать священником и никогда ранее не сталкивался со смертью столь близко.

Тем холодным январским утром мы с Эдит держали Донована за ослабевшие морщинистые руки, покуда он пытался заставить свое тело, разрушенное раком, сделать еще несколько вдохов. Я понимал, что он вот-вот умрет. Пронизывающие голубые глаза в последний раз нашли Эдит — Донован улыбнулся ей и покинул этот мир.

Я сердцем ощутил, как открылся некий портал в вечность: комнату будто заполнило чистое сияние. Когда портал закрылся, я повернулся к Эдит и по ее радостному взгляду понял: она тоже почувствовала это.

22 января 1989 года точно такое же сияние прорвалось через врата, открывшиеся на мгновение, когда родилась моя дочь Клер Роуз. Я ощутил вечность, когда моя дочь открыла глаза и посмотрела на меня, — мы тут же узнали друг друга. Рыдая и обнимая Энн, держа на руках свою новорожденную дочь, я впервые в жизни поверил в то, что любовь — слово, которым мы называем вечность, и это сияние — по сути, является единственной подлинной реальностью, и что все остальное, на деле, преходящая иллюзия.

Мои предки-кельты говорили, что смерть есть возвращение в реальность, и были правы. Именно в смерти мы понимаем, что на деле реально мгновение вечности, природа которого — суть — любовь и которое неподвластно ни времени, ни разрушениям. Так и есть. За пятнадцать лет я научился принимать реальность смерти, в том числе и своей — которой способствовали жестокие люди, укравшие у меня старый образ жизни,

детей и надежную привязанность к миру лжи. Благодаря этой смерти я очутился в «царстве вечности», о котором говорил еще Иисус (в Библии оно неверно переведено как «царство Божие»).

«Царство вечности как внутри вас, так и снаружи, — говорил Иисус на арамейском языке. — Царство вечности вовсе не в церкви», — мог бы добавить он, если бы был жив и видел, как христианство осквернило его имя. Итак, это царство повсюду, вот только мы не можем увидеть его. Лишь в смерти мы подходим к нему ближе.

В такое мгновение мы видим истинную природу вещей, а все ограничения, принципы и правила, представляющие собой иллюзию, попросту исчезают — мы вновь обретаем единение со всем сущим. Только в такую минуту мы способны познать, кто мы такие на самом деле и что мы должны сделать.

Гонения, которые поначалу показались мне бесконечными и бессмысленными мучениями, обернулись дорогой к этому ощущению вечности и пониманию того, что время нашего народа и нашей культуры подходит к концу.

Признаки нашей кончины повсюду, вот только мы страшимся смерти и прячемся от нее. Мы способны лишь отрицать очевидное, несмотря на то, что сталкиваемся с ним каждый день. Наша культура, подобно умирающему от рака, утверждает, будто вот-вот встанет на ноги, — осталось только найти подходящее лекарство. Да вот незадача: нет никакого лекарства от того, чем мы стали; нас ожидает смерть.

Я узнал, что истребление, которому мой народ веками подвергал коренное население, еще давным-давно было направлено против нас европейцами под знаменем религии и веры. В октябре 2009 года в Парме после пикетирования Ватикана я познакомился с группой вальденсов, потомков инакомыслящих протестантов, чьим предкам, как и моим предкам гугенотам, удалось выжить в бойне, навязанной католической церковью. Внезапно я, как и бывшие учащиеся школ-интернатов для индейских детей, оказался жертвой геноцида. И я прекрасно понимал, что преступления по самонадеянному завоеванию «неверных» до сих пор продолжаются, вот только теперь перед нами стоит угроза разрушения всей нашей священной планеты.

Каждые несколько лет природа набирает силы: чтобы родилось что-то новое, чему-то следует умереть. Каждая культура проходит через один и тот же цикл. Сейчас наши экосистемы чахнут,

из-за жестокости полиции здравый смысл и надежда исчезают — мы вплотную подошли к тому, что привело к нашей кончине, мы столкнулись с той же самой силой, которая убила и стерилизовала невинных индейских детей во имя ревностного и кровожадного бога Иеговы, которая по-прежнему отрицает и скрывает правду.

И все же вечное царство, пребывающее внутри каждого из нас, переживет это разрушение, правда, только в том случае, если мы примем во внимание пророчества, данные нашему народу Учителем, которого мы отвергли. Он сказал, что над нами витает дух вечности, и призвал нас освободить пленных, вернуть зрение слепцам и провозгласить эру духовного возрождения, когда общество окончательно подойдет к последней черте, и тогда все вернется на круги своя.

Наконец, мой дорогой читатель, настало время отказаться от социальной неразберихи, именуемой «цивилизацией». Церковные и государственные учреждения потеряли свое положение, а поскольку мертвых должны хоронить мертвые, то это вам, живым, решать, избавляться от технологического рабства, в котором вас приучили жить, или нет. И никто не сможет принять решения за вас.

Недавно умер один из моих лучших друзей — это случилось в начале 2010 года, когда я как раз дописывал эти строки. Его звали Бинго Доусон. Этот бездомный индеец всегда мужественно стоял в первых рядах на любом пикетировании церкви и при любом требовании справедливости. За несколько дней до смерти Бинго жестоко избили трое ванкуверских полицейских. Вероятно, это и послужило причиной его смерти. На углу, где жил Доусон, неизвестный нарисовал граффити «Бинго: был другом, стал ангелом. Этот уголок останется твоим навеки».

Как Донован Мик, Мэйси Шо, Харриэт Нахани и многие-многие другие, Бинго научил меня быть сильнее. Теперь все они пребывают в царстве вечности, полном чистейшей любви, где никто и знать не знает о предвзятости и порочности. Вы даже представить не можете, как ничтожно расстояние между нами. И каждый день я погружаюсь в этот поток вечности.

Друзья мои, продолжим борьбу за выживание!

Глава 43

Последнее песнопение: пиррова победа

Все заканчивается точно так же, как и начиналось. Правда, сейчас в Порт-Алберни зима, канун Рождества. Почти шестьдесят пять лет прошло с тех пор, как в канун Рождества Альфред Кальдвелл оставил Мэйси Шо умирать на холодном полу подвала и тем же вечером пригласил детей спеть о рождении Иисуса. В отличие от Мэйси, он мирно умрет в своей постели, а в официальных сообщениях его будут хвалить и перевозносить.

Звуки рождественского гимна разносятся вдоль всего залива у Порт-Алберни, парят над могилами Мэйси Шо и других убиенных детей. Словно благословляя их, на могилы медленно падает снег.

Один из журналистов сказал, что это «пиррова победа» — победа, доставшаяся непомерно высокой ценой. Впрочем, а о чьей же победе идет речь?

Британскую церковь так и не свергли, по крайней мере, с виду у нее все в порядке. Громоздкая, словно огромный океанский лайнер, она по-прежнему придерживается своего курса, правда, немного уклоняясь от него, — из-за того, что морская вода постепенно наполняет нижние отсеки — судну нанесли непоправимый ущерб; у него появилась пробоина. Послания церкви как никогда напоминают о ее превосходстве; ее структура по-прежнему прочна, однако что-то уже пошатнуло ее.

Правительство все так же неприкасаемо и сурово. Понятное дело, что в ходе расследования преступлений прошлого власть имущие никогда не станут обвинять самих себя.

Всячески демонстрируется, будто соблюдена надлежащая политика. Так что если, действительно, в течение двухсот лет совершались преступления, наблюдались случаи тирании и официального опровержения событий, если, действительно, уничтожили тысячи малышей, то извинения парламента и подачи министерства снабжения, видимо, все это свели на нет.

В начальных школах по-прежнему будут рассказывать, что в 1873 году беспристрастная королева Виктория учредила

Королевскую канадскую конную полицию. Полиция храбро подавила восстания индейцев у Дак-Лейка и Сайпресс Хиллс и даже уладила мятежника-метиса Луи Риэля, которого даже избивали в парламент, но, в конечном итоге, повесили. Подобная ситуация уже имела место в случае с шаманом племени кри Блуждающим Духом.

Похвальное участие полиции в саге о школах-интернатах, созданной в лучших традициях империи, сводилось лишь к тому, чтобы они выполняли приказы, данные высокопоставленными лицами; правовой прецедент попросту освобождал всех подчиненных правительства от ответственности, несмотря на то, что в свое время было сказано на Нюрнбергском процессе.

Совсем недавно СМИ, наконец, нашли возможным и выгодным рассказать поразительную историю уже немолодого подстрекателя — можно подумать, эти события только случились. Они написали о том, что он уже семнадцать лет борется с церковью. Как утверждает один предприимчивый журналист, «Кевин Аннетт — современный Давид, который, может, и не разгромил Голиафа, зато хорошенько потрепал этого сукиного сына». А что же наш главный герой?

Возможно, он до сих пор собирает какие-то новые, важные истории, когда беседует в парке Оппенгеймер, что в центре Ванкувера, с теми, кто, руководствуясь верой либо какими-то иными решениями, вошел в число его прихожан, с теми, кому даже зимой негде укрыться, разве что в картонных коробках.

Он сильно дорожит именем Громкий Орлиный Голос, которое ему дал вождь племени анишинабе Луис Дэниелс, приняв Кевина Аннетта в свои ряды. Он робко припоминает предсказание индейцев лакота: «В эту пору появится среди нас белый человек, который дарует нам голос».

Вероятно, любая битва завершается пирровой победой для каждой из сторон, уж слишком дорого стоит триумф.

У него до сих пор не хватает сил поверить, что все это было напрасно. Снег все падает на безымянные могилы; слышится музыка, которая исходит от пальцев какого-то не ведающего печали жизнерадостного органиста. Она повествует о некоем идеале, которого никто так и не добился, но который по-прежнему манит к себе тех, кто мог бы осмелиться последовать за его жертвенным огнем.

Этот огонь привлек Кевина туда, откуда и началась эта история, туда, где было положено начало преступлениям, в Рим, в место утраченных идеалов. Именно здесь он потребовал правды и призвал смерч. Он снова и снова будет возвращаться к этому символу лжи и предательства. Только теперь он будет не один — его будут сопровождать те, кому больше не хочется жить во лжи, скрывающейся под императорскими одеждами.

Достаточно уже того, что он зашел настолько далеко. Довольно испытаний, выпавших на его долю из-за этой страшной тайны!